

ИСТОРИЧЕСКІЙ ВѢСТНИКЪ

ИСТОРИЯ –
СВИДЕТЕЛЬНИЦА
ВРЕМЕН

ТОМ ТРИДЦАТЬ ВОСЬМОЙ
2021

Дорогие наши читатели и подписчики, благодарим вас за вашу преданность проекту и терпение, столь важное и ценное для нас в это непростое время. Благодаря вашей незримой поддержке мы продолжаем наш общий путь по дорогам истории. Обещаем, редакция еще не раз удивит вас новыми темами исследований и публикацией уникальных документов.

Журнал издается при попечении
Российского исторического общества.

ИСТОРИЧЕСКІЙ
ВѢСТНИКЪ

ИСТОРИЯ —
СВИДЕТЕЛЬНИЦА ВРЕМЕН

ТОМ ТРИДЦАТЬ ВОСЬМОЙ

МОСКВА, 2021

Компьютерный набор редакции.
Дизайн и верстка Ю.В. Филимонова.
Подписано в печать 08.09.2021 г. Формат 84×108 1/16.
Усл.-печ. л. 15,75. Заказ № 106291.

Адрес редакции: 119071, г. Москва, Ленинский пр-т. 15А
Тел.: +7 (495) 737-76-32, факс: +7 (495) 730-61-76
E-mail: info@runivers.ru

Журнал зарегистрирован в Федеральной службе по надзору
в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций
(Роскомнадзор).
Свидетельство о регистрации средства массовой информации
ПИ № ФС77-51055 от 03 сентября 2012 г.

© АНО «Руниверс», 2021

---

*Материалы, публикуемые в журнале «Исторический вестник», могут
не совпадать с точкой зрения редакции.*

Отпечатано в полном соответствии с качеством предоставленного оригинал-
макета в типографии ООО «Сам Полиграфист», издательство «Onebook.ru».
Адрес: 129090, г. Москва, Волгоградский проспект, д. 42, кор. 5. E-mail: info@
onebook.ru. Сайт: www.onebook.ru

Журнал издается при поддержке ООО «НИКОХИМ».

ИСТОРИЧЕСКИЙ ВЕСТНИК

Редакция

- А.Э. Титков
главный редактор, кандидат исторических наук
- Ф.Г. Тараторкин
зам. главного редактора, кандидат исторических наук
- И.Я. Керемецкий
зам. главного редактора, художественный редактор, член-корреспондент Международной академии культуры и искусства
- Т. Лефко
редактор английской версии
- Е.А. Радзиевская
ученый секретарь

Редакционный совет

- М.В. Баранов
кандидат философских наук, президент АНО «Руниверс»
- С.П. Брюн
сотрудник Музеев Московского Кремля
- В.З. Голдман
Ph.D., профессор кафедры истории Исторического факультета Университета Карнеги-Меллона
- А.А. Горский
доктор исторических наук, профессор Исторического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова, заместитель директора Института российской истории РАН

THE HISTORICAL REPORTER

Editorial Administrative Committee

- Alexey E. Titkov
Editor-in-Chief, Ph.D. in History
- Filipp G. Taratorkin
Deputy Editor-in-Chief, Ph.D. in History
- Igor Ya. Keremetskiy
Deputy Editor-in-Chief, Art Editor, Corresponding Fellow of International Academy of Art and Culture
- Todd Lefko
Editor of the English Version
- Elizaveta A. Radzievskaya
Academic Secretary

Editorial Board

- Mikhail V. Baranov
Ph.D. in Philosophy, President of ANO «Runivers»
- Sergey P. Brun
Staff member at the Moscow Kremlin Museums
- Wendy Z. Goldman
Ph.D., Paul Mellon Distinguished Professor of History at Carnegie Mellon University, History Department
- Anton A. Gorskiy
D. Sc. (History), Professor at the Moscow State University, Historical Faculty, Deputy Director of Russian Academy of Sciences, Institute of Russian History

- С.В. Девятков**
доктор исторических наук, профессор, советник директора ФСО России, заведующий кафедрой истории России XX–XXI вв. Исторического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова
- Д.Р. Жантиев**
кандидат исторических наук, доцент Института стран Азии и Африки МГУ имени М.В. Ломоносова
- С.М. Исхаков**
доктор исторических наук, заместитель председателя Секции «История социальных реформ, движений и революций» Научного совета РАН по фундаментальным вопросам российской и зарубежной истории
- Г. Кантор**
доктор философии Оксфордского университета, Сент-Джонс колледж
- Л.Ф. Кацис**
доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой Теологии иудаизма, библеистики и иудаики РГГУ, заведующий Учебно-научной лаборатории мандельштамоведения ИФИ РГГУ
- С.А. Кириллина**
доктор исторических наук, профессор, зав. кафедрой истории стран Ближнего и Среднего Востока Института стран Азии и Африки МГУ имени М.В. Ломоносова
- Т.Ю. Кобищанов**
кандидат исторических наук, доцент кафедры истории стран Ближнего и Среднего Востока Института стран Азии и Африки МГУ имени М.В. Ломоносова
- И.В. Курукин**
доктор исторических наук, профессор кафедры истории России Средневековья и Нового времени Факультета архивного дела Историко-архивного института РГГУ и Учебно-научного института русской истории РГГУ
- Г.Н. Ланской**
доктор исторических наук, профессор кафедры зарубежного регионоведения и внешней политики факультета международных отношений, политологии и зарубежного регионоведения РГГУ
- Г.Д. Ленхофф**
Ph.D., профессор кафедры истории Исторического факультета Калифорнийского университета в Лос-Анджелесе
-

- Sergey V. Deviatov**
D. Sc. (History), Adviser to the Director of Federal Protective Service of Russia, Head of Russian History in XX–XXI cc. Department at Moscow State University, Historical Faculty
- Dmitriy R. Zhantiev**
Ph.D. in History, Associate Professor at the Moscow State University, Institute of Asian and African Studies
- Salavat M. Iskhakov**
D. Sc. (History), Vice-Chairman of the Section «History of Social Reforms, Movements and Revolutions» of the Scientific Council of the Russian Academy Sciences on the Fundamental Issues of Russian and Foreign History
- Georgy Kantor**
D.Phil. (Ancient History), St. John's College, University of Oxford
- Leonid F. Katsis**
Dr. Hab. (Philology), Professor, Head of the Educational and Scientific Center of Biblical Studies and Judaica, Head of the Scientific Research Laboratory of Mandelstam Studies of the Russian State University for the Humanities
- Svetlana A. Kirillina**
D. Sc. (History), Professor, Head of the Department of Middle and Near East History, Institute of Asian and African Studies, Lomonosov Moscow State University
- Taras Y. Kobishchanov**
Ph.D. in History, Associate Professor at the Department of Near and Middle Eastern History at Moscow State University, Institute of Asian and African Studies
- Igor V. Kurukin**
D. Sc. (History), Professor at the Russian State University for the Humanities Institute for History and Archives, Medieval and Modern History Department
- Grigoriy N. Lansky**
D.Sc.(History), professor of the department of Foreign Regional Studies at the faculty of International Relations, Politology and Foreign Regional Studies of Russian State University for the Humanities
- Gail D. Lenhoff**
Ph.D., Professor at University of California Los Angeles, History Department

- А.В. Марей**
кандидат юридических наук, ведущий научный сотрудник Центра фундаментальной социологии НИУ ВШЭ
- Ф. Мартинес Мартинес**
профессор истории права, Мадридский университет Комплутенсе
- М.С. Мейер**
доктор исторических наук, профессор кафедры истории стран Ближнего и Среднего Востока, президент Института стран Азии и Африки МГУ имени М.В. Ломоносова
- С.В. Орлов**
кандидат экономических наук, доцент, заведующий кафедрой истории общественных движений и политических партий МГУ имени М.В. Ломоносова
- Д. Панатери**
Ph.D., доцент истории права Университета Буэнос-Айреса
- Е.И. Пивовар**
председатель редакционного совета, доктор исторических наук, президент РГГУ, профессор, член-корреспондент РАН
- А.Э. Титков**
кандидат исторических наук, главный редактор журнала «Исторический вестник»
- А.А. Улунян**
доктор исторических наук, главный научный сотрудник Института всеобщей истории РАН
- Я.М. Хамеен-Анттила**
профессор арабских и исламских исследований, Эдинбургский университет
- В.В. Хутарев-Гарнишевский**
кандидат исторических наук, доцент кафедры культурологии Московского государственного института культуры

-
- Alexander V. Marey**
Ph.D. in History, in Theory and History of Law and the State (L.D.), Distinguished Researcher of Higher School of Economics, Center of Fundamental Sociology
- Faustino Martínez Martínez**
Associate Professor of Complutense University of Madrid, History of Law and Institutions Department
- Mikhail S. Meyer**
D. Sc. (History), Professor at the Department of Middle and Near East History, President of the Institute of Asian and African Studies, Lomonosov Moscow State University
- Stepan V. Orlov**
Ph.D. in Economics, Associate Professor, Head of the Department of the History of Social Movements and Political Parties at Moscow State University, Historical Faculty
- Daniel Panateri**
D. Sc. (History), Lecturer at the University of Buenos Aires, History of Law
- Efim I. Pivovarov**
Chairman of the Editorial Board of the Historical Reporter, D. Sc. (History), President of Russian State University for the Humanities, Professor, Corresponding Fellow of Russian Academy of Sciences
- Alexey E. Titkov**
Ph.D. in History, Editor-in-Chief of the Historical Reporter
- Arutyun A. Ulunyan**
D. Sc. (History), Chief Researcher at Russian Academy of Science, Word History Institute
- Jaakko Markus Hämeen-Anttila**
Professor at University of Edinburgh, Arabic and Islamic Studies
- Vladimir Hutarev-Garnishevsky**
Ph.D. in History, Associate Professor at the Moscow State Institute of Culture

ОТ РЕДАКЦИИ

Дорогие читатели, коллеги!

Последний в уходящем году номер «Исторического вестника» на первый взгляд является обычным общеисторическим выпуском. Однако только на первый взгляд. Особенностью тридцать восьмого номера является то, что он состоит из авторских материалов членов редакционного совета журнала или подготовленных ими к публикации источников. Идея подобного номера зародилась в редакции давно, но только сейчас мы отдаем на суд читателей номер, полностью созданный теми, кто уже долгие годы свои силы, опыт и талант посвящает нашему общему делу, самоотверженно трудясь в составе редакционного совета.

Каждый из авторов публикует материал, так или иначе связанный с областью его научных интересов, что делает этот номер особенно ярким и интересным и одновременно свидетельствует о присутствии в редакционном совете специалистов практически из всех направлений исторической науки.

Открывается номер рубрикой «Отечественная история» и статьей Г.Н. Ланского, которая посвящена истории связи между развитием отечественной исторической науки и политической практикой Российского государства, с начала XVIII в. до начала XXI в. Продолжает тему отечественной истории статья А.Э. Титкова, затрагивающая проблему, которая в последнее время все чаще становится предметом серьезных академических исследований — влияния внешних факторов на деятельность большевистского руководства до и после захвата власти в 1917 г. В связи с этим автором рассматривается внешнеполитическая деятельность В.И. Ленина в начальный период становления молодого советского государства. Завершает рубрику статья Ар.А. Улуняна, посвященная малоизвестным страницам англо-советских отношений в 1924 г. — «азиатскому закулисью» и его влиянию на установление отношений между двумя государствами.

Не менее интересной и одновременно разнообразной получилась рубрика, посвященная всеобщей истории — от Крестовых походов до современных США. Цивилизационному конфликту между «западными» франками и их соотечественниками, уже родившимися на завоеванной Святой земле

и впитавшими ее культуру и традиции, посвящена статья С.П. Брюна, которая, безусловно, будет интересна не только медиевистам. Политике Бонапарта по отношению к местным христианам во время его похода в Египет посвящена работа С.А. Кириллиной и Д.Р. Жантиева. К наполеоновскому периоду относятся и статья Т.Ю. Кобищанова, в которой показаны внутренние проблемы Османской империи, вызванные французским вторжением в Египет. Все эти работы особенно ценны тем, что освещают малоизвестные страницы периодов мировой истории, традиционно широко представленных в исторической науке. Завершает рубрику статья нашего американского коллеги Тодда Леффко — глубокого аналитика процессов, происходящих в современных США, публикуемая на языке оригинала.

Мемуарная часть номера представлена воспоминаниями Е.И. Пивовара, которые наполнены ярким колоритом ушедшей советской эпохи и добрыми воспоминаниями о друзьях и коллегах, являясь, по сути, мемориалом этим замечательным людям.

Рубрика «Источники» не уступает предыдущим интересным наполнением. Она содержит публикацию важного источника по туркменской истории конца XIX — первой трети XX в., подготовленную С.М. Исхаковым. В.В. Хутаревым-Гарнишевским представлен отрывок из дневников видного деятеля Московской городской думы дореволюционного периода Н.П. Вишнякова. Следует отметить, что это первая публикация из интереснейшего источника по истории Москвы. А благодаря С.В. Девятову мы имеем возможность ознакомиться с документами о последнем дне жизни Советского Союза и первом дне существования Российской Федерации.

Дорогие друзья и коллеги! Поздравляем вас с Новым годом, желаем здоровья, оптимизма и новых свершений на благо российской науки. Надеемся, что ваш интерес к нашему изданию не угаснет в новом году, а мы постараемся сделать все от нас зависящее, чтобы наш журнал стал еще лучше.

А.Э. Титков

Главный редактор журнала «Исторический вестник»

EDITORIAL

Dear readers and colleagues!

The December issue of the Historical Reporter this year may, at first glance, look like a standard issue on general history. In this case, the initial impression is wrong. What sets this 38th issue apart is that it's comprised entirely of articles penned by members of our editorial board or sources prepared by them for publication. We've been toying with the idea of releasing an issue like this for quite some time. It is only now that we have finally gotten around to releasing an issue prepared entirely for publication by the people who have, for many years now, been dedicating their efforts and talents to our common cause, working tirelessly on the editorial board.

Every author has contributed material that is, in one way or another, related to their field of research. This makes the current issue especially memorable and interesting, proving that our editorial board has members specializing in practically every aspect of history.

The issue starts with the National History section and an article by Gregory N. Lansky, which focuses on the link between the development of national history as a science and the political practices of the Russian state between the early 18th century and the early 21st century. The article by Alexey E. Titkov continues the topic of national history, focusing on a problem that has recently been the subject of extensive scholarly research – the impact of external factors on the activities of the Bolshevik leadership before and after the 1917 coup. In the article, the author examines Vladimir Lenin's foreign policy during the early years of the newly-established Soviet state. The National History section ends with an article by Arutyun A. Ulunyan, which dwells on some of the lesser-known aspects of relations between the USSR and Great Britain in 1924 – the so-called Asian backstage diplomacy and its impact on the establishment of relations between the two nations.

The Global History section is just as interesting and varied, covering a broad range of topics from the Crusades to the modern United States. Sergei P. Brun contributed an article about the civilizational struggle between the West Franks

and their compatriots who had been born and brought up in the conquered Holy Land, and absorbed its culture and traditions. This article is a great read for anyone, not just those specializing in medieval history. An article by Svetlana A. Kirillina and Dmitriy R. Zhantiev deals with Bonaparte's policy towards the local Christians during his Egyptian campaign. Taras Yu. Kobischanov also contributes an article dealing with the Napoleonic era, highlighting the internal problems of the Ottoman Empire brought about by the French invasion of Egypt. What makes all these studies especially valuable is that they deal with some lesser-known periods of global history that often get overlooked in mainstream historical science. The section ends with an article by our US colleague Todd Lefko that offers a deep analysis of the processes currently underway in the modern US and is published in the original version.

The Memoirs section offers a journey down memory lane of Efim I. Pivovar, replete with memorable vignettes of Soviet times and reminiscences about friends and colleagues, serving as a memorial to these wonderful people.

The Sources section offers content on par with those pieces found in the other sections. It contains an important source on Turkmen history from the late 19th to the first third of the 20th century prepared by Salavat M. Iskhakov. Vladimir V. Hutarev-Garnishevsky presented an excerpt from the diary of Nikolai Vishnyakov, a prominent Moscow City Duma member in the pre-revolutionary period. We note this most interesting source on Moscow history will be fully published. Sergey V. Deviatov has given us an opportunity to read the documents on the last day of the Soviet Union and the first day of the new Russian Federation.

Dear friends and colleagues! We wish you a happy New Year! May you be in good health and good spirits, and may you accomplish even more for Russian science. We hope that our publications will continue to spark your interest in the upcoming year. Meanwhile, we will do all we can to make our magazine even better.

Alexey E. Titkov

Editor-in-Chief of the Historical Reporter

СОДЕРЖАНИЕ

ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ИСТОРИЯ

- Г.Н. Ланской.** Историографические факты и политическая практика в России XVIII — начала XXI в. 12
- А.Э. Титков.** «Русский фактор» в системе военно-политического конфликта в Европе, 1917–1920 гг. 28
- Ар.А. Улунян.** 1924 г.: «азиатское закулисье» британо-советского сближения. 54

ВСЕОБЩАЯ ИСТОРИЯ

- С.П. Брюн.** Франки «заморской земли» и их западные собратья: история конфликта на примере римской экспансии в княжестве Антиохийском и графстве Триполи (1230–1280-е гг.) 82
- С.А. Кириллина, Д.Р. Жантiev.** Экспедиция Бонапарта в Египет и Сирию (1798–1801 гг.) и его политика в отношении местных христиан. 102
- Т.Ю. Кобищанов.** Разбойники с Большого султанского тракта: борьба Великого визиря с деребеями Киликии во время похода против Наполеона Бонапарта 1799 г. 126
- Todd Jeffery Lefko.** The New World From an American Viewpoint 144

МЕМУАРЫ

- Е.И. Пивовар.** Первое место работы по специальности. 168

ИСТОЧНИКИ

- С.М. Исхаков.** Воспоминания Керим-бея Ратая — неизвестный источник по туркменской истории конца XIX в. — первой трети XX в. ... 198
- В.В. Хутарев-Гарнишевский.** Октябрьские бои 1917 г. в Москве глазами очевидца. Из дневника Н.П. Вишнякова 212
- С.В. Девятov.** Последний день жизни Советского Союза. Первый день существования Российской Федерации 240

CONTENTS

ISSUE ON GENERAL HISTORY

NATIONAL HISTORY

- Grigory N. Lanskoj.** Historiographical facts and political practice in Russia in XVIII – beginning of XXI century 12
- Alexey E. Titkov.** Russian Factor in the Military and Political Conflicts of Europe in 1917–1920. 28
- Arutyun A. Ulunyan.** «Asian Backstage Diplomacy» in Building Bridges Between the USSR and Great Britain in 1924. 54

GLOBAL HISTORY

- Sergey P. Brun.** The Franks of Outremer and their Western Brethren: examining the conflict through Roman Expansion in the Principality of Antioch and County of Tripoli (1230's–1280's) 82
- Svetlana A. Kirillina, Dmitry R. Zhantiev.** Bonaparte's Expedition to Egypt and Syria (1798–1801) and His Policy towards Local Christians ... 102
- Taras Y. Kobishchanov.** The Highwaymen from the Great Sultan Road: the Fight of the Grand Vizier against the Cilicia's Derebeys during the Campaign against Napoleon Bonaparte of 1799. 126
- Todd Jeffery Lefko.** The New World From an American Viewpoint 144

MEMOIRS

- Efim I. Pivovar.** First Job in the Profession I Trained For 168

SOURCES

- Salavat M. Iskhakov.** Memoirs of Kerim Bey Ratay: Unknown Turkmen History Source from the Late 19th Century to the First Third of the 20th Century. 198
- Vladimir Hutarev-Garnishevsky.** The battles of October in Moscow: Through Witness' Eyes 212
- Sergey V. Devyatov** The last day of the life of the Soviet Union. The first day of the existence of the Russian Federation. December 25, 1991. 240

DOI: 10.35549/HR.2022.2021.38.010

Г.Н. Ланской

ИСТОРИОГРАФИЧЕСКИЕ ФАКТЫ И ПОЛИТИЧЕСКАЯ ПРАКТИКА В РОССИИ XVIII — НАЧАЛА XXI в.

Процесс историографического творчества, представляющий собой самостоятельный процесс целенаправленной творческой деятельности в сфере описания и во многих случаях интерпретации событий прошлого, может быть определен как обособленный вид деятельности по отношению к ходу исторических событий, которые могут происходить как в результате активности человека, так и без ее влияния. Помимо данной практической автономности этот процесс характеризуется высокой степенью концентрации психологических и интеллектуальных усилий, имеющей разнонаправленный характер. Третьей особенностью историографического творчества является его достаточно частое воплощение в создании различных видов текстов, которые могут иметь разнообразные структурные формы и содержательные признаки и при этом всегда представляют собой субъективно отобранные фрагменты прошлого или в более редких случаях его объективную картину, для создания которой нередко требуется применять специальный инструментарий. Его состав, а также критерии выявления элементов данного инструментария обычно можно обнаружить в работах источниковедческой и методологической направленности, особенно в тех случаях,

когда они имеют дидактическую направленность. Поскольку историографическое творчество является в подавляющем большинстве случаев субъективно мотивированным и — применительно к идеологически «чувствительным» темам — психологически детерминированным процессом, оно обладает еще одной — четвертой — особенностью, заключающейся в существенной подверженности воздействию политики.

Поскольку в классическом, сформированном еще в античный период понимании политика представляет собой целенаправленное действие, ориентированное на формирование связей человека с окружающим пространством и, как многократно подчеркивалось в социологических исследованиях, на доминирование в этом пространстве, можно сделать вполне очевидный вывод о том, что многие люди в процессе историографического творчества дополнительно решают задачи личностной самореализации. Одной из таких задач является презентация собственного личностного восприятия исторических событий не только профессионально подготовленному к его оцениванию сообществу людей с научно-экспертной подготовкой, но и иным социальным группам, которые подходят к восприятию интерпретаций исторических фактов и процессов с иными критериями. Именно вследствие наличия данной, часто неразрывно связанной с историографическим творчеством задачи формируются основания для постановки имеющей как теоретическое, так и практическое значение проблемы сочетания и в целом ряде случаев интеграции создаваемых в ходе данного творчества произведений и презентации этих произведений в сферу политической деятельности.

Данная проблема при очевидной универсальности ее распространения, вызванной безусловно существующей для большинства людей связью с политическим контекстом развития общественных отношений, является особенно существенной для тех социальных систем, которые имеют автократический характер. Автократизм проявляется в том, что создаваемые обычно в рамках государственной модели политического устройства институциональные структуры в их коллективном и персонифицированном качестве ориентированы на подчинение своим интересам людей, наиболее способных к историографическому творчеству, на формирование из их числа экспертно-консультативного конгломерата. Для этих, добровольно или вынужденно выбирающих для себя адаптивный способ профессиональной деятельности лиц рассматриваемый вид творчества становится неотъемлемой частью политической жизни. По мере усиления автократических тенденций и их тотального распространения, характерного для тоталитарного уровня

развития общественных отношений, процесс историографической деятельности может практически полностью подводиться под платформу ведения политической деятельности в интересах продвижения руководителями и другими представителями органов государственной власти своих взглядов в среду общественного сознания.

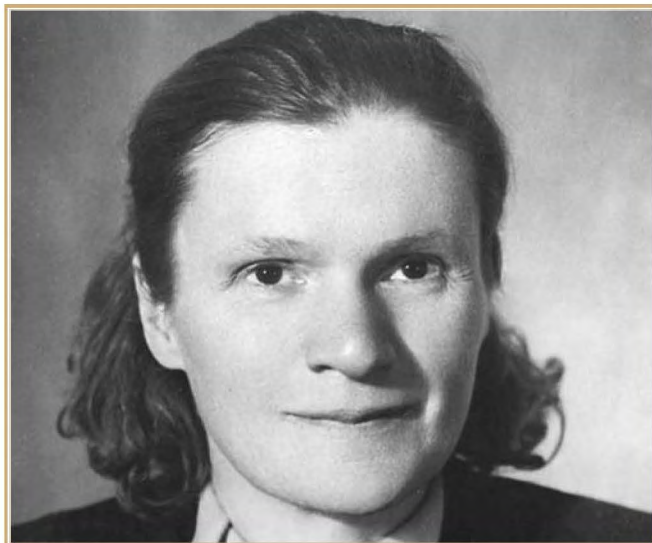
В частности, для ставшего своего рода реставрацией тоталитарного режима управления периода второй половины 1940-х — начала 1950-х гг. апофеозом слияния деятельности специалистов в области общественных наук и деятелей из среды правящей элиты стала публичная пропаганда текста очерков И.В. Сталина «Экономические проблемы социализма в СССР»¹. Их выходу в свет, состоявшемуся в сентябре 1952 г., были посвящены многочисленные публичные мероприятия, среди которых одним из наиболее значимых историографических фактов стала организованная в феврале 1953 г. сессия Отделения философии и истории Академии наук СССР. Ключевой темой докладов руководителей философских исследований (В.П. Волгин, Г.Ф. Александров) стало идеологическое и социально-практическое значение написанных И.В. Сталиным текстов. При этом в наиболее выразительной форме их роль для практики научного и в том числе историографического творчества определила возглавлявшая историческую часть научного сообщества А.М. Панкратова, изложившая свою точку зрения следующим образом: «Советский ученый — это не кабинетный ученый, а борец за коммунизм. Основная задача советской передовой науки вообще и марксистско-ленинской исторической науки в частности заключается в том, чтобы служить советскому народу в его борьбе за построение коммунистического общества в нашей стране, в борьбе за мир, демократию и социализм во всем мире. Чтобы с честью выполнить эту задачу, советские историки должны глубоко овладеть единственно научным диалектико-материалистическим методом научного исследования, образцы которого дает в своих трудах корифей науки товарищ Сталин»².

Связь историографических фактов, под которыми можно понимать любые творческие и в их числе организационно-институциональные события в развитии историографии, с политической практикой всегда углублялась в те периоды, когда потребность в их возникновении ощущалась представителями правящей элиты. Обычно они были связаны

¹ Сталин И.В. Экономические проблемы социализма в СССР: Замечания по экономическим вопросам, связанным с ноябрьской дискуссией 1951 года. М.: Государственное издательство политической литературы, 1952. 96 с.

² Архив РАН. Ф. 457. Оп. 1. Д. 616. Л. 63.

А.М. Панкратова

либо со стремлением с помощью создаваемой интеллектуальной продукции сконструировать положительный образ проводимой в масштабах государства и за их пределами политики, либо с необходимостью удерживать сознание и сверхсознание (мировоззрение) представителей общества в административно необходимых рамках. Первая из этих задач активно решалась в период правления Петра I, отдельные сподвижники которого собственно занимались обоснованием и идеологической легитимацией проводившегося им курса³.

В дальнейшем, начиная с историографической деятельности в конце 1730–1740-х гг. оказавшегося в отставке В.Н. Татищева, представители правящих кругов России, относившиеся к слою «просвещенной бюрократии», обычно самостоятельно занимались формированием имиджа своей власти и практики ее реализации. Таким образом, частью профессиональной политической деятельности для ряда ее субъектов, наделенных соответствующим кругом должностных обязанностей, становилась пропаганда имевших доктринальную сущность объяснительных моделей, имевших в том числе историографические черты. В частности, одним из получивших широкую известность высказываний представителей правящей элиты периода правления Николая I и примечательным для идеологической практики данного периода стало датированное на-

³ Манкиев А.И. Ядро российской истории. М.: Сенатская типография, 1784. 392 с.; Прокопович Феофан. Правда воли монаршей во определении наследника державы своей. СПб.: Санкт-Петербургская синодальная типография, 1726. 36 с.

А.Х. Бенкендорф

чалом 1830-х гг. суждение руководителя III отделения Собственной Его Императорского Величества канцелярии А.Х. Бенкендорфа. В нем констатировалось, что «прошедшее России было удивительно, ее настоящее более чем великолепно, что же касается до будущего, то оно выше всего, что может нарисовать себе самое смелое воображение». Таким образом, практика научного историографического творчества, неизбежно приводящая к объективному, сочетающему в себе позитивные и критические наблюдения и выводы о различных исторических явлениях изложению событий, постепенно расходилась по своей магистральной — типологической — направленности с так называемой политической историографией, для которой приоритетной целью было решение политических задач.

При этом нужно отметить, что данное расхождение становилось не всегда жестким, как это было, например, в творчестве многих деятелей партийного большевистского аппарата, относившихся как к числу принимавших основные административные решения лидеров (в особенности В.И. Ленина и И.В. Сталина), так и к кругу должностных лиц, занятых «вспомогательной» идеологической работой (например, Е.М. Ярославского).

В частности, создававший имевшие научное значение произведения историко-нарративного характера (например, доведенную до событий воцарения в Москве польского королевича Владислава в 1610 г. «Ис-

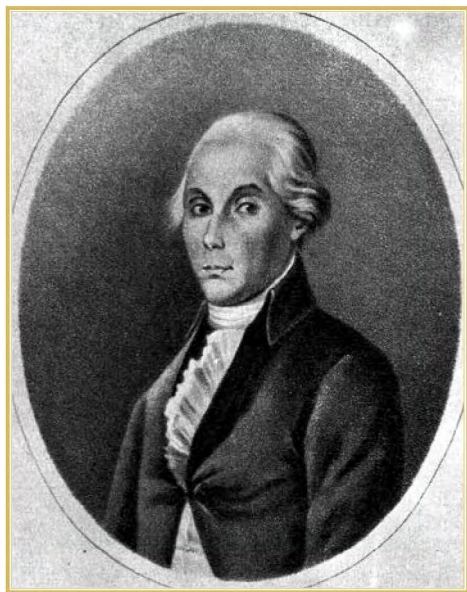
М.М. Щербатов

торию российскую от древнейших времен»⁴) М.М. Щербатов вполне ясно позиционировал в качестве историко-публицистического произведения свой трактат «О повреждении нравов в России»⁵. Данная направленность этого текста проявлялась в том, что его автор, придерживавшийся на доктринальном уровне критического подхода к оценке традиций развития западноевропейских стран в так называемый период Нового времени, стремился на основе целенаправленного подбора фактических аргументов прочертить линию духовного кризиса российской правящей элиты, ускорившегося, по его мнению, в период правления Петра I. Указанный историко-публицистический труд, написанный в канун окончательного консервативного, обусловленного началом Великой французской революции поворота в социально-идеологической политике Екатерины II, обозначил своего рода допустимую границу вольномыслия в российской историографии, допускавшего критицизм по отношению к феодальной монархии, но не отрицавшего необходимость ее наличия.

Об этом, в частности, свидетельствовали последствия издания и распространения в мае–июне 1790 г. А.Н. Радищевым написанного им историко-публицистического произведения «Путешествие из Петербурга

⁴ Щербатов М.М. История российская от древнейших времен / Под ред. И.П. Хрущова и А.Г. Воронова. Т. 1–7. Санкт-Петербург: Изд. кн. Б.С. Щербатова, 1901–1904.

⁵ Щербатов М.М. О повреждении нравов в России. СПб.: В. Врублевский, 1906. 84 с.

А.Н. Радищев

в Москву», в котором в качестве альтернативы самодержавию выдвигался либерализм, воспринимавшийся российскими консерваторами в лучшем случае как утопия. В то же время с точки зрения историографического дискурса примечательным был тот факт, что в своем подготовленном в 1858 г. в Вольной русской типографии неподцензурном издании А.И. Герцен объединил трактат «О повреждении нравов в России» и «Путешествие в Петербурга в Москву» в одну книгу⁶, афористично назвав в предисловии к ней авторов этих произведений идеологическими стражами Российского государства в тот период, когда они написали данные тексты.

Традиция сочетания в рамках историографического творчества научно-повествовательного и историко-публицистического жанра, заложенная в рамках рационалистической методологии в XVIII в., была практически завершена в первой четверти XIX в. Н.М. Карамзиным. В процессе написания ставшей для него, как для официального историографа Российской империи, главным трудом «Истории государства Российского»⁷, он в ходе своеобразного сравнения последовательно излагаемых им событий развития древнерусского и средневекового российского государства высказывал комментарии и оценки к собы-

⁶ «О повреждении нравов в России» князя М. Щербатова и «Путешествие» А.Н. Радищева: Факс. изд. / Предисл. А.И. Герцена; вступ. ст. и коммент. Н.Я. Эйдельмана. М.: Наука, 1983. 340 с.

⁷ Карамзин Н.М. История государства Российского. М.: Эксмо, 2009. 1020 с.

Н.М. Карамзин

тиям, происходившим вокруг него. Именно таким образом в 1811 г. была написана «Записка о древней и новой России в ее политическом и гражданском отношениях»⁸. Так же как и трактат «О повреждении нравов в России», данное произведение относилось к жанру публицистической историографии и имело критическую направленность, но в отличие от текста, написанного М.М. Щербатовым, данный критицизм был не отвлеченным, а относился собственно к происходившей в России в 1810–1811 гг. борьбе представителей различных политических элит за продолжение или, напротив, за остановку конституционных преобразований. В развернувшейся в связи с этой борьбой общественной дискуссии Н.М. Карамзин, используя в гражданских целях статус назначенного историографа, по существу выступил в качестве советника императора Александра I, призывая его к торможению реформаторского курса в силу его противоположности опыту развития древней, ориентированной в славянское, противоположное западно-европейскому пути русло развития.

Адресованная общественному сознанию в начале 1830-х гг. теория «официальной народности», своеобразным комментарием к которой стало приведенное выше высказывание А.Х. Бенкендорфа, под-

⁸ Карамзин Н.М. Записка о древней и новой России в ее политическом и гражданском отношениях / Предисл., подгот. текста и прим. Ю.С. Пивоварова. М.: Наука, 1991. 125 с.

вела рубежную черту под предшествующим, продолжавшимся еще с времени существования Древнерусского государства периодом интеллектуального диалога между создателями историографических источников и представителями правящей элиты. Данная ситуация объяснялась не только тем, что практически все сторонники идеологии либерализма, в том числе и в его умеренной версии, подвергали сомнению продуктивность проводившегося в стране внутривнутриполитического курса, но и тем обстоятельством, что основными административными полномочиями в период второй половины 1820-х — первой половины 1850-х гг. стали обладать выдвиженцы из среды вооруженных сил, которые в принципе были не склонны к диалогу с деятелями из сферы социальных и гуманитарных наук. В дальнейшем вплоть до событий второй российской революции, приведших за собой, как отмечалось выше, ситуацию доминирования идеологической пропаганды над ретрансляцией объективных исторических знаний, происходившие в Российской империи модернизационные процессы отличались такой степенью интенсивности, что в них историографические факты безусловно уступали по значимости социально-историческим явлениям.

С начала 1960-х гг., когда по причине начинавшегося в Советском государстве экономического кризиса, откладывавшего движение к провозглашенному в качестве исторической перспективы коммунистическому обществу, стала возникать потребность в том числе и в ретроспективном плане объяснять происходившие в стране процессы, в СССР начался процесс идеологической консервации. В сфере историографического творчества, которое можно было считать в складывавшихся условиях креативным с достаточно высокой мерой условности, данный процесс нашел отражение в создании обобщающих историографических источников. Их содержание выполняло функцию не только свойственного многим, созданным еще в досоветский период произведениям повествования о различных фактах и явлениях, но и в еще большей степени оценивания данных фактов и явлений, главным образом, в контексте теории общественно-экономических формаций, являвшейся, как известно, одной из интерпретаций методологии позитивизма. Работой в данном направлении руководил занимавший в 1961–1986 гг. должность секретаря ЦК КПСС, избранный в 1962 г. академиком АН СССР Б.Н. Пономарев, который был ответственным редактором не имевшего аналогов одиннадцатитомного коллективного труда многих известных специалистов «Ис-

тория СССР с древнейших времен до наших дней»⁹ и неизменным ответственным редактором семи выпшедших в 1959–1985 гг. изданий «Истории КПСС»¹⁰.

Наличие в данных, а также в более частных по тематике историографических источниках¹¹ имевших доктринальное значение изложений и трактовок событий как отдаленных, так и относительно недавних периодов отечественной истории, охватывавших по заложенной на рубеже 1920–1930-х гг. традиции все народы СССР, превращало их в атрибуты не только исследовательской, но, главным образом, политико-идеологической деятельности. Они формировали ретроспективную часть оснований идеологической и в ее рамках «психологической войны», одним из руководителей которой, в том числе в должности начальника отдела спецпропаганды Главного политического управления Советской армии и Военно-Морского флота, был Д.А. Волкогонов. В написанных им работах¹² был представлен синтез факторов и ресурсов идейного воспитания представителей советского общества, в котором содержался и компонент формирования конкретных социально-исторических взглядов. Объектом сочетавшего в себе научно-организационные и политико-административные черты регулирования становилась и сфера историографических дискуссий. Одним из ярких подтверждений этого стало выступление в марте 1985 г. на годовичном собрании Отделения истории Академии наук СССР академика-секретаря данной экспертно-профессиональной структуры С.Л. Тихвинского. Обобщая итоги и определяя перспективы ведения исследователями дискуссий по различным темам историографического творчества, он подчеркивал: «Бюро Отделения рассматривало вопрос о состоянии, развитии и совершенствовании научных дискуссий. Интересы советской науки требуют выработки согласованных точек зрения по ряду важнейших научных проблем. В этой связи очевидна положительная роль дискуссий. Они могут проходить на конференциях, симпозиумах, за “круглыми столами”, на ученых со-

⁹ История СССР с древнейших времен до наших дней: В 11 т. // Институт истории АН СССР. М.: б.и., 1963–1966. Т. 1–11.

¹⁰ История Коммунистической партии Советского Союза / Б.Н. Пономарев, М.С. Волин, В.С. Зайцев и др. 7-е изд., доп. М.: Политиздат, 1985. 783 с.

¹¹ Минц И.И. История Великого Октября: В 3 т. М.: Наука, 1967–1973. 3 т.

¹² Волкогонов Д.А. Идейное воспитание воинов. М.: Прогресс, 1985. 185 с.; Волкогонов Д.А. Психологическая война: Подрывные действия в области общественного сознания. М.: Воениздат, 1983. 288 с.

ветах, на страницах журналов. Такие дискуссии должны быть плодотворными, не возвращать нас к проблемам, уже решенным наукой, а способствовать выработке научно обоснованных и идеологически выверенных взглядов по спорным вопросам»¹³.

Данное высказывание, отражавшее в выразительном и обобщающем виде складывавшееся на протяжении периода с середины 1930-х гг. представление представителей руководящего аппарата профессионального академического и вузовского сообщества историков, было примечательным по двум причинам. Во-первых, оно предусматривало наличие тем, по которым уже должна была сформироваться согласованная исследователями точка зрения и которые не должны были по этой причине становиться объектом нового осмысления в рамках и в процессе историографического творчества. Во-вторых, историки, к которым это высказывание было обращено, должны были руководствоваться тем, что обнаруживаемые ими в различных источниках информации и излагаемые в их трудах ответы на вопросы, еще остающиеся спорными, должны одновременно соответствовать двум качественным критериям — научной обоснованности и выверенности по отношению к идеологическим установкам, которые, как отмечалось выше, еще с рубежа 1820–1830-х гг. формулировались имевшими соответствующие полномочия государственными политическими деятелями.

Следующий период в выстраивании связей между историографическим творчеством с возникающими в его процессе фактами интеллектуальной истории и происходившими политическими процессами, начавшись во второй половине 1980-х гг. появлением содержащих в себе в том числе элементы интерпретации ретроспективной информации¹⁴, длился, на наш взгляд, до рубежа 2000–2010-х гг. Выбор его данной, конечной хронологической границы объясняется тремя причинами.

Во-первых, к этому времени в том числе по причине обострения отношений представителей правящей элиты Российского государства с лидерами ряда государств, являвшихся по отношению к нему союзниками в особенности в течение большей части периода 1990-х гг., среди профессионально связанных с идеологически значимыми структурами аппарата власти историков стали популярными антилиберальные и в определенной мере антизападнические настроения. Во-вторых, в условиях большо-

¹³ Тихвинский С.А. Итоги и перспективы исследований советских историков // Вопросы истории. 1985. № 7. С. 12.

¹⁴ Иного не дано: судьбы перестройки, глядя в прошлое, возвращение к будущему / Под общ. ред. Ю.Н. Афанасьева. М.: Прогресс, 1988. 674 с.

го количества дидактических изданий, представлявших представителям педагогического сообщества разные и в том числе некорректные интерпретации ряда событий недавней истории Советского государства, среди ряда деятелей исторического образования, так же как и в более широкой социальной среде стала проявляться ностальгия к идеологическому и желательному выдвинутому из среды руководителей страны единообразному толкованию целого ряда значимых для многих поколений людей событий. В-третьих, применительно к периоду рубежа 2000–2010-х гг., когда накануне прошедших в 2012 г. выборов главы государства отчетливо определилась направленность кадровой политики на сохранение (в том числе с помощью сформировавшихся во второй половине 1920-х – начале 1930-х гг. номенклатурных механизмов) основного состава правящей элиты, начавшего складываться еще в эпоху так называемого «позднего застоя», стало предсказуемым намерение стабилизировать и определенную систему представлений об исторических событиях.

Дальнейшие историографические факты, продолжающие возникать и в настоящее время, могут рассматриваться как подтверждение представленной периодизации. Процесс конструирования исторического сознания в особенности для людей, не попавших под влияние происшедшего со второй половины 1980-х гг. до начала 2010-х гг. критического переосмысления многих, в том числе заслуживающих этого фактов отечественной истории, включил в себя три взаимосвязанных явления, наблюдавшиеся в истории управления историографическим творчеством в России в тех или иных вариациях ранее, — формирование модели позитивного развития страны с ретушированием сопровождавших его ошибочных решений представителей высших слоев политической бюрократии; выявление реальных или фантомных мифов и в отдельных случаях фальсификаций тех или иных событий, явлений и деятелей; формирование дидактически направленных интерпретаций исторических фактов, которые бы соответствовали решению задач идеологической политики.

В целом необходимо отметить, что на протяжении периода с начала XVIII в. до начала XXI в. наиболее распространенными стали две модели взаимосвязи между историографическими фактами и политической практикой. Первая модель предполагала создание в процессе творческой деятельности различных по своей квалификации авторов таких явлений историографического творчества и институционально-организационной деятельности (историографических фактов), которые могли быть адаптированы к имевшим в том числе и позитивное значение мероприятиям государственной политики. В этом плане, по наше-

му мнению, не вполне оправданной была пафосно-критическая направленность сделанного во второй половине 1980-х гг. вывода одного из лидеров начавшейся в этот период и продолжавшейся примерно до начала 2000-х гг. идеологической перестройки Ю.Н. Афанасьева о том, что и к данному времени основной являлась задача «преодолеть эту мертвящую сталинщину в нашей исторической науке, как и в обществоведении в целом»¹⁵. Вторая модель предусматривала процесс, при котором создание историографических фактов осуществлялось профессиональными учеными и в отдельных случаях философами-публицистами и при этом оставалось в рамках нарративного жанра, как это было, например, в обобщающем пятитомном труде придерживавшегося официально признанных концептуальных представлений Д.И. Иловайского¹⁶. При данной модели возможности творчества были детерминированы рамками идеологической интерпретации наиболее значимых с точки зрения научно-просветительской политики государства событий, создаваемой политическими деятелями, находившимися по отношению к научно-экспертному сообществу в своего рода надклассовой среде. Третья модель связи историографических фактов и политической практики, которая к настоящему времени оказалась реализованной далеко не в полной мере, предусматривает нацеленность авторов историографических источников и политических деятелей, имеющих полномочия по руководству духовно-идеологической сферой общества, на формирование и публичное распространение достоверных знаний об истории России. Оценивая возможности ее внедрения, необходимо исходить из того, что синонимом достоверности при этом является не изложенная в каком-либо одном тексте трактовка тех или иных событий или явлений, а раскрытие их в полном, объективном и разностороннем виде, поскольку большинство фактов досоветской, советской и постсоветской эпохи имело, как признано практически всеми авторитетными специалистами, не только положительные, но и негативные свойства.

¹⁵ Афанасьев Ю.Н. Перестройка и историческое знание // Иного не дано: судьбы перестройки, взглядываясь в прошлое, возвращение к будущему / Под общ. ред. Ю.Н. Афанасьева. М.: Прогресс, 1988. С. 498.

¹⁶ Иловайский Д.И. История России / Соч. Д. Иловайского. Т. 1–5. М.: Типография Грачева и Компании, 1876–1905.

REFERENCES

1. *Afanasyev Yu.N.* Perestroyka i istoricheskoye znaniye // Inogo ne dano: sudby perestroyki, vglyadyvayas` v proshloye, vozvrasheniye k bdushemu / Pod obshey redaktziyey Yu.N. Afanasyeva. M.: Progress, 1988. P. 491–506.
2. *Ilovayskiy D.A.* Istoriya Rossii /Sochineniye D. Ilovayskogo [History of Russia / by D. Ilovayskogo]. Toma 1–5. M.: Tipografiya Gratchyova i Kompanii, 1876–1905.
3. Inogo ne dano: sudby perestroyki, vglyadyvayas` v proshloye, vozvrasheniye k bdushemu / Pod obshey redaktziyey Yu.N. Afanasyeva. M.: Progress, 1988. 674 p.
4. Istoriya Kommunisticheskoy partii Sovetskogo Soyuza / B.N. Ponomaryov, M.S. Volin, V.S. Zaytsev i drugiye. 7-ye izdaniye, dopolnennoye. M.: Politizdat, 1985. 783 p.
5. Istoriya SSSR s drevneyshih vremyon do nashikh dney: v 11 tomakh / Institut istorii AN SSSR. M.: b.i., 1963–1966. Toma 1–11.
6. *Karamzin N.M.* Istoriya gosudarstva Rossiyskogo. M.: Eksmo, 2009. 1020 p.
7. *Karamzin N.M.* Zapiska o drevney i novoy Rossii v eye politicheskom i grazhdanskom otnosheniyah /Predisloviye, podgotovka teksta i primechaniya Yu.S. Pivovarova. M.: Nauka, 1991. 125 p.
8. *Mankiyev A.I.* Yadro rossiyskoy istorii, 1784. M.: Senatskaya tipografiya, 1784. 392 p.
9. *Mints I.I.* Istoriya Velikogo Oktyabrya: V 3 tomakh. M.: Nauka, 1967–1973. 3 tom.
10. «O povrezhdenii nraov v Rossii» knyazya B.S. Sherbatova i «Puteshestviye» A.N. Radisheva: Faksimil`noye izdaniye/ Predisloviya A.N. Gertsena; vstupil`naya statya i kommentarii N.Ya. Eydel`mana. M.: Nauka, 1983. 340 p.
11. *Prokopovich Feofan.* Pravda voli monarshey vo opredelenii naslednika derzhavy svoey. SPb: Sankt-Peterbourgskaya sinodal`naya tipografiya, 1726. 36 p.
12. *Sherbatov M.M.* Istoriya rossiyskaya ot drevneyshih vremyon /Pod redaktsiye I.P. Khrushova i A.G. Voronova. T. 1–7. Sankt-Peterbourg: Izdatelstvo knyazya B.S. Sherbatova, 1901–1904.

13. *Sherbatov M.M.* O povrezhdenii npravov v Rossii. SPb.: V. Vroublevskiy, 1906. 84 p.
14. *Stalin I.V.* Economicheskiye problemy sotsializma v SSSR: Zamechaniya po ekonomicheskim voprosam, svyazannym s noyabrskoy diskussiey 1951 goda. M.: Gosudarstvennoye izdatelstvo politicheskoy literatury, 1952. 96 p.
15. *Tikhvinskiy S.L.* Itogi i perspektivy issledovaniy sovetskikh istorikov // Voprosy istorii. 1985. № 7. P. 3–13.
16. *Volkogonov D.A.* Ideynoye vospitaniye voynov. M.: Progress, 1985. 185 p.
17. *Volkogonov D.A.* Psikhologicheskaya voyna: Podryvniye deystviya v oblasti obshchestvennogo soznaniya. M.: Voenizdat, 1983. 288 p.

Ключевые слова:

историография, политическая практика, идеология, историческая наука, государство, концепция, реконструкция, исследование, источники, Россия, управление, автократия.

Grigory N. Lanskoj

HISTORIOGRAPHICAL FACTS AND POLITICAL PRACTICE IN RUSSIA IN THE XVIII – BEGINNING OF THE XXI CENTURIES

The article reveals the connection between the historical science development and evolution of political practice in Russia.

In that context shown are the course of the historical research at that time and the coordination and control strategies implemented by the state, including institutional transformations.

As a subject of current research was taken the period from the XVIII – beginning of the XXI centuries, when historiography became a profession and was institutionalized.

Special attention is driven to the role of ideology in adopting different models of interaction between historians and political actors, while framing the image of the past, the present and the future of Russia.

Keywords: historiography, political practice, ideology, historical science, state, conception, reconstruction, study, sources, Russia, management, autocracy.

Grigoriy N. Lanskoj – D.Sc. (History), professor of the department of Foreign Regional Studies at the faculty of International Relations, Politology and Foreign Regional Studies of Russian State University for the Humanities.

 Ланской Григорий Николаевич

доктор исторических наук, профессор кафедры зарубежного регионоведения и внешней политики факультета международных отношений и зарубежного регионоведения Российского государственного гуманитарного университета

DOI: 10.35549/HR.2022.2021.38.011

А.Э. Титков

«РУССКИЙ ФАКТОР» В СИСТЕМЕ ВОЕННО-ПОЛИТИЧЕСКОГО КОНФЛИКТА В ЕВРОПЕ, 1917–1920 гг.*

к началу XX в. Россия, несмотря на отсталость экономики, косность бюрократической системы управления, архаичность официальной идеологии и противоречивость социальной структуры, обладала значительным военным потенциалом, международным авторитетом и оказывала существенное влияние на европейскую систему. В условиях вызревания блоковых структур все без исключения великие державы учитывали «русский фактор» как необходимый, хотя и не решающий элемент военно-политической комбинации, нацеленной на достижение превосходства над противостоящей группировкой. В свою очередь военно-политическая доктрина Российской империи, наряду с традиционными для любой великой державы приоритетами, определялась в значительной степени мессианской идеей панславизма, сочетавшейся с идеей лидерства и сознанием ответственности за сохранение и утверждение позиций истинной православной церкви. В условиях узости индустриального развития экономическая экспансия, столь традиционная для западных партнеров

* Предложенное вниманию читателей исследование — это срез проблемы, сделанный в контексте одного источника, а именно работ В.И. Ленина.

России, тонула в глубинах национального рынка, а характер территориальных и политических требований тысячелетней державы определяли идеологические и геополитические интересы. В первую очередь это относилось к европейскому региону, где балканские славянские государства должны были замкнуть сферу влияния славянского православного мира с центром в России. Константинополь виделся конечной точкой этого движения.

Такая своеобразная военно-политическая ориентация позволяла российской дипломатии придерживаться относительно независимой линии в европейских делах. Империя, несмотря на значительную финансово-экономическую зависимость от Франции, тем не менее не соблюдала безусловную верность Антанте, оставляя за собой возможность маневра в целях реализации эгоистических идеологических и геополитических планов. Лишь неудачная попытка самостоятельно разыграть «балканскую карту» в 1912–1914 гг., неспособность Германии нейтрализовать Австро-Венгрию в этом регионе, девальвировавшая в глазах Николая II ценность русско-германского сотрудничества, авансы Великобритании и Франции в отношении Балкан и проливов убедили Петербург в том, что реализация национальной программы лежит в плоскости широкого антиавстро-венгерского, а следовательно, и антигерманского альянса.

Далекая от экономических и колониальных резонансов западных союзников Российская империя бросается в пропасть мировой войны в погоне за идеей, тревожившей более пяти столетий умы русских монархов. Идея была настолько сильна, что и после отречения Романовых продолжала определять внешнеполитическую доктрину Временного правительства. Однако здесь следует сделать несколько существенных оговорок. В условиях так называемой русской буржуазной революции старая повестка по факту была лишь ширмой, скрывавшей процесс втягивания российских элит в реализацию иного, в полном смысле этого слова революционного процесса. Вкратце его можно охарактеризовать как программу последовательных действий, направленных на удаление империй с карты Европы и Азии.

Одним из ключевых элементов этой программы была девальвация монархических институтов. По странному стечению обстоятельств ее реализация наиболее успешно началась в пределах Османской империи в формате младотурецкой революции, а затем под аккомпанемент общенационального террора продолжилась на территории Российской империи. Итогом массового идеологического давления и прямого на-

силы, направленных на разрушение инструментов государственного управления, стала десакрализация российской монархии. После отречения Николая I из триады «за веру, царя и отечество» российское Временное правительство успешно исключило лишь одну составляющую. С позиций сегодняшнего дня очевидно, что этот результат не устроил архитекторов нового глобального порядка. Захватившие в октябре 1917 г. власть в Петербурге радикальные революционные партии должны были завершить дефрагментацию государства и системы старых общественных отношений, существовавших на территории бывшей Российской империи.

Октябрьский переворот 1917 г., положив начало новому отношению к общественному строю, наибольший урон нанес идейному наследию бывшей империи. Вера выкорчевывалась с корнем. И это был абсолютно новый формат мышления. Не реформация, а тотальная подмена символов. Что примечательно, старый символ веры вытеснялся еще более эфемерной конструкцией — верой в торжество коммунизма, в победу которого по сути не верили и сами исполнители так называемых революционных преобразований. Попутно был решительно отброшен панславизм, а его место заняла куда более смелая глобалистская программа торжества власти неимущих — идея мировой пролетарской революции. Понятно, что участие Советской России в мировой войне в глазах большевистско-левоэсеровского правительства было лишено всякого смысла. В итоге территория, находившаяся под управлением означенных революционных партий, взяла курс на выход из мирового, как объявляли ее лидеры, империалистического конфликта.

Показная уверенность в скором общеевропейском революционном взрыве в значительной степени определяла характер дипломатических демаршей и внешнеполитической концепции нарождавшегося советского правительства. «Мы имеем возможность сноситься радиотелеграфом с Парижем, и, когда мирный договор будет составлен, мы будем иметь возможность сообщить французскому народу, что он может быть подписан и что от французского народа зависит заключить перемирие в два часа. Увидим, что скажет тогда Клемансо», — заявлял В.И. Ленин на заседании ВЦИКа 10 (23) ноября 1917 г.¹ Так по замыслу революционного руководства должно было произойти подписание мира между народами. Наивное на первый взгляд намерение заста-

¹ Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 35. С. 86. Доклад о переговорах с Духониным.

вить враждующие блоки прекратить мировой конфликт имело, тем не менее, реальную основу, равно как и конкретного заказчика. При условии развития революционного процесса на территориях Германии и Австро-Венгрии дееспособность держав Тройственного союза должна была резко упасть. Кроме того, выход России из войны фактически выводил советское руководство за рамки конфликта и позволяла на вполне нейтральной почве поддерживать и финансировать революционные партии в Германии и Австро-Венгрии. По сути, выход из войны, заявленный петроградскими путчистами, позволял, во-первых, исключить Россию из системы обязательств, связанных с послевоенным устройством, а во-вторых, открыть своего рода идеологический второй фронт, имевший целью развал противника изнутри. Что примечательно, расходы на эту деятельность готово было взять на себя большевистское правительство, списывая их на реализацию эфемерной программы мировой революции. Потенциально, наряду с высочайшим напряжением на фронте, Германия и Австро-Венгрия должны были столкнуться с резким усилением протестных настроений социального и национального характера. Такой вариант развития конфликта был проанализирован К. Клаузевицем, отмечавшим в своем трактате «О войне», что, «как только потребуется затрата сил, превышающая ценность политической цели, от последней отказываются, в результате чего заключается мир»². Ленин, в бумагах которого мы находим подробнейший конспект этой работы, вероятно, учитывал и это обстоятельство.

Не менее интересна намеченная главой большевиков программа послевоенного устройства мира. Наиболее полно она была изложена в одном из первых вариантов сценария переговоров, в котором В.И. Ленин формулировал новое определение аннексии в связи с ключевым принципом «мир без аннексий и контрибуций»: «а) непригодность определения аннексии, как земель, присоединенных после объявления настоящей войны; б) аннексией объявляется всякая территория, население которой в течение последних десятилетий (со второй половины XIX века) выражало недовольство присоединением ее территории к другому государству или ее положением в государстве, — все равно выражалось ли это недовольство в литературе, в решениях сеймов, муниципалитетов, собраний и тому подобных учреждений, в государственных и дипломатических актах, вызванных национальным

² Клаузевиц К. О войне. М.; Л., 1932. Т. 1. С. 25.

движением этих территорий, в национальных трениях, столкновениях, волнениях и т.п.»³. Последний раздел был дописан И.В. Сталиным и предусматривал официальное признание за «каждой недержавной нацией, входящей в состав данной воюющей страны, права на свободное самоопределение вплоть до отделения и образования самостоятельного государства»⁴.

Как следует из приведенного документа, во-первых, предусматривалась возможность изменения сложившегося за 67 лет территориально-государственного устройства прежде всего имперской Европы, во-вторых, этот процесс был ориентирован в сторону разукрупнения структуры континента, в результате чего на месте европейских империй должны были возникнуть многочисленные малые национальные государства. Происходивший на деле, в том числе при участии большевистского правительства, пересмотр экономической и территориальной структуры Европы прикрывался лозунгами революционного переустройства в интересах народов, совершивших социалистическую революцию.

Постепенно актуальность заказа падала. Общеевропейская социалистическая революция задерживалась. С вступлением в войну Соединенных Штатов Америки Антанта решила проблему дефицита силы. Решительный отказ союзников присоединиться к начавшимся 9 (22) декабря 1917 г. в Брест-Литовске переговорам между Советской Россией и Центральными державами обесценил в глазах последних согласованный ранее принцип мира без аннексий и контрибуции. Немецкая и австро-венгерская делегации были переориентированы на достижение жестких условий сепаратного мира с Россией, максимально обеспечивающих продолжение войны на Западе⁵.

Постепенно менялась и позиция советской стороны. С первых дней переговоров просматривалось стремление Четверного союза оставить в своей юрисдикции оккупированные территории Польши, Литвы, Курляндии, части Лифляндии и Эстляндии⁶. Неудача с организацией общих переговоров на условиях революционного мира ставила на повестку дня возможность революционной войны. Подобная ситуация рассматривалась В.И. Лениным еще в 1915 г.: «На вопрос, что бы сделала партия про-

³ Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 35. С. 121. Конспект программы переговоров о мире.

⁴ Там же.

⁵ Советско-германские отношения от переговоров в Брест-Литовске до подписания Рапальского договора; Сб. документов. М., 1968. Т. 1. С. 198–208.

⁶ Там же. С. 32–44, 87–97.

Брест-Литовск, 1918 г. Подписание председателем комиссии принцем Леопольдом Баварским (третий слева) договора о перемирии

летариата, если бы революция поставила ее у власти в теперешней войне, мы отвечаем: мы предложили бы мир всем воюющим на условии освобождения колоний и всех народов. Ни Германия, ни Англия с Францией не приняли бы, при теперешних правительствах их, этого условия. Тогда мы должны были бы подготовить и повести революционную войну, т.е. не только полностью провели бы самыми решительными мерами всю нашу программу-минимум, но и систематически стали бы поднимать на восстание все ныне угнетенные великороссами народы, все колонии и зависимые страны Азии (Индию, Китай, Персию и пр.), а также — и в первую голову — поднимали бы на восстание социалистический пролетариат Европы против его правительств и вопреки социал-шовинистам»⁷.

Таким образом, складывалась сложная военная, политическая, идеологическая дилемма — что продавать: сепаратный, аннексионистский мир или революционную войну. Первоначально оба варианта рассматривались на паритетных началах, хотя по сути большинство в советском правительстве приветствовало возможность начать революционную войну и ускорить отставшую европейскую революцию. Проблема сводилась к способности армии успешно действовать против такого серьезного противника, как Германия. 17 (30) декабря 1917 г. В.И. Ленин в записке к общеармейскому съезду по демобилизации армии просит дать сведения о возможности наступления немцев в ближайшем будущем, о их способности нанести революционной армии

⁷ Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 27. С. 50–51. Несколько тезисов.

решающее поражение, о готовности армии удерживать фронт в случае такого наступления или по крайней мере задержать наступление немцев вглубь России. Как указывалось в запросе, эти данные необходимы для общего вывода о том, «следует ли с точки зрения состояния армии затянуть мирные переговоры или революционно резкий и немедленный срыв мирных переговоров из-за аннексионизма немцев предпочтителен как решительный твердый переход, подготавливающий почву для революционной войны?.. Если бы армия могла голосовать, высказалась ли бы она за немедленный мир на аннексионистских (потеря всех западных областей) и экономически крайне трудных для России условиях или за крайнее напряжение сил для революционной войны, т.е. за отпор немцам?»⁸.

В тот же день делегаты съезда занесли свои ответы в специально составленные для этого случая анкеты. 18 (31) декабря Совнарком обсудил доклад Н.В. Крыленко о положении на фронте и о состоянии армии. На основе доклада и сведений, поступивших от делегатов армейского съезда, была принята «резолюция» следующего содержания:

- «1. Усиленная агитация против аннексионизма немцев.
2. Ассигнование добавочных средств на эту агитацию.
3. Перенесение мирных переговоров в Стокгольм.
4. Продолжить мирные переговоры и противодействовать их форсированию немцами.
5. Усиленные меры по реорганизации армии при сокращении ее состава и усилении обороноспособности.
6. Экстренные меры по обороне от прорыва к Питеру.
7. Пропаганда и агитация за необходимость революционной войны»⁹.

Общий смысл резолюции сводился к затягиванию переговоров и подготовке революционной войны, хотя в данном контексте такая война рассматривалась как идеологический жупел. Это решение вполне соответствовало настроениям внутри советского правительства и устраивало как возглавляемое Н.И. Бухариным и Ф.Э. Дзержинским левое большинство, требовавшее решительных революционных мер, так и центр, куда переместился В.И. Ленин, склонный к более осторожной и гибкой политике.

⁸ Там же. Вопросы делегатам общearмейского съезда по демобилизации армии. Т. 35. С. 179–180.

⁹ Там же. С. 181. Проект резолюции Совета Народных Комиссаров.

Ленинская концепция выживания окончательно сложилась во время непродолжительного четырехдневного отпуска, проведенного в Финляндии 24–27 декабря 1917 г. (6–9 января 1918 г.). В заметках «Из дневника публициста» была сформулирована победившая в итоге тактическая линия: «Выигрыш времени» = сепаратный мир (до общеевропейской революции)¹⁰.

3 марта 1918 г., пожертвовав северо-западными провинциями, включая Украину и часть Белоруссии, приняв на себя обязательства платить значительную контрибуцию, советское правительство заявило о выходе из «империалистической войны». Примечательно, что одновременно готовился переезд большевиков в Москву, который и состоялся 11 марта 1918 г. Что характерно, в одном из пудмановских вагонов правительственного эшелона в компании с Л.Д. Троцким переезжал во вторую столицу резидент английской короны Р.Б. Локкарт.

В целом, в условиях развернувшейся гражданской войны и общей децентрализации, оставшееся, по словам Маяковского, «на островке» Советское государство перестает на определенное время выступать в качестве субъекта международных отношений и становится объектом манипулирования со стороны держав Антанты, вполне способной по завершении мирового конфликта раздавить новую власть и реставрировать в России как минимум понятные республиканские институты.

В этой более чем неблагоприятной ситуации нужно было сформулировать более-менее логичный концепт для внутреннего потребления. И здесь, несмотря на всю эфемерность, лозунг о неизбежной революционной войне был выбран как самый удобный. В записках «Из дневника публициста» В.И. Ленин не отказывается от революционной войны, а лишь переносит ее в разряд стратегических задач: «26. Как надо “подготовить” революционную войну? 27. Революционная война держащего власть пролетариата может быть лишь война за упрочившийся социализм. 28. Сначала победить буржуазию в России, потом воевать с буржуазией внешней, заграничной, чужестранной»¹¹. 7 (20) января 1917 г. он вновь обращается к этой стратегической программной задаче в тезисах о немедленном заключении сепаратного, аннексионистского мира: «Мы и сейчас безусловно должны готовить революционную войну. Мы выполняем это свое обещание, как выполняли вообще все наши обещания... Действительно революционной войной в настоящий

¹⁰ Там же. С. 190. Из дневника публициста.

¹¹ Там же. С. 189.

момент была бы война социалистической республики против буржуазных стран с ясно поставленной и вполне одобренной со стороны социалистической армии целью свержения буржуазии в других странах, между тем этой цели в данный момент мы себе заведомо не можем еще поставить»¹². В выступлении В.И. Ленина на заседании ЦК РСДРП(б) 11 (24) января 1918 г. появилась еще более емкая формулировка: «Нам необходимо додушить буржуазию, а для этого нам необходимо, чтобы у нас были свободны обе руки. Сделав это, мы освободим себе обе руки, и тогда мы сможем вести революционную войну с международным империализмом»¹³.

Выражаясь словами Ленина, обе руки российской революции развязались лишь только к 1920 г., когда были разгромлены основные силы Белого движения. Но что самое интересное, в это же время, 16 января 1920 г., произошла формальная отмена внешней блокады, когда Верховный совет Антанты принял резолюцию, согласно которой разрешался обмен товарами между Россией и нейтральными странами.

Этому удивительному событию предшествовали не менее значимые изменения, связанные с идейными исканиями большевиков-ленинцев и их действиями в условиях меняющейся военно-политической конъюнктуры на Европейском континенте.

Очевидно, что по мере ослабления внешнего давления на стадии завершения войны внутренней происходит переход от опосредованного к прямому действию «русского фактора» на Европейскую систему, при этом изменение внешних условий никак не сказалось на содержательной его части — оценке эпохи, отношении к окружению, предпочтительной форме действия.

1. Оценка эпохи: «Несколько случаев передышки. Несколько новых объявлений войны завоевателям. Несколько случаев союза угнетенной нации с угнетающей, которая была конкурентом завоевателя и такой же завоевательницей (к сведению сторонников “революционной войны” без взятия помощи от империалистов!). Так шла история. Так было. Так будет. Мы вступили в эпоху ряда войн. Мы идем к новой отечественной войне. Мы придем к ней в условиях назревающей социалистической революции»¹⁴.

¹² Там же. С. 251. К истории вопроса о несчастном мире.

¹³ Там же. С. 256–257. Речи о войне и мире на заседании ЦК РСДРП(б) 11(24) января 1918 г.

¹⁴ Там же. С. 420. Серьезный урок и серьезная ответственность.

2. Окружение. Неизменно рассматривалось как враждебное, объективно заинтересованное в уничтожении инородного формационного тела. Признание способности «окружения» объединенными усилиями задушить новый строй. (Учет возможности формационной аннигиляции.)¹⁵

3. Заявленная форма действия. Превентивная идеологическая война против буржуазных стран¹⁶, война, необходимость в которой возникает «в случае победы социализма в одной стране и сохранения капитализма в других странах»¹⁷.

Все перечисленные базовые положения советской внешнеполитической концепции исходили из понимания высокой уязвимости государства в условиях враждебного капиталистического окружения и формально были целиком сориентированы на общеевропейскую и мировую революцию. По сути же речь шла о том, чтобы без потерь в политическом пафосе, предназначенном для внутреннего потребления, разменять потенциал международного коммунистического движения на терпимые отношения с державами-победительницами. И здесь следует снова вернуться в 1918 г.

Разрастание в 1918 г. пожара Гражданской войны в России, военная слабость и неподготовленность советского правительства к выполнению своих интернациональных целей, безусловно, «связывали руки» русской революции. В дополнение к этому внешнеполитическая активность Великобритании и Франции, наряду со стремлением навязать жесткие условия мира терпящей поражение Германии, была нацелена на столь же жесткое обращение с Россией.

Однако уже к концу 1918 г. этот двойной пресс начал ослабевать под воздействием неизбежных на заключительном этапе войны деструктивных процессов в Центральной Европе. Военно-политический кризис в Германии и Австро-Венгрии, наряду с развалом военной машины, ослаблял политическую систему Центральных держав. В сердце Европы нарождались черты рукотворного революционного кризиса, сходного по целому ряду характеристик с российским. Назревавшая революция в Германии потенциально была чревата возможностью возникновения нового блока, враждебного Антанте, в котором программа «совместной революционной войны германского и российского пролетариата

¹⁵ Там же.

¹⁶ Там же. С. 251. К истории вопроса о несчастном мире.

¹⁷ Там же. С. 345. О революционной фразе.

против англо-французского и американского империализма» могла совпасть со стремлением национальных сил в Германии уйти от значительных материальных и территориальных потерь.

Кроме этого, фактическое упразднение Брестского договора и оккупационного статуса германских войск в Прибалтике, Польше и на Украине, отсутствие у Великобритании и Франции возможности быстро заменить немецкий кордон на свой собственный открывали восточные границы Европы. Последние существовали лишь номинально и представляли собой громадную брешь, в которую в любой момент мог хлынуть всесокрушающий красный поток. [Намерение западных держав сохранить на время немецкий кордон нашло отражение в Компьенском соглашении с Германией от 11 ноября 1918 г., в XII статье которого предусматривалось сохранение до особого решения немецких войск на Украине и в Прибалтике. — А.Т.]

В Москве на эти изменения отреагировали незамедлительно. Шанс «спасти революцию» оценивался чрезвычайно высоко. Не останавливали и трудности Гражданской войны, тем более что большевистскому правительству к октябрю 1918 г. на непродолжительное время удалось склонить чашу весов национального противостояния в свою пользу.

1 октября 1918 г. Ленин в письме Свердлову и Троцкому предлагал спешно собрать совместное заседание ВЦИКа, Московского совета, райсоветов, профессиональных союзов для принятия резолюции о событиях в Германии. 3 октября Совещание приняло документ на основе следующих положений: «Международная революция приблизилась за неделю на такое расстояние, что с ней надо считаться как с событием дней ближайших.

Никаких союзов ни с правительством Вильгельма, ни с правительством Вильгельма II+Эберт и прочие мерзавцы.

Но немецким рабочим массам, немецким трудящимся миллионам, когда они начали своим духом возмущения (пока еще только духом), мы братский союз, хлеб, помощь военную...»¹⁸

Итак, вновь, как и в 1917 г., более чем откровенная программа, с той лишь разницей, что в октябре — ноябре 1917 г. идея военно-революционного воздействия на Европу не шла дальше абстрактных, хотя и вполне логичных рассуждений в духе классической марксистской доктрины, тогда как год спустя появилась реальная точка опоры и своеобразное «окно в Европу», куда большевики намеревались бросить максимум

¹⁸ Там же. Т. 50. С. 185–186. Я.М. Свердлову и Л.Д. Троцкому, 1.X.1918.

находившихся в их распоряжении сил и средств. Действовать незамедлительно — именно с таким настроением писались нижеследующие строки: «Все умрем за то, чтобы помочь немецким рабочим в деле движения вперед начавшейся в Германии революции. Вывод: 1) вдесятеро больше усилий на добычу хлеба (запасы все очистить и для нас и для немецких рабочих); 2) вдесятеро больше записи в войско. Армия в три миллиона должна быть у нас к весне для помощи международной рабочей революции»¹⁹.

Помимо материального содействия были мгновенно предприняты меры идеологического характера. Листовкой была издана в Германии статья Ленина «Пролетарская революция и ренегат Каутский» с резкой критикой отступления от программы захвата власти революционной партией²⁰. В спецпропаганду, искусством которой в Советской России овладели лучше, чем где бы то ни было, вкладывались неограниченные средства.

Революционные полпреды Берзин и Боровский вынуждены были сократить до минимума чисто дипломатическую работу и занимались в первую очередь выпуском и распространением агитационного материала. Однако Москва требовала больше. Ленин — Берзину 15/X.1918 г.: «Денег у Вас много (Пришлите непременно отчет в израсходованных вами суммах.) Дадим еще и еще, без счета [так в тексте. — А.Т.] Пишите сколько. Издавать надо в 100 раз больше, на языках, листовки в 4–8–16–32 страницы. Нанять для этого людей»²¹.

Помимо потенциально революционных Германии и Австро-Венгрии швейцарское представительство вело активную обработку держав Согласия, где, по мнению Берзина, также зрела социалистическая революция²². Правда, в отношении этой группы держав центр ставил более скромную задачу — ослабить давление на Советскую Россию. Особое внимание уделялось Франции. Расширился круг специалистов. Лозунг был один — «денег не жалеть»²³.

Аналогичную работу вел в Берлине Иоффе. Однако здесь, в центре назревавшей «международной революции», Кремль не намерен был ограничиваться идеологическим и дипломатическим воздействием. Деятельность советского полпреда в Берлине была подвергнута кри-

¹⁹ Там же.

²⁰ Там же. Пролетарская революция и ренегат Каутский.

²¹ Там же. Т. 37. С. 101–110.

²² Там же. С. 193. Я.А. Берзину. 15.IX.1918.

²³ Там же. С. 201. Я.А. Берзину. XI.1918.

тике. Иоффе был извещен об этом и в письме от 13.X.1918 г. объяснял свою позицию необходимостью продолжения дипломатической работы оппозиции. Из ленинской Канцелярии немедленно последовал ответ: «Я не против продолжения “дипломатничания”. Но значение его умалилось. Все дело в том, успеет ли Антанта высадиться в Черном море большой силой. Об этой опасности я давно всем и везде говорю и в письме в ЦИК ясно сказал²⁴. Разница коренная с II.1918 та, что тогда у нас была возможность выиграть время, отдав землю. Теперь возможности такой нет»²⁵.

Шла отчаянная игра за выживание — либо, как обещал Берзин, агитационная работа большевиков в Центральной Европе ослабит необходимость прямого или косвенного вмешательства Антанты, либо последняя высадится в Черном море «большой силой» и тем самым поставит жирную точку в истории русской смуты.

Своеобразие «русского фактора» прекрасно осознавали на Западе, хотя общие положения совместной программы противостояния распространению революции были окончательно определены лишь к началу 1919 г. В записке «О необходимости интервенции союзников в России» от 18 января 1919 г. Главное командование союзными армиями отмечало: «Если Антанта хочет сохранить плоды своей победы, добытой с таким трудом, она сама должна вызвать перерождение Советской России путем свержения большевизма или воздвигнуть прочный барьер между этой страной и центральными державами».

На смену развалившемуся немецкому барьеру спешно возводился новый — из малых государств, образовавшихся на месте бывших европейских провинций Российской империи²⁶.

Правительство большевиков, в свою очередь, делало ставку на группу «Спартак». Немецким левым рекомендовалось предпринять самые энергичные меры, чтобы способствовать созданию рабочих и солдатских советов по всей Германии. «Теперь наступает решительный час, — подчеркивал в своей телеграмме в Берлин В.И. Ленин, — быстро назревающая германская революция призывает группу “Спартак” к выпол-

²⁴ Там же. С. 97–100. Письмо объединенному заседанию ВЦИК Московского Совета с представителями фабрично-заводских комитетов и профессиональных союзов 3 октября 1918 г.

²⁵ Там же. Т. 50. С. 195. А.А. Иоффе. 18.X.1918.

²⁶ Из истории гражданской войны в СССР: Сборник документов и материалов. М., 1960. Т. 1. С.83, 87; Papers Relating to the Foreign Relations of the United States, 1919. Russia. Wash., 1937. Vol. 4. P. 122.

нению важнейшей роли, и мы твердо надеемся, что скоро германская пролетарская социалистическая республика нанесет решительные удары мировому империализму»²⁷.

Кроме того, отречение Вильгельма, создание советов в Киле, брожение в регулярной армии питали надежду одним ударом покончить с внутренней контрреволюцией в России: в Кремле, не имея достаточно сил для борьбы с Красновым, надеялись получить помощь от немцев. Новая блоковая взаимосвязь обрела более отчетливые очертания — рвавшаяся из изоляции Советская Россия делала ставку на создание новой антифранко-английской коалиции.

Из Совнаркома 9 ноября 1918 г. Орловскому и Курскому губисполкомам и губкомам партии была отправлена секретная телеграмма, предписывавшая как можно скорее сообщить немецким солдатам на Украине об отречении кайзера и «посоветовать им ударить на красновские войска, ибо тогда мы вместе завоюем десятки миллионов пудов хлеба для немецких рабочих и отразим нашествие англичан, которые теперь подходят с эскадрой к Новороссийску»²⁸. Четыре дня спустя предположения сменились уверенностью. 13 ноября 1918 г. со ст. Унеча (Черниговская губерния) В.И. Ленину была передана телеграмма следующего содержания: «Представители революционных солдат Германии, делегаты Лышиченского Совета солдатских депутатов, совместно с Унечской организацией РКП(б), приветствуют в Вашем лице мировую революцию. Представители революционных немецких войск села Лышичи...»²⁹ В этот же день глава революционного правительства в Москве продиктовал подробные инструкции по дальнейшему ведению переговоров для председателя Унечской организации РКП(б) Иванова: «Теперь крайне важно, чтобы революционные солдаты Германии приняли немедленно действенное участие в освобождении Украины. Для этого необходимо, во-первых, арестовать белогвардейцев и власти украинские, во-вторых, послать делегатов от революционных войск Германии во все войсковые германские части на Украине для быстрого и общего их действия за освобождение

²⁷ Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 50. С. 196. Членами группы «Спартак». Ориентация на соединение германской и российской революции проявилась и при создании III Интернационала, идеологическая платформа которого строилась на программах ВКП(б) и «Союза спартаковцев».

²⁸ Там же. Т. 50. С. 203. Телеграмма Орловскому и Курскому губисполкомам и губкомам партии.

²⁹ Там же. С. 452.

Украины. Время не терпит. Нельзя терять ни часа»³⁰. [Идея расправиться с противником при помощи немецких штыков буквально витала в воздухе. Такой вариант решения «русского вопроса» обсуждался в Лондоне в декабре 1918 г. Участники англо-франко-американской встречи пришли к общему выводу о целесообразности использования Германии в деле урегулирования «русского вопроса». «Германию нужно пригласить помочь нам в освобождении России и Восточной Европы», — говорилось на совещании. — А.Т.]

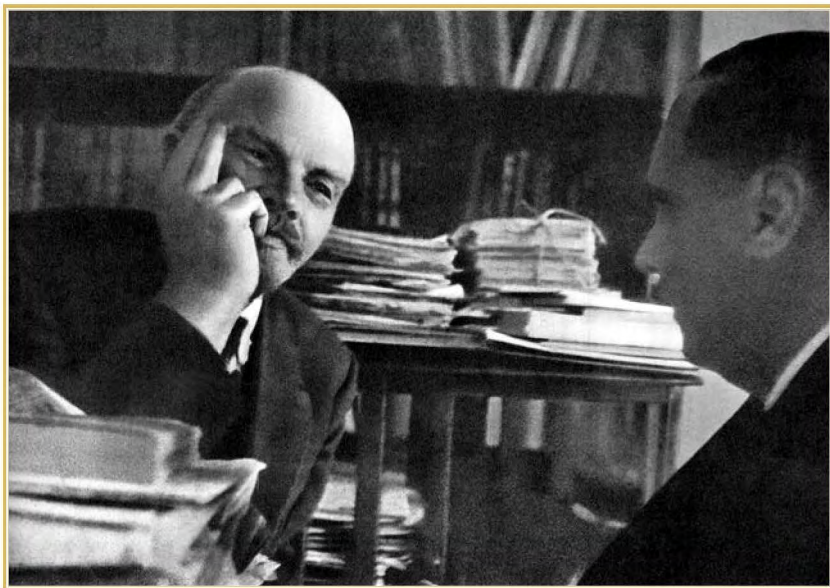
Использование немецких революционных частей для наведения порядка на Украине, а затем и в Германии являлось лишь частью обширной военно-интернациональной программы. В России готовились кадры для будущих революционных армий Центральной Европы. В Серпухов главному Вацетису было отправлено распоряжение о создании «Центрального бюро оккупированных стран» с проектом формирования польского и Литовского ударных батальонов и западной бригады на Южном фронте³¹.

Следует отдать должное дальновидности советского правительства — заблаговременно создавалась ударная группировка на Северо-Западе для прорыва в Германию через Литву и Польшу и на Юго-Западе с целью соединения с советскими республиками, возникновение которых ожидалось в различных частях распавшейся Австро-Венгерской империи.

Подготовка революционного вмешательства и агитация со стороны Советской России вызвали ответные меры. 12 ноября 1918 г. правительство Швейцарии выслало из страны возглавляемое Я.А. Берзиным представительство РСФСР, мотивируя это несовместимостью подрывной пропагандистской деятельности советских эмиссаров в Швейцарии и сопредельных странах с дипломатическим статусом представительства. Аналогичные претензии были предъявлены правительством немецких социал-демократов, сформировавшимся после отречения кайзера. [Социал-демократическое правительство Германии было создано 10 ноября 1918 г. В течение всей следующей недели Москва использовала все имевшиеся в ее распоряжении средства, чтобы оказать содействие созданию альтернативного советского пра-

³⁰ Там же. С. 205. Телеграмма председателю Унечской организации РКП(б) Иванову. 13.XI.1918 г. одновременно аналогичные инструкции были переданы в Орловский губком РКП(б). Телеграмма заканчивалась приветствием братскому союзу «Германской советской республики с Украинской советской республикой».

³¹ Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 50. С. 207. Телеграмма И.И. Вацетису. 15.XI.1918 г.

В.И. Ленин и Герберт Уэллс

вительства во главе со спартаковцами. См.: Документы внешней политики СССР. Т. 1. С. 575–577. — А.Т.]

В радиограмме нового правительства в Совнарком от 21 ноября 1918 г. содержалось требование признать новое правительство Германии и «воздержаться от всякого воздействия на немецкое население с целью образования другого правительства»³². В Кремле были вынуждены принять ультиматум к сведению и ослабить давление на Берлин. Ленин — Чичерину, 23.XI.1918 г.: «Надо составить ответ очень подробный и ядовитый. Признаем ли немецкое правительство? Признают ли его все Совдепы Германии? Если да, признаем и мы.

“Не воздействовать”? Словом, печатью? С точки зрения Демократии или диктатуры? Просим выяснить, но заявляем, что если ультимативно потребуют, чтобы мы не вели агитации, мы из-за этого не порвем»³³.

Неделя надежд сменилась месяцами разочарований. Революция в Германии не встала на путь пролетарской диктатуры. Боевой союз с революционной немецкой армией оказался очередной химерой. В Киеве 13 ноября 1918 г. Всеукраинский съезд Советов германских солдат не принял никакой политической резолюции. Столицу Украины решено было отдать Петлюре в обмен на свободный пропуск германских

³² Там же. С. 453.

³³ Там же. С. 211. Г.В. Чичерину.

эшелонов на Запад³⁴. Образ мировой пролетарской революции, столь зримо возникший в начале ноября 1917 г., вновь, как и год назад, обретал неясные, расплывчатые очертания. Еще одна осечка в реализации классической доктрины, еще один, хотя далеко не последний, провал во внешнеполитических исканиях российской революции.

В последнюю очередь от плана прорыва на Запад отказалось военное руководство республики. Троцкий и Вацетис в ноябре — начале декабря 1918 г. постоянно находились в штабе западного направления в Воронеже. В Москву шли телеграммы с требованиями обеспечить первоочередное снабжение Западного фронта. В 20-х числах декабря мнения наркомвоена и главкома разделились. Усматривая в наступлении Краснова большую опасность, Вацетис настаивал на перенесении усилий на юг, Троцкий продолжал отстаивать западное направление. Назревавший конфликт завершился неожиданной развязкой — 24 декабря войска III армии сдали Пермь. Наступление Колчака приобрело угрожающий характер, крайне обострилась ситуация на юге под Царицыном.

Своеобразный тайм-аут на Западном фронте продлился вплоть до апреля 1919 г., когда всплески революционной активности в Венгрии и Баварии вновь поманили большевиков на Запад.

Намерение Антанты разделить Венгрию — передать восточные области с городами Темишвар, Сибиу, Арад и др. Румынии, вычленив на севере Сербию — резко качнуло общественное мнение влево. Возник необычный альянс армии и рабочего класса. Как и в Германии, социальная революция шла в ногу с национальным движением.

В условиях углублявшегося правительственного кризиса президент Венгерской республики М. Кароль предложил социал-демократам сформировать совместно с коммунистами новое правительство, призванное найти варианты сохранения территориальной целостности и независимости Венгрии. Эти надежды во многом были связаны с Россией, которая оценивалась как контрбаланс нарастающему давлению со стороны Антанты. Выступая 21 марта в Будапештском совете народных депутатов, глава нового правительства А. Грабай [в совет вошли два социал-демократа — А. Грабай и С. Куньи, два коммуниста — Б. Кун и Б. Санто и один левый социал-демократ Е. Ланлер. — А.Т.] заявил: «Мы должны поэтому стать на точку зрения образования социалистического правительства и провозглашения диктатуры пролетариата» [см.: *Варга Е.* Историческое значение пролетарской дикта-

³⁴ Там же. С. 454.

туры в Венгрии. БСЭ. Т. 10. М., 1928. С. 84; Там же. Кун Б. Советская Венгрия. С. 72. — А.Т.]

22 марта известие о революции в Венгрии было получено в Москве. Первоначальная реакция советского правительства была весьма осторожной — сказывался печальный «германский» опыт, придавший некоторый оттенок прагматизма революционной внешней политике. В Будапешт были отправлены «надменные», но ни к чему не обязывающие поздравления. В телеграмме Б. Куну от 8 апреля 1919 г. запрашивались также подробности о событиях в Баварии [заинтересованность большевиков в делах Баварии коммунисты использовали в борьбе за большинство в правительстве. 9 апреля 1919 г. газета «Мюнхен нойес нахрихтен» опубликовала обращение Ленина. Революционному брожению в баварской столице был придан определенный импульс. Сказывались близость Венгрии и усиленная агитация эмиссаров Б. Куна. 13 апреля власть в республике передавалась Исполнительному комитету во главе с лидером баварских коммунистов Е. Левине. По российской схеме в Баварии и Венгрии приступили к ограблению буржуазии, созданию Красной армии, национализации банков, введению рабочего контроля на предприятиях. Фактически в обеих республиках реализовывалась программа, изложенная Лениным двумя годами раньше в Апрельских тезисах. — А.Т.] и содержание аграрной программы Венгерского правительства. В Москве явно не спешили, однако опасность удушения революции подстегивала нерешительных, усиливала радикалов, заставляла замолчать прагматиков. Разгром Баварской республики в мае 1919 г. в очередной раз подтвердил тезис левых о том, что падение новой власти неизбежно, если ей не будет оказана эффективная и незамедлительная военная помощь.

Западный фронт вновь пришел в движение. Красная конница рвалась в Галицию. Венгрию от России отделял лишь тонкий перешеек, заполненный румынскими войсками. Некоторое время существовало даже сообщение по воздуху. В Москве на майских праздниках присутствовали представители Венгерской Красной армии.

Однако и на этот раз последний шаг сделать не удалось. Венгры были отброшены за Тиссу. Республику теснили с двух сторон румынские и словацкие войска. Мятеж атамана Григорьева и осложнение ситуации на Украине в целом вновь вынудили большевиков повернуть штыки внутрь страны. Венгров призывали к мужеству и твердости, но никакой реальной помощи, кроме снабжения агитационными материалами, оказать не могли, а по сути уже и не стремились. Очередной раунд завершился.

Большевистская Россия сыграла свою роль в Большой игре, вложив силы и средства в дело развала старой имперской системы в Центральной Европе. Более того, именно согласованное идеологическое давление из Москвы, а также распространение идей, связанных с правом наций на самоопределение, забили осиновый кол в сердце старой Европы. Впервые было осуществлено разукрупнение двух участниц Большой игры (Османской и Австро-Венгерской империй) и реализованы модели смены общественно-политического строя. По Гамбургскому счету Ленин и его соратники записали себе жирный политический бонус, что впоследствии помогло Советской России без фатальных потерь выйти из польского кризиса.

Напряженность между революционной Россией и Польшей сохранялась на протяжении всего периода после эвакуации немецких армий из бывших западных областей России. Предъявлялись взаимные материальные и территориальные претензии, причем позиция польского правительства носила неконструктивный, а зачастую и явно провокационный характер. Ослабление России в результате разрушительной Гражданской войны, политическая изоляция Советского государства возрождали надежду на восстановление Речи Посполитой — возвращение польского государства к границам середины XVII в. Советская власть, в свою очередь, также стремилась к расширению на западе. Неизбежный в этих условиях конфликт Польши и образовавшейся в феврале 1918 г. Литовско-Белорусской республики стал прелюдией к большой советско-польской войне.

Кампания 1919 г., начавшаяся широким наступлением сил большевиков совместно с национальными красными эстонскими, литовскими и латвийскими частями, изменила внезапно свой характер в результате мощного контрнаступления поляков. К зиме 1919 г. Красная армия была отброшена на линию Полоцк–Бережна–Могилев-на-Днестре, после чего военные действия прекратились.

Однако стабилизация Западного фронта в конце 1919 г. носила временный характер. С точки зрения Пилсудского, восстановление старых границ на севере должно было быть дополнено возвращением утраченных территорий на юге. Киев, как и после подписания Столбовского мира, должен был стать на водоразделе польских и украинских земель. Мощный всплеск национализма позволял рассчитывать на успех в очередной скоротечной кампании вопреки серьезным послевоенным экономическим затруднениям. Расширение территории государства должно было с лихвой окупить тяготы войны.

Во время переговоров с Антантой в 1919 г. польская делегация настаивала на присоединении «района с населением, говорящим на литовском языке», именно такую формулировку избрали польские дипломаты в отношении Литвы. Рассматривались и варианты вовлечения Украины в польскую орбиту.

Такой подход был вполне созвучен британской внешнеполитической программе в отношении России. На берегах Туманного Альбиона Пилсудский надеялся найти благосклонное понимание и деятельную поддержку. Ставка делалась и на внутреннюю оппозицию советской власти. Единство этих важнейших составляющих польской военно-политической доктрины нашло идеальное воплощение во время переговоров Пилсудского–Рамбольда [посол Великобритании в Варшаве. — А.Т.] и Пилсудского–Савинкова в январе 1920 г.

В частности, Рамбольд был извещен, что главным условием сотрудничества с Савинковым должно было стать одобрение плана Пилсудского, предусматривавшего создание антибольшевистского польско-украинского альянса, отделение, после поражения революции и установления «нормальной» власти, украинского государства от России и включение последнего, наряду с Литвой и Эстонией, в восточноевропейский блок во главе с Польшей. Эти предложения адресовались и в Лондон, где поляки ангажировались на роль доброго пастыря, способного водворить «блудную» страну в лоно европейской цивилизации.

Однако расчеты польского правительства не оправдались ни в первом, ни во втором случае. Из Лондона последовала рекомендация отказаться от плана войны с Россией. В Форин Офисе здраво рассудили о нецелесообразности распыления усилий империи, занимавшейся в первую очередь проблемами балканского и центральноевропейского послевоенного урегулирования. Оставляли желать лучшего финансы государства, обремененные послевоенными долгами. Сказывалась особая позиция США в отношении европейских конфликтов. Не менее любопытен и ответ Савинкова на заманчивые предложения Пилсудского: лидеры внутренней оппозиции отказались от обсуждения проектов, в которых была заложена идея «усечения» российского государства.

В этой связи следует отметить, что внешнеполитические концепции ведущих государств Европы — инструментарий западноевропейской дипломатии начала XX в. также отличался рядом традиционных и вновь приобретенных черт. Наиболее значимой и стабильной представляется программа Великобритании — бесспорного европейского лидера

в межвоенный период. На берегах Туманного Альбиона традиционно придерживались практики манипулирования интересами своих континентальных соседей. Проводилась в жизнь политика поддержания европейского равновесия и ее основной принцип — «сохранение свободы рук». Главной задачей оставалось предотвращение возникновения в Европе центра силы с потенциальными возможностями, превышающими или возможности империи, или возможности ее союзников. В качестве весомого контрбаланса использовалась Франция. Последняя, в свою очередь, была озабочена поиском антигерманской комбинации. До октября 1917 г. чаяния французов и интересы англичан были идеально соблюдены с включением России в систему Антанты. Выход России из войны резко нарушил устойчивость внутренней структуры блока, удержавшего силовой баланс лишь за счет привлечения США. Однако включение «американского фактора» в Европейскую систему носило временный характер.

Экономический потенциал, форма политического мышления, характер взаимоотношений США с ведущими европейскими державами определили неизбежность политики изоляционизма, отказа от участия в военно-политических коллизиях Европейского континента. С уходом США державы-победительницы вновь столкнулись с проблемой дефицита силы. Возможность уравновесить Европейскую систему за счет создания малых Антант имела слабые шансы на успех, поскольку единственной опорной точкой этой модели на континенте была Франция, что было явно недостаточно для непосредственного силового обеспечения и ограждения формирований малых государств от посягательств других великих держав.

В этом смысле непрочность европейского баланса сил в значительной степени повышала дивиденды Польши. В Варшаве шли на риск самостоятельной игры, прекрасно понимая, что в случае критической ситуации помощь Большой Антанты последует незамедлительно. Видимая ослабленность России способствовала этому. Возобновление 27 марта 1920 г. переговоров об урегулировании взаимных претензий мало меняло ситуацию — дипломатические дебаты служили лишь завесой, скрывавшей активную подготовку сторон к очередному, возможно решающему, столкновению.

Продолжившийся в апреле 1920 г. конфликт обладал рядом немаловажных особенностей. Во-первых, это была война бывшей провинции против своей бывшей метрополии; во-вторых, со стороны Польши и ее союзников ставка делалась на национально-консерва-

тивное движение, со стороны РСФСР — на интернационально-революционное, в том числе и в самой Польше; в-третьих, это была борьба за определение западных границ Советской России; в-четвертых, решался вопрос о том, будет ли с помощью польского буфера изолирована русская революция или с советизацией Польши и наступлением Красной армии ареал ее распространения достигнет границ Германии. Последний вопрос был, как нам представляется, наиболее значимым для обеих сторон, оттесняя на второй план проблему границ. Характерно, что в апреле 1920 г. советская сторона готова была уступить Польше всю Белоруссию, включая Минск³⁵, тогда как в июле того же года отказалась одобрить линию Керзона и заключить мир через посредничество Лиги Наций. Как отмечал В.И. Ленин, речь шла прежде всего о том, чтобы «помочь польским рабочим свергнуть их правительство»³⁶ и ликвидировать буфер между Советской Россией и Германией, созданный Версальской системой, равно как и саму систему: «Если бы Польша стала советской, если бы варшавские рабочие получили помощь от Советской России, которую они ждали и которую приветствовали, Версальский мир был бы разрушен, и вся международная ситуация, которая завоевана победами над Германией, рушилась бы. Франция не имела бы тогда буфера, ограждающего Германию от Советской России»³⁷.

Однако конфликт не привел к революционной войне польских трудящихся против собственного буржуазного правительства. Напротив, Пилсудскому удалось добиться консолидации страны на национальной основе и отбросить Красную армию от Варшавы. Характерно, что на заключительном этапе войны большинство в польской армии составляли рабочие и крестьяне³⁸. Национальный стимул оказался сильнее интернационально-классового. Первая и последняя революционная война советского государства закончилась неудачей. Возможность изменения международной ситуации в условиях развития перманентной революции не реализовалась. Социализм был оттеснен в рамки одного государства.

В СССР существовала достаточно гибкая модель поведения социалистического государства в капиталистическом окружении, опиравшаяся

³⁵ Там же. Т. 41. С. 319.

³⁶ Там же. С. 322.

³⁷ Там же. С. 323.

³⁸ Там же. С. 284–285.

прежде всего на ленинское наследие. В.И. Ленин, в частности, указывал, что в условиях капиталистического окружения невозможно «вырваться полностью из той или иной империалистической связи», но «не тот принцип должен теперь лежать в основе нашей тактики, которому из двух империализмов выгоднее помочь теперь, а тот принцип, как вернее и надежнее можно обеспечить социалистической революции возможность укрепиться или хотя бы продержаться в одной стране...»³⁹. В этих условиях наиболее приемлемой считалась тактика «выжидания и использования конфликтов и противоречий между империалистами»⁴⁰, присущая советской внешней политике на начальном этапе складывания РСФСР.

Жизненно важной считалась также разработка алгоритма поведения в условиях угрозы вторжения со стороны одной из империалистических группировок, которое ожидалось в обозримом будущем и считалось неизбежным. Выступая с докладом о внешней политике на объединенном заседании ВЦИКа и Московского совета 14 мая 1918 г., В.И. Ленин подчеркивал: «...если крайняя военная партия (таковой стала национал-социалистическая партия в Германии. — А.Т.) может с минуты на минуту победить любую империалистическую коалицию и создать новую неожиданную империалистическую коалицию против нас, мы во всяком случае этого дела не облегчим. Если они двинутся на нас... мы сделаем все, что от нас зависит, все, что способна дипломатическая тактика сделать, сделаем все, чтобы этот момент оттянуть...»⁴¹.

В случае же, если нападение состоится и советское государство будет втянуто в войну, возможным и целесообразным считалось соглашение с «дружественным» империализмом, «когда это соглашение, не нарушая основ советской власти, могло бы укрепить ее положение и парализовать натиск на нее какой-либо империалистической державы...»⁴².

Итак, перед нами комплекс тактических клише, тот самый политический инструментарий, рассчитанный как на относительно спокойный климат в международных отношениях (тактика выжидания и использования противоречий), угрозу войны (тактика оттягивания нападения

³⁹ Там же. Т. 35. С. 247.

⁴⁰ Там же. Т. 36. С. 341.

⁴¹ Там же.

⁴² Там же. Т. 35. С. 247.

любыми средствами), так и начало войны (заключение союза с «дружественным» империализмом). В межвоенный и военный периоды советская внешняя политика прошла через все три уровня на этапах: 1922–1938, 1938–1941, 1941–1945 гг. Причем на каждом из них в условиях господства одного из трех тактических стереотипов два других не отрицались и оказывали влияние, создавали фон осуществлению ключевой формы поведения.

В целом с окончанием советско-польской войны военно-политическая ситуация на востоке Европы стабилизировалась. Ленинское правительство в полной мере воспользовалось бонусом, заработанным в процессе фактически совместных с Антантой усилий, направленных на предотвращение пересборки Центральных держав. С геополитической карты мира были удалены Австро-Венгерская и Османская империи, а западные границы РСФСР закреплены де-юре. Прекратилась и агрессивная идеологическая экспансия большевистского правительства. Само понятие «революционная война» было выведено из политического лексикона советской власти. Более того, коллективному западу дали понять, что Советская Россия обратилась в сторону задач мирного строительства. Примечательно, что этот сигнал был передан по уже наработанному за последние 20 лет каналу, когда В.И. Ленин встретился с Гербертом Уэллсом, представлявшим отнюдь не слой людей, занятых написанием фантастических романов, а влиятельное Фабианское общество, по факту курировавшее проект создания Новой Европы. Заявленный план ГОЭЛРО напрямую предполагал многочисленные заказы на внешнем рынке, а последовавшая за этим новая экономическая политика фактически открыла Россию западному капиталу. Несмотря на коммунистическую риторику Советскую Россию предпочли терпеть, а в каких-то случаях использовать. «Русский фактор» в понимании коллективного запада перешел в категорию неизбежного зла, консолидовавшего самим фактом своего существования силы добра и корпоративного прогресса.

REFERENCES

1. *Klauzevic K. O voine.* T. 1 [*Carl von Clausewitz. On war.* T. 1]. M.; L.: Voenizdat, 1932. S. 25.
2. *Lenin V.I. Polnoe sobranie sochoneniy.* T. 35. Konspekt programmy peregovorov o mire [Collected Works. T. 35]. Moskva: Politizdat, 1974.
3. *Lenin V.I. Polnoe sobranie sochoneniy.* T. 27. Neskolko tezisov [Collected Works. T. 27]. Moskva: Politizdat, 1962, S. 5–51.
4. *Lenin V.I. Polnoe sobranie sochoneniy.* T. 36 [*Lenin V.I. Collected Works.* T. 35]. Moskva: Politizdat, 1970.
5. *Lenin V.I. Polnoe sobranie sochoneniy.* T. 37. Proletarskaia revoliutsiia i renegat Kautskii [*Lenin V.I. Collected Works.* T. 37]. Moskva: Politizdat, 1974.
6. *Lenin V.I. Polnoe sobranie sochoneniy.* T. 41 [*Lenin V.I. Collected Works.* T. 41]. Moskva: Politizdat, 1970.
7. *Lenin V.I. Polnoe sobranie sochoneniy.* T. 50. Ia.M. Sverdlovu i L.D. 1.X.1918 Trotskomu. [*Lenin V.I. Collected Works.* T. 50]. Moskva: Politizdat, 1970.
8. Sovetsko-germanskiye otnosheniya ot peregovorov v Brest-Litovske do podpisaniya Rappal'skogo dogovora; Sbornik dokumentov. T. 1 [Soviet-German relations from the Brest-Litovsk negotiations to the signing of the Rapallo Treaty; Collection of Documents. T.1]. Moskva: Politizdat, 1968.
9. Iz istorii grazhdanskoi voiny v SSSR: S. dokumentov i materialov. T. 1 [From the history of the Civil War in the USSR: S. documents and materials. T.1]. Moskva: Sovetskaia Rossiia, 1960, S. 83, 87; Papers Relating to the Foreign Relations of the United States, 1919. Russia. Wash., 1937. Vol. 4.

Ключевые слова:

В.И. Ленин, «русский фактор», Брестский мир, Антанты, Центральные державы, революция, Фабианское общество.

Alexey E. Titkov

RUSSIAN FACTOR IN THE MILITARY AND POLITICAL CONFLICTS OF EUROPE IN 1917–1920

The article deals with the influence of the so-called Russian factor in the events following the end of the First World War up until 1920. The revolution in Russia radically changed the situation in Europe, having a major impact on the domestic and foreign policies of the belligerent nations, caused by active Soviet support for revolutionary movements in Europe. This practice stemmed not from a sincere desire to fan the revolutionary flames but rather from the survival instinct of the newly-established proletarian state, surrounded by hostile capitalistic countries. The article examines the ideological motivations behind Soviet Russia's foreign policy during this period and the activities of its leader, Vladimir Lenin, as well as his attempts to influence social and political processes in Germany, Hungary, and Poland. The study also analyzes the changes in the ideological agenda of the Bolsheviks after the failure of Soviet policy to create springboards for the advancement of the revolution into Central Europe. Moreover, the paper points out that the smokescreen of the revolution in Russia reveals clear signs of a concerted effort to wipe the Ottoman Empire, the German Empire, the Austro-Hungarian Empire, and the Russian Empire from the map of Europe and Asia, preceded by an active campaign aimed at undermining the monarchic institutions themselves. Meanwhile, the Bolshevik policy that sought to completely dismantle the old regime, despite the hostility of its ideology, eventually proved perfectly acceptable for those who aimed to prevent the Central Powers from rising up again.

Key Words: Vladimir Lenin, the Russian Factor, Brest-Litovsk Peace, Entente, Central Powers, Revolution, Fabian Society.

Alexey E. Titkov – Ph.D. in History, Editor-in-Chief of the Historical Reporter.

 Титков Алексей Эдуардович

кандидат исторических наук, главный редактор журнала
«Исторический вестник»

DOI: 10.35549/HR.2022.2021.38.012

Ар.А. Улунян

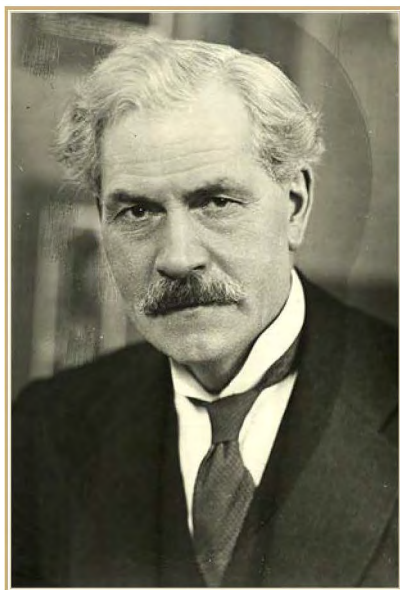
1924 г.: «АЗИАТСКОЕ ЗАКУЛИСЬЕ» БРИТАНО-СОВЕТСКОГО СБЛИЖЕНИЯ

ратковременное (январь–ноябрь 1924 г.) пребывание у власти лейбористского правительства меньшинства во главе с премьер-министром Р. Макдональдом, являвшимся одновременно главой Форин Офис, было знаковым. Для местной коммунистической партии это было частичным успехом. Как отмечалось в ее официальном печатном органе газете «The Workers' Weekly» в середине февраля 1924 г., «все согласны с тем, что приход лейбористского правительства — это шаг вперед в продвижении рабочего класса. Но как только мы преодолеваем эту точку согласия, сомнения и страхи поочередно окрашивают ситуацию. ... Прежде всего отметим факты его существования. Оно является меньшинством и существует, поскольку это касается парламентских голосов, с согласия Либеральной партии. В его состав входит коалиция лейбористов, либералов и тори. Лейбористские элементы внутри его, за исключением Уитли и Мьюира, имеют только социалистическую фразеологию, чтобы отличаться от либералов»¹. Во внешнеполитическом отношении

¹ Murphy J.T. The Labour Government — What We Must Do // The Workers' Weekly, February 15, 1924.

Джеймс Рамсей Макдональд

создание этого правительства сыграло свою роль в развитии британо-советских отношений, имея в виду, что именно лейбористский кабинет признал 1 февраля 1924 г. правительство СССР. Причинами поспешных действий, предпринятых вскоре после прихода к власти, как заявил об этом сам премьер-министр на заседании кабинета 4 февраля 1924 г., было, во-первых, его нежелание откладывать это с целью консультаций с другими государствами, так как подобный шаг привел бы к трехмесячной отсрочке. Во-вторых, он сообщил своим коллегам о том, что узнал об окончании 2 февраля сессии Верховного Совета СССР и поэтому, с его точки зрения, было важно, чтобы это признание было одобрено этим органом, а не только главой МИД, Г. Чичериным и советскими властями². Действия премьера были одобрены членами кабинета.

В свою очередь, советская политика в отношении Британской империи, включавшей территориальные владения на Востоке, а также оказывавшей влияние в целом на общественно-политическое развитие азиатских регионов, во многом зависела от провозглашенного еще с момента прихода большевиков к власти в России их курса на вовлечение азиатских стран и народов в орбиту своего влияния и на ослабление британских позиций на «Большом» Востоке. Предыдущие попытки установления дипломатических отношений, предпринимавшиеся

² The National Archives (TNA). CAB 23/47/3. Cabinet 9(24). Conclusions of a Meeting of the Cabinet held at 10, Downing Street, on Monday, February 4th 1924. P. 40.

ранее Москвой, сталкивались с главной проблемой — продолжением проводимой ею политики, несмотря на делавшиеся официальными советскими представителями заявления об отказе от подрывной антибританской деятельности³. Ставка на достижение договоренностей как по политическим, так и экономическим вопросам, включая гарантии прекращения советской стороной тайной и открытой борьбы с Британией, а также урегулирование финансовых вопросов, делалась лично Макдональдом с достаточной степенью оптимизма. В определенной степени такому отношению к перспективам двусторонних отношений между Лондоном и Москвой способствовали и взгляды ближайшего окружения главы государства. Так, в частности, С. Оливер, министр по делам Индии, описывая 1 февраля в специальном меморандуме, направленном Макдональду, ситуацию, складывавшуюся для британских позиций на «азиатском» направлении, сообщал об обострившихся на протяжении весны–осени 1923 г. отношениях Британии и Афганистана, что произошло во многом из-за действий афганских властей, поддерживавших антибританские действия проживавших на территории северо-западной приграничной территории британской Индии племен, а также укрывавших лиц, совершавших нападения в афгано-индийском приграничье на британских военных и гражданских. Происходившее рассматривалось в документе достаточно серьезно⁴. В то же время, сообщая о советских действиях непосредственно в отношении британской Индии, министр отмечал, что имеющаяся информация не дает оснований для принятия дипломатических шагов, и одновременно сообщал о том, что «правительство Индии, безусловно, достаточно напугано этой [коммунистической] пропагандой, чтобы на него можно было положиться, чтобы держать нас в курсе всего, что может рассматриваться как имеющее серьезное международное значение»⁵. Эта оценка позиции британской администрации Индии, достаточно хорошо знакомой с ситуацией, информацию о которой она получала по гражданским и военным каналам, была весьма симптоматична и во многом отражала стремление лейбористского правительства минимизировать влияние на свою политику

³ Подробнее в: *Сергеев Е.Ю.* Большевики и англичане. Советско-британские отношения, 1918–1924 гг.: от интервенции к признанию. СПб.: Наука, 2019; *Улунян Ар.А.* Туркестанский плацдарм. 1917–1922: Британское разведывательное сообщество и британское правительство. М.: URSS, 2019.

⁴ TNA. CAB 24/164/47. Memorandum. Points of greatest immediate importance in Indian affairs. Sydney Olivier. 01 February 1924. P. 339.

⁵ Ibid. P. 343.

Журнал «Бухарская жизнь»,
издававшийся Экономическим представительством БНСР в Москве

в отношении СССР сторонников не только жесткого курса, но и даже более умеренных, но призывавших к осмотрительности во взаимоотношениях с Москвой с точки зрения выполнения советской стороной обещаний отказаться вести антибританскую деятельность на Востоке.

В свою очередь Макдональд стремился максимально достигнуть поставленной им цели. Перед заседанием кабинета 8 февраля 1924 г. по указанию премьера его члены были ознакомлены с письмом главы советской торговой миссии в Лондоне, становившегося официальным полномочным дипломатическим представителем Х. Раковского по поводу ноты британского правительства о признании СССР. В своем выступлении во время заседания глава правительства, являвшийся одновременно министром иностранных дел, обратил внимание на «сердечный характер этого послания», в связи с чем сообщил о том, что намеревался направить Раковскому меморандум по важным вопросам, представляющим интерес для двух правительств с предложением о том, как предстояло развивать отношения между ними⁶. Установление отношений

⁶ TNA. CAB 23/47/5. Cabinet 11(24). Conclusions of a Meeting of the Cabinet at 10, Downing Street, S. W. 1, on Friday, February 8, 1924. P. 77.

Роберт Маклеод Ходжсон

и продолжавшиеся переговоры о заключении общего и торгового соглашений между двумя странами проходили на фоне событий, происходивших на стратегически важной для Москвы и Лондона «азиатской» периферии и продолжавших оказывать как явное, так и скрытое влияние на процесс противоречивого британо-советского «сближения».

26 февраля 1924 г. бывший глава британской торговой миссии в Москве, ставший после установления дипломатических отношений поверенным в делах, Р.М. Ходжсон направил в Форин Офис телеграмму о своей встрече с главой советского НКВД Г. Чичериным после передачи ему послания о своем новом уже дипломатическом назначении. Во время беседы Чичерин сообщил о недовольстве советских властей действиями британских официальных лиц в Азии и, в частности, активностью Генерального консула П.Т. Этертона в Кашгаре⁷ и вице-консула в Реште Т.В. Бренана. Сам факт возвращения первого из них на его пост рассматривался советской стороной крайне негативно: «указывающим на вероятное возобновление антисоветских интриг в Центральной Азии»⁸. На прямой вопрос Ходжсона о конкретных обвинениях советской стороны в адрес двух британцев Чичерин ответил, что в соответствии с имеющимися точными данными полковник Этертон являлся фактически подстрекателем

⁷ О разведывательной деятельности Этертона на туркестанском направлении см.: Улуян Ар. А. Туркестанский плацдарм.

⁸ National Archives of India (NAI). Repository II. PR_000003030952. Russian Military Activities in Bokhara. Home Political. 1924. P. 20.

Г.В. Чичерин

басмаческого движения в Средней Азии и оказывал ему всестороннюю поддержку. При этом глава НКВД сослался на статью из журнала «Новый Восток», в которой Этертону приписывались соответствующие действия. Сам Ходжсон отмечал в телеграмме, что обвинения в этой публикации не подтверждались какими-либо данными⁹. В то же время новый поверенный в делах обращал внимание на то, что обвинения против полковника Этертона не были новыми и еще летом 1922 г. Л. Карахан (тогдашний замнаркома НКВД и заведующий Восточным отделом НКВД) делал подобные заявления, о чем Ходжсон сообщал в Форин Офис. В отношении Бренана, как писал Ходжсон, Чичерин использовал выражение «герой белогвардейского романа», в ходе которого он втянул в свою интригу некую девушку из «белогвардейского лагеря», а когда она стала для него опасна, по словам главы НКВД, Бренан избавился от нее, что привело к ее смерти. По заявлению Чичерина, Бренан был вовлечен в контрреволюционные интриги и имел своих тайных агентов на Кавказе¹⁰.

В свою очередь Ходжсон, отвечая собеседнику, сослался на действия ГПУ, в результате которых во время переписки с одним британцем по поводу покупки двух породистых собак по кличке «Черный лорд» и «Белая леди» несколько человек в России были надолго арестованы из-за невежества сотрудников ГПУ, посчитавших, что речь идет о контрре-

---

⁹ Ibid.

¹⁰ Ibid.

волюционном заговоре. Британский поверенный сравнил этот случай с аналогичными обвинениями в адрес Этертона и Бренана. В этой связи он порекомендовал представить доказательства, чтобы отбить британские обвинения относительно русской пропаганды и во время переговоров «для достижения пакта от ненападения, соответствующего желаниям советского правительства»¹¹.

Тем временем действия советской стороны как в самой британской Индии, так и граничивших с ней государствах явно свидетельствовали о том, что она не сокращает своей активности. В марте 1924 г. Дж. Крирар, глава Департамента внутренних дел британской администрации Индии, сообщал о советской пропаганде в своей телеграмме в Министерство по делам Индии со ссылкой на предыдущие свои донесения за январь–февраль текущего года. Он, в частности, отмечал, что «объяснением решения [советского руководства] прикладывать большие усилия и вкладывать больше в Восток является то, что 23 ноября 1923 г. коммунизм в Германии был разгромлен и поэтому русские решили не прикладывать больше энергии и активности в кампанию в этой стране»¹². В связи с этим делалась рекомендация поставить британскую администрацию в известность об угрозе усиления большевистской пропаганды в ближайшем будущем и сообщалось о наличии у Генерального штаба британских сил в Индии «информации, подтверждающей это утверждение»¹³. Параллельно с этим процессом советского проникновения на «британский» Восток и в страны, граничившие с британскими индийскими владениями, развивался и другой — усиление повстанческого антисоветского движения в советской Средней Азии, носившее локальный, но от этого не менее тревожный для советского руководства характер. В этой связи британская сторона обращала внимание на происходившее в советском приграничье как со стороны Персии, Афганистана и Кашгара, так и непосредственно с северо-западной границы Индии, прилегающей к Афганистану. В свою очередь глава британской миссии в Москве Р. Ходжсон информировал 30 апреля 1924 г. Форин Офис о том, что советская пресса сообщала о распространившемся из Афганистана в направлении Бухары движении, являвшемся «результатом интриг, финансируемых и поддерживаемых британскими агентами». Более того,

¹¹ Ibid. P. 21.

¹² NAI. Repository II. PR_000003030874. Home_Political_NA_1924_NA_F-6Part-Iv. Bolshvik Oriental Propaganda. Home Political. 1924. P. 7.

¹³ Ibid. P. 8.

Фрагмент издания «Бухарская жизнь» с упоминанием Полномочного Представителя Бухарской Народной Советской Республики Абдурахима Юсуф-Заде

он ссылался на речь члена советского руководства Л. Троцкого, бывшего, помимо прочего, еще и наркомом по военным и морским делам СССР, в которой он «не желая ни в коей мере причинить вред переговорам, проходящим в Лондоне, сделал намеки в том же смысле». Серьезность происшедшего с точки зрения советских обвинений британской стороны в подрывной работе в условиях, когда между Британией и СССР продолжались переговоры по широкому комплексу вопросов, была чревата очередным обострением двусторонних отношений. Поэтому Ходжсон особо отмечал в своей телеграмме в Форин Офис, направленной уже 1 мая, что «повторяющиеся восстания в Афганистане и Бухаре приписываются большевистской прессой британским махинациям». С целью прояснить ситуацию глава британской миссии обратился 31 апреля, как он сам об этом сообщал, «к афганскому министру» Мохаммаду Хашему, относительно соответствия публиковавшейся советской прессой информации подлинному положению дел. Хашем, сославшись на полученную из Кабула телеграмму, сообщил Ходжсону, что «за исключением небольшого восстания, ограниченного одним местом, нет никаких восстаний, соответствующих большевистским сообщениям». Одновременно афганский посол выдвинул предположение, что подобная информация

«создается в Москве», но в то же время заявил, что прибывший недавно из Бухары курьер сообщил (без каких-либо деталей) о развивавшемся там «вооруженном конфликте»¹⁴. Интерпретация событий в Афганистане, данная Хашемом, в действительности, судя по всему, была призвана минимизировать характер происходившего в тот момент на афганском юго-востоке, где в марте 1924 г. началось восстание пуштунских племен мангал на границе с британской Индией. О серьезности этих событий свидетельствовал факт обращения афганского правителя Аманулла-хана за военной помощью к СССР, который не только оказал ее, но осенью того же года предоставил самолеты, управляемые советскими летчиками, для нанесения бомбовых ударов по восставшим. Одновременно активизировалась советская разведка (как Иностранный отдел ОГПУ, так и военная)¹⁵. Примечательным на этом фоне было сделанное Ходжсону еще ранее заверение Хашема о том, что «несмотря на то, что он был назначен послом в Москве», все его устремления были направлены в пользу тесного союза в Великобритании» и «он считал подрывную политику Советского правительства угрозой для обеих стран, и считает, что совместные усилия должны быть направлены на ее устранение». В определенной степени это было отражением проводившейся Аманулла-ханом политики, направленной на более тесные отношения с Британией, несмотря на его доверительные связи с Москвой¹⁶. Сам британский дипломат полагал, что это могло бы помочь ему в его взаимоотношениях с Хашемом, «если бы он [Ходжсон] смог получать любую информацию, имеющуюся в распоряжении Министерства по делам Индии (Indian Office)...»¹⁷. В приложении к телеграмме глава британской миссии направлял перевод статьи под названием «Интриги англичан в Бухаре» из «Рабочей газеты» от 30 апреля 1924 г.¹⁸ Одновременно по линии военной разведки британская сторона пыталась выяснить детали происходившего в советской Центральной Азии с учетом вероятных действий

¹⁴ NAI. Repository II. PR_000003030858. Home_Political_NA_1924_NA_F-126Part-Ii. Remain Inability Activities Bokhara. Secretary of State. Home Political. P. 24.

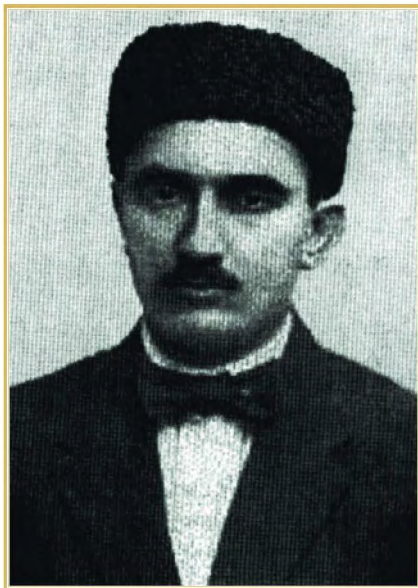
¹⁵ Подробнее об этом в: *Агабеков Г.С.* ЧК за работой. М.: Ассоциация «Книга. Просвещение. Милосердие», 1992.

¹⁶ Проявлением такого курса стало награждение британского посла в Афганистане сэра Фрэнсиса Хамфриса вторым по значимости в иерархии государственных наград страны орденом Сардар-и-Али (эквивалента награды орден Рыцарь-командор Второго класса, который существовал в ряде европейских стран).

¹⁷ NAI. Repository II. PR_000003030858. Home_Political_NA_1924_NA_F-126Part-Ii. Remain Inability Activities Bokhara. Secretary of State. Home Political. P. 24.

¹⁸ Ibid. P. 25.

Г.А. Априсов

повстанческих групп. Однако британский военный атташе в персидском городе Мешхед майор Д. Томпсон, являвшийся главой резидентуры военной разведки в области Хорасан, сообщал 7 мая 1924 г. начальнику Генерального штаба вооруженных сил британской Индии генералу Дж. Клоду о том, что не «смог получить подтверждений сообщения Рейтер из Риги относительно революции в Туркестане». Со ссылкой на Г. Априсова (временного поверенного СССР в Персии и одновременно резидента Иностранного отдела ОГПУ и консула в Мешхеде) майор отмечал, что ничего подобного не происходит, а персидские военные власти ожидают получения сведений из прикордонья с СССР и в случае развития событий он телеграфирует о них¹⁹.

9 мая Ходжсон вновь сообщал в Форин Офис об освещении в советской прессе ситуации, складывавшейся на «бухарском направлении», и прилагал к своей телеграмме перевод интервью Полномочного Представителя Бухарской Народной Советской Республики Абдурахима Юсуф-заде²⁰, данное им, как отмечал британский представитель, газете

¹⁹ Ibid. P. 10.

²⁰ Ibid. P. 18. В тексте телеграммы он значится как «Юсуп Заде, представитель Бухары в Москве». С конца 1920 г. по начало 1921 г. А. Юсуф-заде являлся Генконсулом в Афганистане. Бухарская Народная Советская Республика (БНСР) была провозглашена 8 октября 1920 г. после падения Эмирата Бухары (Бухарского эмирата). 19 сентября 1924 г. она была переименована в Бухарскую Советскую Социалистическую Республику (БССР), а 27 октября 1924 г. — ликвидирована в процессе создания советских республик в Центральной Азии.

«Известия» и опубликованное ею 7 мая 1924 г.²¹ Как следовало из текста публикации, интервью было обусловлено сообщениями «о контрреволюционной деятельности бухарских эмигрантов, возглавляемых эмиром», в связи с чем представитель БНСР заявил о стремлении эмигрантов вернуться в Бухару и восстановить прежний режим и об их «отчетливом понимании неосуществимости этих устремлений, как и англичанами, которые стоят за ними». В тексте материала особо отмечались сообщения о поддержке этого, характеризуемого как контрреволюционное, движения «из того же источника, что и восстание в Афганистане», в связи с чем Юсуф-заде заявил, что «англичане делают все возможное для того, чтобы народы Средней Азии поднялись против них. Англичане всегда были непримиримыми врагами бухарцев и всех мусульман». В продолжение этого утверждения представитель БНСР обращал особое внимание на ненависть в отношении англичан в этой связи со стороны бухарцев и сообщил о том, что матери учат детей ненавидеть англичан²².

На фоне нестабильной, как становилось ясно, ситуации в ряде районов советской Центральной Азии любая информация о действиях советского руководства представляла для британской стороны большой интерес, тем более если речь шла о масштабных внутривнутриполитических изменениях, планировавшихся Москвой. Поэтому телеграмма, направленная 20 мая 1924 г. Ходжсоном в Форин Офис, приобретала особую важность. Он сообщал в ней о том, что советское правительство серьезно рассматривает планы административно-территориального переустройства в Центральной Азии, в соответствии с которым Туркестанская АССР должна была быть объединена с Бухарской НСР со столицей в Самарканде и названа Узбекской Республикой. Хорезмская ССР, как стало известно британскому дипломату, должна была стать больше, включить Закаспий и называться Туркменской Республикой со столицей в Хиве²³. Одновременно он сообщал о мнении посла Турции в Москве Мухтар-бея относительно этих планов. Последний, по словам британца, заявил, что в Анкаре «с большим интересом следят за этим». Сам посол полагал, что советское правительство преуспеет

²¹ В № 102(2137) «Известий» от 7 мая 1924 г., а также в последующих выпусках данной газеты вплоть до 9 мая 1924 г. включительно такой материал не был опубликован. Вероятно, речь идет о каком-то более раннем выпуске издания или другой советской газете.

²² Ibid. P. 19.

²³ Ibid. P. 27.

Ахмет Мухтар-бей

в реализации этого плана и что «не только коммунисты в Центральной Азии выступают в его пользу, но и многие националисты-мусульмане». Первые, как считал дипломат, рассчитывают, что новые республики усилят федерацию, а вторые предвидят «возможность усиления своих позиций с помощью предполагаемого слияния и использование этого в определенное время с целью свержения ига Москвы и победы национальной независимости». По мнению Ходжсона, турецкий посол «очевидно, надеется, что последнее будет воплощено»²⁴. Более того, Мухтар-бей считал, что даже в случае победы советской пропаганды среди мусульман, что было вряд ли возможно, по его мнению, «националистические настроения местного населения... достаточно сильны, чтобы быть уверенным, что они никогда добровольно не подчинятся русскому господству»²⁵.

Тема административного этнотерриториального размежевания в Центральной Азии привлекала пристальное внимание британской

²⁴ Ibid. P. 27. О взглядах посла Турецкой Республики в СССР Мухтар-бея и его отношении к СССР свидетельствует отрывок из переписки М. Расулзаде с А. Топчибаши, в которой первый сообщает 20 ноября 1924 г.: «На днях приехал из Москвы турецкий посол Мухтар-бей. Его впечатление таково: дни большевиков сочтены, учреждения работают в убыток, новый крах России неизбежен. Он обещал со своей стороны оказать возможное содействие нашему делу». Язублу Н. Энциклопедия Мухаммеда Эмина Расулзаде. М.: ООО ИПЦ «Маска», 2015. С. 29.

²⁵ NAI. Repository II. PR_000003030858. Home_Political_NA_1924_NA_F-126Part-li. Remain Inability Activities Bokhara. Secretary of State. Home Political. P. 27.

стороны. Обращаясь к ней в телеграмме, направленной 22 мая 1924 г. главе Форин Офиса из Москвы, ставший временным поверенным после установления дипломатических отношений между СССР и Британией Ходжсон ссылался на свое предыдущее сообщение от 20 мая по этой проблеме, информировал о том, что проект размежевания в Центральной Азии рассматривался недавно на чрезвычайной сессии ЦИК Туркестана и был одобрен. Как отмечал дипломат, в заявлении ЦИК «проводил черту между свободой, которой пользуются республики, вошедшие в Советский Союз, с рабским положением в отношении европейского империализма, за которым плетутся Индия, Китай, Египет и Персия, и заявлял о мудрости новой меры как “хоронящей окончательно все уцелевшие остатки запутанных национальных и правовых отношений, оставшихся в наследство от колониальной и порабощающей политики царизма”». В соответствии с полученной Ходжсоном информацией в результате размежевания создавались Узбекская республика (Узбекистан), в которую включалось узбекское население Туркестанской республики и Бухары; Туркменская республика (Туркменистан) с туркменским населением бывшей Закаспийской области, Бухары и Хорезма; казацко-киргизское население²⁶, проживавшее в северной части Туркестана в Сырдарьинской области и на границе с Киргизской республикой, должно было быть включено в нее; создававшаяся кара-киргизская область должна была составлять часть, входящую в РСФСР; таджикская автономная область должна была стать частью Узбекской республики. Предусматривалось создание среднеазиатского экономического совета для решения вопросов, возникавших между новыми государственно-административными образованиями²⁷. Эти изменения были в центре внимания и соседних государств, поэтому британский дипломат обращал внимание на мнение персидского поверенного в делах в Москве, заявившего о том, что предпринятые изменения имеют «гораздо более

²⁶ В зарубежной, как и в русской этнологической традиции, этноним «киргизы» применялся для обозначения казахов, а этноним «каракиргизы» в отношении кыргызов. Первоначально носившая название Киргизская ССР затем была переименована в Казахскую ССР. В данном случае не исключено, что Ходжсон мог иметь в виду так же, но реже использовавшийся в отношении казахов этноним «киргиз-казаки», разделив его на два — казаков и киргизов, не исключено, что в данном случае он мог ассоциировать казахов с казаками, а киргизами называл кыргызов (что было исключительной редкостью для того времени), так как указанный им район на севере Туркестана и Сырдарьинская область были ареалом расселения этих народов.

²⁷ NAI. Repository II. PR_000003030858. Home_Political_NA_1924_NA_F-126Part-Ii. Remain Inability Activities Bokhara. Secretary of State. Home Political. P. 68.

Фрагмент издания «Бухарская жизнь» с номенклатурой товаров и сырья из БНСР

глубокое значение, чем это кажется. Советское правительство в этом деле, как и в других, преследует те же цели, что и царский режим другими методами». В этой связи, как сообщал Ходжсон, его персидский собеседник заявлял, «так же как автономная Молдавская Республика предназначена для того, чтобы привлечь в советскую орбиту всех молдаван, живущих на румынской территории, точно так же в данном случае создание Туркменской Республики является завуалированным наступлением на Персию, туркменское население которой может, как считается, быть соблазнено предпочесть своему нынешнему положению союзом с автономными туркменами [Туркменской ССР] под советским управлением»²⁸.

Для британской стороны процесс государственного строительства на советском Востоке имел стратегическое значение, так как часть создаваемых республик граничила с Персией и Афганистаном, тесно связанными с британской Индией и представлявшими оборонный интерес. Именно поэтому обращалось внимание на характер происходивших там процессов, а в условиях развивавшегося «согласования» будущих британо-советских договоров ситуация на советском Восто-

²⁸ Ibid. P. 69.

ке выступала своего рода фоном двусторонних отношений, способным серьезно повлиять на результаты переговоров. Информации британского представителя в Москве придавалось большое значение, и он регулярно направлял ее в Лондон. Буквально на следующий день после уже упоминавшегося сообщения, 21 мая 1924 г. Ходжсон направил очередную телеграмму в Форин Офис, в которой писал о том, что «сегодня [21 мая] советская пресса публикует то, что претендует быть телеграммой РОСТА²⁹ из Ташкента, утверждающей, что британцы подстрекают в Афганистане контрреволюционное вторжение. Бывший эмир с помощью британских субсидий и покровительства, как сообщается, сосредотачивается в Хайрабаде; британцы оказывают влияние на эмира Афганистана с тем, чтобы он поддержал движение, возлагая надежду на компенсации в форме территориальных приобретений за счет Бухары»³⁰. В свою очередь Форин Офис направил 31 мая Ходжсону телеграмму, в которой со ссылкой на его сообщение от 1 мая о восстании в Туркестане и Афганистане информировал главу британской миссии о том, что «Правительство Его Величества не обладает дальнейшей информацией по поводу восстания в первой из стран [Туркестане]»³¹.

На этом фоне вполне определенно начинала рассматриваться информация, получаемая от британского военного атташе в Мешхеде майора Д. Томпсона, который передавал ее в Генеральный штаб британских войск в Индии, о ситуации, складывавшейся на сопредельной советской территории. 12 июня он сообщал о разворачивавшейся в Бухаре мобилизации «русских и мусульман», а также о том, что «в районах Самарканда и Ташкента были мобилизованы только русские», а возраст призывников составил от 18 до 32 лет. Он также сообщал о крупном усилении Кушки и Термеза и прибытии в советский Туркестан войск с Кавказа и центральной части СССР. Примечательным в данной связи фактом, отмеченным майором, была активная антиафганская пропаганда во всем Закаспии и Бухаре. Более того, со ссылкой на сообщения, поступавшие в Мешхед, британский военный атташе сообщал в Симу о том, что по этим данным «русские предпринимают усилия по продвижению идеи создания республики в Северном Афганистане»³². Подобное развитие событий могло рассматриваться как подготовка к активным боевым дей-

²⁹ Российское телеграфное агентство.

³⁰ NAI. Repository II. PR_000003030858. Home_Political_NA_1924_NA_F-126Part-Ii. Remain Inability Activities Bokhara. Secretary of State. Home Political. P. 30.

³¹ Ibid. P. 27.

³² Ibid. P. 20.

Артур Макманус

ствиям Красной армии в непосредственной близости от границ британской Индии и серьезно повлиять в целом как на военно-политическую обстановку в регионе, так и на общественно-политическую ситуацию не только в самом Афганистане, но также и соседней Персии, а также непосредственно в самой Индии. При этом «афганский фактор» вновь усиливал свое значение в существовавшей в регионе расстановке сил. Поэтому телеграмма Томпсона, направленная 13 июня 1924 г. в Симлу, представляла для Генерального штаба в Индии особый интерес, так как содержала хотя и не точные, что отмечал сам майор, но все-таки данные о численности советских сил, составлявших по приблизительным подсчетам 16 тыс. 400 чел. в Ташкенте и Самарканде, 3 тыс. чел. в Хиве, 1 тыс. чел. в Фергане, около 40 тыс. в районе Бухары, включая Каган, Керки и ряд других населенных пунктов, 5 тыс. чел. в Термезе и 6 тыс. 500 чел. в Кушке. При этом, что было особенно важно в случае проведения советской стороной операций на южном направлении, военный атташе обращал внимание на полную непригодность железнодорожных путей для интенсивных перевозок войск, а их доставка из Бухары в Керки и Термез осуществлялась водным транспортом³³. При этом, что было важно с точки зрения определения советских намерений, военному атташе стало известно, с одной стороны, об отсутствии концентрации транспорта, а с другой — о прибытии больших объемов продовольствия

---

³³ Ibid.

в Каган. Полученная Томпсоном информация о проведенных в Ташкенте и Самарканде 1 июня антиафганских демонстрациях, а также сообщения о том, что «отношение русских к Афганистану полностью враждебное»³⁴, лишь усиливало ожидание вероятных действий советской стороны. Подтверждением существования таких планов могли стать сведения, добытые на сопредельной советской территории агентурой британского военного атташе в Мешхеде, в соответствии с которыми, как он сообщал 16 июня в Симлу, «Бухара обратилась с настоятельной просьбой к Москве о предоставлении финансов для ремонта железной дороги. Бухарское правительство заявляет, что в случае неполучения немедленно средств в ближайшем будущем оно не будет нести ответственности за железную дорогу»³⁵. Информация майора Томпсона об усилении советских сил в Туркестане подтверждалась его коллегой — британским военным атташе в Тегеране У.А.К. Фрэйзер, который направил 17 июня 1924 г. телеграмму в Генеральный штаб британских сил в Индии о том, что «получены надежные данные о направляемых в Туркестан 8 тыс. русских войск, которые разместились 27 апреля в Красноводске»³⁶. Внимание как британских дипломатических представителей и сотрудников, так и ряда их зарубежных коллег усилилось, прежде всего, с учетом поступавших не очень ясных сообщений о происходивших там локальных боевых действиях, а также обвинений в адрес Британии в поддержке местных противников советской власти. Находившийся в Кабуле британский военный атташе майор А.Н.И. Лилли в ответ на запрос Генерального штаба британских сил в Индии относительно ситуации в советском Туркестане информировал Симлу о том, что ни один из его контактов — ни итальянский солдат, обучавшийся в России и находившийся ныне на службе афганского правительства, имевший устойчивые связи с советским посольством, ни французский военный атташе, «который через Фуко³⁷ в Балхе находится в контакте с северной границей», ничего не слышали о том, что сообщал в своей телеграмме 12 июня военный атташе в Мешхеде майор Д. Томпсон³⁸, т.е. о мобилизации в Бухаре. В то же время Лилли

---

³⁴ Ibid. P. 21.

³⁵ Ibid.

³⁶ Ibid. P. 22.

³⁷ Имелся в виду французский археолог, ориенталист, специалист по буддизму Альфред Фуко, находившийся в тот момент на археологических раскопках в афганской провинции Балх.

³⁸ NAI. Repository II. PR_000003030858. Home_Political_NA_1924_NA_F-126Part-Ii. Remain Inability Activities Bokhara. Secretary of State. Home Political. P. 26.

обращал внимание в своем сообщении на интерес, проявленный турецким послом в Кабуле, обратившимся к британскому атташе с вопросом о том, есть ли у последнего «информация по поводу слухов о возобновлении повстанческого движения в Туркестане»³⁹. Лилли ссылался на мнение турецкого дипломата, считавшего, что «любая подобная русская мобилизация в Туркестане означала бы подобное возобновление и не была бы предпринята в пропагандистских целях». Такая уверенность базировалась, как отмечал Лилли, на мнении турецкого представителя о том, что «русские войска нужны в направлении Бессарабии», а сам этот дипломат, о чем писал атташе, «откровенно намекал на протуранистские устремления Анкары в Туркестане и осуждал русскую политику в этом регионе». Более того, посол обещал держать британца в курсе событий в случае получения информации, но, как сообщал Лилли, «ни он, ни афганское правительство, ни бывший эмир Бухары не имели никаких новостей относительно русской мобилизации с момента перемещения двух дивизий несколько недель назад с Кавказа в Туркестан»⁴⁰.

Продолжавшая для британской стороны оставаться неясной ситуация в советской Центральной Азии требовала прояснения, и британские дипломатические, а также разведывательные службы стремились выяснить истинное положение дел. В этой связи информация британского Генерального консула в Кашгаре сэра К. Скрайна приобретала особое значение, так как этот район граничил с советским Туркестаном и активно использовался для получения разведсведений с сопредельной территории. В специальном пространном сообщении «Приграничная ситуация и советская деятельность в Синьцзяне», направленном Скрайном в Иностранный и Политический отдел британской администрации Индии 19 июня 1924 г., в разделе «Фергана», во-первых, отмечалось, что сообщения британской газеты «The Times» из Риги о восстании в Фергане и Семиречье, а также о перевороте в Туркестане и победе повстанцев, которые якобы перебили много коммунистов, не подтверждались из проверяемых источников и выглядят как антибольшевистская пропаганда, в связи с чем, как отмечал Скрайн, они не передавались британской администрации Индии. Во-вторых, автор телеграммы высказывал предположение о том, что подобные слухи были, судя по всему, отражением ряда событий, а именно: разногласий в среде партийного руководства в Ташкенте, которые, «как говорят, привели к казни ряда коммунистов

---

³⁹ Ibid.

⁴⁰ Ibid.

в апреле»; «успехов Джунаид-хана в Хиве и выражения симпатии к возобновившейся деятельности басмачей в окрестностях Бухары и Самарканда»; «религиозно-политической кампании, организованной партией Улема⁴¹ против туркестанского Совета»⁴². Касаясь экономической ситуации, британский Генеральный консул отмечал, что предпосылок для повстанческого движения фактически нет и агитация против советской власти в основном ограничивается, во-первых, деятельностью партии Улема и, во-вторых, активностью нескольких выживших руководителей басмачей в горах, а также их сторонников⁴³. При этом он затруднялся определить степень взаимодействия двух этих групп. В этой связи особое внимание Скрайн обращал на действия турецких учреждений в Бухаре и Фергане⁴⁴. Примечательным был сделанный им вывод о том, что советские власти Туркестана не слишком обеспокоены распространением повстанческого движения в Бухаре и Хиве, о чем свидетельствовало сокращение воинского контингента в Закаспии до 30 тыс. человек⁴⁵.

«Азиатский фон» становления британо-советских отношений явно свидетельствовал о продолжавшем существовать их конфликтном потенциале. Более того, ставка на революционные действия на Востоке, делавшаяся открыто Третьим интернационалом, находившимся под советским контролем, и проводившаяся советским руководством негласная политика в государствах, граничивших с британской Индией, как и в ней самой, продолжала сочетаться с поддержкой компартий в странах Западной Европы, где они во многом выполняли функции сил влияния на ситуацию в соответствующих странах. Для Британии, где у власти находилось лейбористское правительство, нередко характеризовавшееся его оппонентами как со стороны Консервативной партии, так и Либеральной как социалистическое, этот вопрос приобретал довольно серьезное значение, так как затрагивал широкий комплекс социально-экономических и политических вопросов. Налаживание отношений с СССР было сопряжено в данном контексте с необходи-

---

⁴¹ Шура-и-Улема (араб. Совет духовенства) — общественно-политическое объединение, созданное в русском Туркестане в 1917 г. представителями духовенства и общественными деятелями из средних слоев местного общества. Выступала с консервативных позиций, за отделение Туркестана от России, постепенно дрейфуя в сторону радикального политического ислама. Впоследствии многие ее члены участвовали в басмаческом движении.

⁴² Ibid. P. 33.

⁴³ Ibid.

⁴⁴ Ibid. P. 34.

⁴⁵ Ibid. P. 35.

Фрагмент издания «Бухарская жизнь» с информацией о кооперации БНСР с российскими фабриками

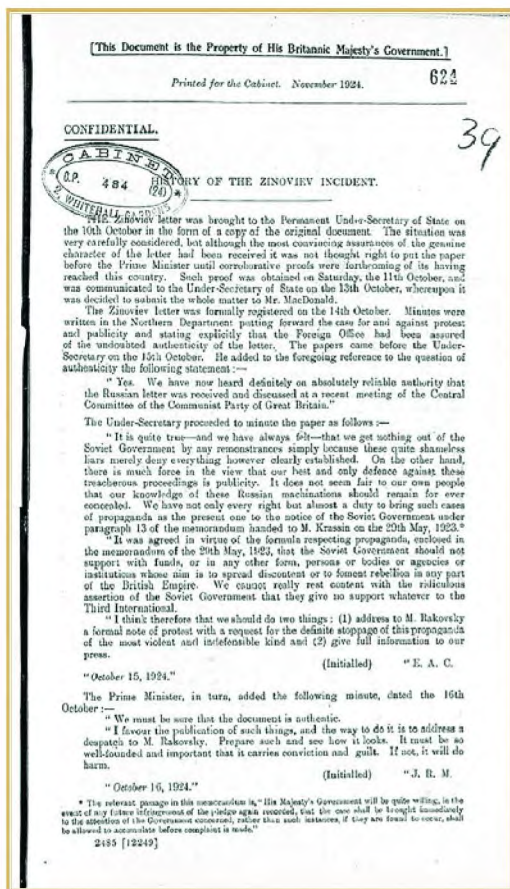
мостью, во-первых, продемонстрировать для британской и британских политических кругов, а также бизнес-сообщества последовательность в отстаивании британских интересов; во-вторых, не допускать излишней публичности имевшихся разногласий при переговорах с советской стороной и особенно в вопросах, связанных с противоборством двух стран на восточном направлении; в-третьих, минимизировать достаточно агрессивный характер полуофициальной советской пропаганды против правительства Махдональда, так как это могло повлиять на позицию британских профсоюзов, где были сильны позиции левых. Поэтому появление в органе британской компартии «The Workers' Weekly» 25 июля 1924 г. анонимной статьи, имевшей форму открытого письма, лишь приблизило развязку в противостоянии лейбористов и их оппонентов, прежде всего консерваторов, которых поддерживали либералы. В материале фактически содержался призыв к активным действиям, которые при определенных условиях могли перерасти в гражданскую войну, и заявлялось: «Солдаты, моряки, летчики, плоть от нашей плоти, Коммунистическая партия призывает вас приступить к задаче не только организации пассивного сопротивления при объявлении войны или когда вы будете вовлечены в рабочий конфликт, но и к тому, чтобы

определенно и категорически было известно, что ни в классовой войне, ни в просто во время войны вы не повернете ваше оружие ваших товарищей-рабочих, а вместо этого вы построитесь в шеренгу вместе с вашими товарищами-рабочими в наступлении на эксплуататоров и капиталистов и будете использовать ваше оружие на стороне вашего собственного класса»⁴⁶. Идеологический посыл этого воззвания во многом отражал коминтерновские установки по вопросам, связанным со стратегией и тактикой действий компартий. В британских политических кругах эта публикация была расценена как призыв к восстанию и вызвала острую реакцию. Попытка лейбористов привлечь главного редактора газеты Дж. Кэмпбелла, которого обвинили в авторстве этого письма⁴⁷, к суду закончилась неудачей из-за поддержки его профсоюзами, с которыми правительство Макдональда не хотело обострения и без того напряженных отношений. Парламентская оппозиция в лице тори, которых поддержали либералы, лишняя раз убедилась в слабости лейбористского правительства меньшинства, обвинила его в покровительстве радикалов-коммунистов и вынесла ему вотум недоверия, что привело к назначению новых парламентских выборов. Происходящее имело серьезную перспективу повлиять на дальнейший ход британо-советских отношений в части, касавшейся подписания двумя сторонами двух документов — общего соглашения и торгового договора.

На заседании британского кабинета, 30 июля 1924 г. обсуждавшего детали заключения британо-советского договора, помимо отдельных статей, касавшихся финансовых вопросов, пристальное внимание было уделено 22-й статье проекта, в которой предусматривалось прекращение пропаганды со стороны СССР. В этой связи в примечании к документу отмечалось, что в означенной статье говорилось о «всех лицах и организациях под их непосредственным или опосредованным контролем», но не говорилось, считается ли Третий интернационал под их «прямым или опосредованным контролем» и поэтому парламентскому помощнику секретаря в Форин Офисе поручалось «сделать четкое заявление в подходящий момент о том, что Британское прави-

⁴⁶ An Open Letter to Fighting Forces // The Workers' Weekly newspaper. 25 July 1924.

⁴⁷ Широко распространенная до сих пор версия об авторстве Дж. Кэмпбелла была опровергнута с привлечением документальных доказательств Н.Д. Сайдириром в 1974 г., опубликовавшим специальную статью «Дело Кэмпбелла», в которой был назван настоящий автор открытого письма — член ЦК компартии Великобритании и один из руководителей Коминтерна Г. Поллит: *Siederer N.D. The Campbell Case // Journal of Contemporary History. Apr., 1974. Vol. 9. №. 2. P. 143–162.*

Фрагмент меморандума «История зинovieвского инцидента» от 11 ноября 1924 г. — TNA. CAB 24/168/87. *History of the Zinoviev Incident. Memorandum. Foreign Office*

тельство рассматривает Третий интернационал как находящийся под контролем Советского Союза»⁴⁸. Одновременно кабинетом было принято решение о том, что договор не будет заключен без консультаций с доминионами⁴⁹, что имело также особый смысл с учетом разворачивавшейся советской стороной деятельности на «периферии» Британской империи. После всех согласований 8 сентября 1924 г. общий и торговый договор были подписаны и ожидали ратификации обеими сторонами. Однако складывавшаяся ситуация была не в пользу лейбористского правительства, так как предстоявшие парламентские выборы могли повлиять как собственно на судьбу лейбористов, так и на двусторонние отношения Британии с СССР из-за усиливавшейся кри-

⁴⁸ TNA. CAB 23/48/19. Cabinet 44(24). Conclusions of the Meeting of the cabinet held at 10, Downing Street, S. W. 1, on Wednesday, July 30th 1924. P. 325.

⁴⁹ Ibid. P. 327.

Г.Е. Зиновьев

тики правительственной политики на советском направлении со стороны консерваторов, видевших в действиях Москвы стремление добиться выгодных для себя результатов, не прекращая антибританской активности. При этом «азиатская периферия» продолжала оставаться объектом особого внимания британской дипломатии и разведывательного сообщества.

Новый британский Генеральный консул в Кашгаре подполковник А. Лиалл в своей телеграмме «Ситуация в русском Туркестане» в Иностранный и Политический департамент британской администрации Индии сообщал 18 сентября со ссылкой на свой источник, который был в Ташкенте в течение нескольких недель, о том, что советский воинский контингент в Закаспии составляет 35–40 тыс. человек исключительно из Центральной России⁵⁰, при этом воинские контингенты, по сведениям Генконсула, постоянно перемещались с целью «не допустить деморализации в результате контактов с местным населением»⁵¹. Одновременно подполковник отмечал в своей телеграмме существование недовольства в войсках из-за неравенства в оплате командного и рядового состава, так как первые, по данным Генконсула, получали содержание в размере, эквивалентном 50–80 золотым рублям в месяц,

⁵⁰ NAI. Repository II. PR_000003030858. Home_Political_NA_1924_NA_F-126Part-Ii. Remain Inability Activities Bokhara. Secretary of State. Home Political. P. 62.

⁵¹ Ibid. P. 63.

в то время как содержание рядовых составляло эквивалент в 75 копеек золотом⁵². Важным с точки зрения определения перспектив развития ситуации был вывод подполковника о том, что «не существует никаких сомнений, что большевикам не удастся подорвать и окончательно уничтожить или радикально изменить ислам». Не меньшее значение имела информация о вероятных планах этнотерриториального размежевания, о которых, как сообщал Лиалл, много говорили в Туркестане, в частности о передаче «Ташкента киргизам и казакам, в то время как узбеки (т.е. сарты или тюрки) получали город Тамерлана (т.е. Самарканд)». При этом, по сведениям Генерального консула, «сартам в Ташкенте эта идея вообще не нравится, и они не хотят называться узбеками и относиться к Самарканду»⁵³.

Происходившие осенью в советской Средней Азии события свидетельствовали о подготовке властями серьезных изменений с точки зрения управления этим регионом и проводимой в нем политики. Это отмечалось и британским поверенным в делах Ходжсоном, сообщавшим в Форин Офис 27 сентября со ссылкой на предыдущую телеграмму о планировавшихся административно-территориальных изменениях. В частности, в соответствии с решением курултая в Бухаре название республики было изменено с Бухарской Народной Советской Республики на Советскую Социалистическую. Он приводил официальную советскую мотивировку этому, когда заявлялось, что данное изменение «являлось подготовкой к вхождению в качестве полноценного члена со всеми правами и обязанностями в семью народов, объединенных в Союзе Советских Социалистических Республик»⁵⁴. Одновременно Ходжсон приводил

⁵² Ibid. P. 63. В 1924 г. на территории СССР в ходу были рублевые бумажные банкноты золотого эквивалента, на которых была соответствующая надпись. Средняя зарплата составляла 40–60 руб.

⁵³ Ibid. P. 64. Сарты как этнорегиональная группа до сих пор являются предметом научных дискуссий. Существует несколько версий, в соответствии с которыми это: 1) проживающие в городах оседлые узбеки и равнинные таджики ряда мест Центральной Азии; 2) таджики, населявшие Хорезм, жители городов Коканд и Бухара; 3) частично тюркизированные и сохранившие частично фарсоязычность потомки древних хорезмийцев; 4) таджики и фарсоязычные узбеки; 5) этнолингвистическая группа в ряде районов Центральной Азии, имеющая свои антропологические особенности и говорящая на тюркском диалекте (сарт тили); 6) культурно-хозяйственная группа оседлого населения ряда мест центральноазиатского региона. В сообщении Ходжсона отчетливо проявился этот дискуссионный аспект принадлежности сартов. Их наибольшее число, по переписи, проводившейся в Российской империи, проживало в Ферганской (788 тыс. 989 человек) и Сырдарьинской (144 тыс. 275 человек) областях.

⁵⁴ Ibid. P. 70.

отрывок из публикации советской газеты «Известия», в котором говорилось о решимости бухарцев связать свою судьбу с СССР и что теперь Бухара граничит «без всяких коридоров» с Индией и с Китаем⁵⁵.

В самой Британии шла активная подготовка к выборам, в ходе которой обострилась политическая борьба между сторонниками и противниками лейбористов. В субботу 25 октября 1924 г., за четыре дня до парламентских выборов, правоконсервативная популярная газета «The Daily Mail» опубликовала под заголовком «Гражданская война социалистических хозяев» текст некоего письма председателя Исполкома Коминтерна Г. Зиновьева главе компартии Британии А. Макманусу от 15 сентября. В нем содержался фактически план активных революционных насильственных действий накануне и в период предстоявших парламентских выборов. Имея в виду проводившийся правительством Макдональда курс на установление отношений с СССР, а также планировавшиеся многомиллионные займы Москве, сам факт появления такого документа был способен серьезно повлиять не только на судьбу Лейбористской партии и лично премьера, но и на весь комплекс двусторонних советско-британских отношений. С самого начала существовали подозрения в подлинности документа, тем не менее Форин Офис направил советскому полномочному представителю Х. Раковскому соответствующую ноту, на которую последний ответил, отвергнув опубликованный документ как фальшивку⁵⁶.

Поражение лейбористов на парламентских выборах, проходивших 29 октября 1924 г. и приведших к власти Консервативную партию во главе со С. Болдуином — сторонником «жесткой линии» в отношении СССР, повлияло на взаимоотношения Лондона с Москвой. Во-первых, подписанные ранее договоры не были ратифицированы, во-вторых, новое правительство достаточно подозрительно относилось к действиям советской стороны на международной арене, включая «азиатскую периферию». Активность СССР на Востоке давала британцам серьезные основания считать, что предыдущие заявления о прекращении враждебной деятельности в отношении Великобритании мало соответствовали реальности, тем более что последовательно и на протяжении всего

⁵⁵ Ibid.

⁵⁶ Первая подробная публикация по данному вопросу в: Антисоветские подлоги: история фальшивок, факсимиле и комментарии. М.: Издание Литиздата НКВД, 1926. С. 43–79. Впоследствии было окончательно доказано, что «письмо Зиновьева» являлось подделкой. Bennett G. The Zinoviev Letter of 1924: «A most extraordinary and mysterious business» // History Notes. 1999. Issue 14. P. 143–162.

1924 г. британские гражданские и военные представители в Афганистане, а также консулы как в северных районах Персии, так и в ее южных областях Фарс и Керман фиксировали советскую разведывательную и политическую активность и определяли характер и степень влияния советских официальных представителей, большая часть которых была связана с разведывательными структурами СССР, на внутривнутриполитические процессы как на региональном, так и общенациональном уровне⁵⁷. В новых «постлейбористских» условиях развитие двусторонних отношений складывалось с учетом политики обеих стран на азиатском направлении и, в частности, в советской Центральной Азии, Афганистане, Персии и британской Индии.

⁵⁷ File 299/1918 Pt 4 'PERSIA: situation in Fars and Kerman' [366r] (736/894), British Library: India Office Records and Private Papers, IOR/L/PS/10/730, in Qatar Digital Library <https://www.qdl.qa/archive/81055/vdc_100092149623.0x000089>; <https://www.qdl.qa/archive/81055/vdc_100092149623.0x00008b>; <https://www.qdl.qa/archive/81055/vdc_100092149623.0x00008d>; <https://www.qdl.qa/archive/81055/vdc_100092149623.0x00008f> [accessed 28 October 2021].

REFERENCES

1. *Agabekov G.S.* Cheka at work [CHK za rabotoy]. Assotsiatsiya «Kniga. Prosveshcheniye. Miloserdniye», Moscow, 1992.
2. *Anti-Soviet Forgeries: A History of Forgeries, Facsimiles and Comments [Antisovetskiye podlogi: istoriya fal'shivok, faksimile i kommentarii].* Izdaniye Litizdata NKID, Moscow, 1926.
3. *Bennett G.* The Zinoviev Letter of 1924: «A most extraordinary and mysterious business» // *History Notes.* 1999. Issue 14.
4. *Murphy J.T.* The Labour Government – What We Must Do // *The Workers' Weekly,* February 15, 1924.
5. *Sergeev E.Yu.* The Bolsheviks and the British. Soviet-British relations, 1918–1924: from intervention to recognition [Bol'sheviki i anglichane. Sovetsko-britanskiye otnosheniya, 1918–1924 gg.: ot interventsii k priznaniyu]. Nauka, Saint-Petersburg, 2019.
6. *Siederer N.D.* The Campbell Case // *Journal of Contemporary History.* 1974. Vol. 9. №. 2. P. 143–162.
7. *Ulunyan Ar.A.* Turkestan bridgehead. 1917–1922: British Intelligence Community and British Government [Turkestanskiy platsdarm. 1917–1922: Britanskoye razvedyvatel'noye soobshchestvo i britanskoye pravitel'stvo]. URSS, Moscow. 2019.
8. *Yagublu N.* Encyclopedia of Mohammed Emin Rasulzade [Entsiklopediya Mukhammeda Emina Rasulzade]. OOO IPC «Mask», Moscow. 2015.

Ключевые слова:

Великобритания, Афганистан, Персия, Р. Мақдональд, Р. Ходжсон

Arutyun A. Ulunyan

«ASIAN BACKSTAGE DIPLOMACY» IN BUILDING BRIDGES BETWEEN THE USSR AND GREAT BRITAIN IN 1924

The study examines the role of the Asian periphery in the establishment of diplomatic relations between the USSR and Great Britain in 1924. British archival documents suggest that the United Kingdom regarded Soviet activities in countries bordering British India as extremely important. At the same time, the British foreign office and intelligence were paying close attention to the situation that was unfolding in Soviet Central Asia, trying to assess its impact on the British standing in the region, as well as the possible Soviet expansion eastwards into the neighboring countries. The article concludes that MacDonald's Labour government wanted to avoid confrontation with the USSR in order to attain its main goal – signing and ratifying agreements with the Soviet state, despite it being rather active near the borders of India. The author cites documents and assessments by British diplomats and military officers. These sources cover both Soviet actions in Central Asia itself, where the USSR leadership was beginning to pursue a new national and territorial policy, as well as in the countries bordering that region.

Keywords: Great Britain, Afghanistan, Persia, Ramsay MacDonald, Robert Hodgson.

Arutyun A. Ulunyan – D. Sc. (History), Chief Researcher at Russian Academy of Science, Word History Institute.

 Улунян Артем Акопович

доктор исторических наук, главный научный сотрудник
Института всеобщей истории РАН

DOI: 10.35549/HR.2022.2021.38.001

С.П. Брюн

ФРАНКИ «ЗАМОРСКОЙ ЗЕМЛИ» И ИХ ЗАПАДНЫЕ СОБРАТЬЯ:

История конфликта на примере римской экспансии
в княжестве Антиохийском и графстве Триполи
(1230–1280-е гг.).

историографии Крестовых походов одной из фундаментальных тем остается история политического и культурного противостояния между западными крестоносцами и теми «франками», кто был рожден — часто от смешанных браков — в государствах «Заморской земли» (Outremer), созданных после Первого Крестового похода. Тема этого противостояния появляется еще в труде «отца историографии Крестовых походов» Ж.-Ф. Мишо и развивается в последующем корпусе трудов, от Шлюмберже и Куглера до классической «Истории Крестовых походов» сэра Стивена Рансимена и плеяды современных исследований и публикаций (как научных, так и научно-популярных)¹. Идея политического и культурного противостояния рожденных на Востоке (и следовательно — в той или иной степени инкорпорированных в жизнь ближневосточного региона) франков «Заморской земли» и полукро-

¹ Michaud J.-F. Histoire des Croisades (Istoriya krestovyh pohodov). Moscow: Astrel', 2013; Schlumberger G. Renaud de Châtillon — Prince D'Antioche, Seigneur de la Terre D'Outre-Jourdain. Paris, 1898; Kugler B. The History of the Crusades (Istoriya krestovyh pohodov). Moscow: Feniks, 1996; Runciman S. A History of the Crusades. Vol. I–III. Cambridge, 1951–1954.

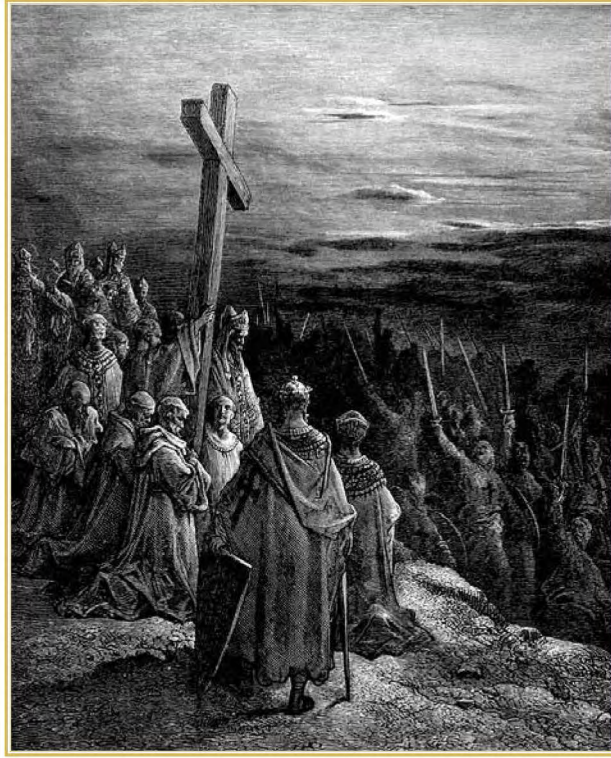

Иллюстрация к «Истории крестовых походов» Ж.-Ф. Мишо. Худ. Гюстав Доре

вок «пулланов» с чуждыми Леванту западными крестоносцами/палли-
 гримами, прибывавшими для войны с «неверными», кажется вполне
 естественной и безусловно имеет под собой определенные основания.
 Источниковой базой для развития данной проблематики стал корпус
 латинских и старофранцузских текстов, сохранивших следы презри-
 тельного отношения западных крестоносцев и авторов к франкам «За-
 морской земли» (Outremer). Жак де Витри, став епископом Акры, не
 жалел чернил, порицая нравы своей левантйской паствы, т.е. франков
 Латинского Востока, особо сосредоточиваясь на погрязших в восточ-
 ных нравах и роскоши «пулланах», т.е. полукровках: «вскормленные
 в наслаждениях, мягкие и женоподобные, привыкшие к баням более,
 чем к битвам, преданные всякой нечистоте и роскоши, носили, подоб-
 но женщинам, волнующееся одеяние и были украшены, как храмы»².
 Можно вспомнить и то, как характеризуют Балиана Ибелина, сира На-
 блуса и «защитника Иерусалима» (возглавлявшего героическую оборо-
 ну Святого Града от армии Салах ад-Дина осенью 1187 г.) западные авто-

² Jacobi de Vitriaco libri duo, quorum prior Orientalis sive Hierosolymitanae, alter Occidentalis Historiae nomine inscribuntur. Douai, 1597. С. 73. Р. 134.

ры: Амбруаз приводит особо яркую аллюзию, говоря, что старый барон был «живее черта»³. Однако при всем богатстве материала и внешней «стройности» концепта о противостоянии крестоносцев «первого поколения» и рожденных на Востоке франков необходимо четко разделять культурные противоречия и противостояния политических элит.

С точки зрения культурного противоречия (и даже противостояния) необходимо отрешиться от полемической и морализаторской риторики средневековых западных авторов (Жака де Витри и других) и обратиться к разностороннему своду свидетельств о материальной культуре и политической жизни Латинского Востока. В первую очередь следует разбить миф о большей терпимости левантийских франков к восточнохристианскому и мусульманскому населению Ближнего Востока. Когда утасли первые эксцессы завоеваний, основы для жизнеспособного взаимодействия с восточнохристианским и мусульманским населением были заложены крестоносцами первого поколения — Балдуином I, Балдуином II де Бурком, Боэмундом I, Танкредом, Раймондом Тулузским, позднее — Ги де Лузиньяном (на Кипре). И именно на данном этапе устанавливались новые нормы, становившиеся своеобразным «культурным прорывом» для уроженцев Франции XI в.: первые смешанные браки государей⁴, принятие на службу восточных христиан и даже мусульман⁵, отращивание бород⁶ и принятие различных восточных элементов костюма и быта⁷.

Между тем история Латинского Востока знает множество примеров, когда франки «Заморской земли» оказывались гораздо менее вос-

³ *Ambroise. L'Estoire de la Guerre Sainte. Paris, 1897. P. 426.*

⁴ Речь идет о браках Балдуина I, Балдуина II де Бурка и Жослена I де Куртенэ с армянскими княжнами.

⁵ Единственные попытки принять на службу «сарацин», на условиях несколько адаптированной формы вассалитета, были связаны с «крестоносцами первого поколения»: Балдуином I Эдесским, принявшим на службу тюркского эмира Бальдука, правителя города Сарудж (1098 г.), а также с Раймондом де Пуатье, принявшим в свое войско сирийских ассасин и их предводителя — Али ибн Вафу (1148–1149 гг.).

⁶ История о том, как Балдуин II де Бурк отпустил бороду, а затем заложил ее, выманивая деньги у тестя — куропалата Гавриила, властителя Мелитены, стала одним из канонических анекдотов в истории Латинского Востока. См.: *Guillaume de Tyr. Historia regum in partibus transmarinis gestarum // RHC Occ. I. Paris, 1844.*

⁷ О том, как предшественник де Бурка на престоле Эдессы — Балдуин I — принял восточные облачения и церемониал, подробно (и несколько поэтизированно) пишет Гвиберт Ножанский. См.: *Guiberti Abbatis. Gesta Dei per Francos // RHC Occ. IV. Paris, 1879. P. 254–255.* Подробнее по теме см.: *Ciggaar K.N. The Adaptation of Oriental Life by Rulers in and around Antioch. Examples and Exempla // East and West in the Medieval Eastern Mediterranean. Antioch from the Byzantine Reconquest until the End of the Crusader Principality. Leuven, 2006.*

приимчивыми или менее терпимыми к культуре и народам Леванта, не жели крестоносцы «первого поколения». Раймонд II, первый из графов Триполийских, рожденных и воспитанных на Востоке, устроил в 1137 г. беспрецедентную бойню восточнохристианского (православного) населения Аль-Куры, заподозрив своих подданных-сириан в измене и выдаче отца — сарацинам⁸. Генрих I де Лузиньян, третий король Кипра (в третьем поколении бывший «левантийским франком»), санкционировал череду репрессий против православной церкви, в то время как первые франкские правители острова — крестоносцы «первого поколения» Ги и Амори де Лузиньяны — впервые в истории Латинского Востока гарантировали православным полную независимость от притязаний латинской иерархии⁹. Король Армении Филипп (у которого в роду последним крестоносцем «первого поколения» был его прадед — Раймонд де Пуатье) вызвал ярость у своих армянских подданных, когда отказался отращивать бороду и — щеголяя по западной раннеготической моде — всячески принижал армян и их традиции, восхваляя франков¹⁰. Освоение арабского языка среди латинян восточного Средиземноморья также было весьма неравномерным: оно варьировалось не только от личности к личности, но и от анклава к анклаву внутри достаточно сжатого региона. К примеру, отдельные представители знати франкской знати «Заморской земли» — такие как Рено II де Гранье, сир Сидона — проявляли интерес к изучению арабского языка и литературы¹¹, однако массовый переход на арабский язык франки совершили лишь в Триполи (где Жак де Витри, по его собственным словам, вынужден был принимать исповедь у латинских христиан с переводчиком, поскольку «язык той земли — сарацинский»)¹².

Все это указывает на то, что культурные различия между христианами латинского Запада и франками «Заморской земли» отнюдь не составляли сколь-либо монолитной основы для конфликта. Более того, между латиня-

⁸ Об этой кампании подробно повествуют как Гильом Тирский, так и Ибн аль-Каланиси. См.: *Guillaume de Tyr*. Op. cit. Lib. XIV. C. 23. P. 630; *Gibb G. The Damascus Chronicles of the Crusaders (Damasskie hroniki krestonoscev)*. Moscow: Centrpoligraf, 2009. C. 172–173.

⁹ *Hamilton B. The Latin Church in the Crusader States: A Secular Church*. London, 1980. P. 317–318; *Hill G. A History of Cyprus*. Vol. II. Cambridge, 2010. P. 87–88.

¹⁰ *Bournoutian, A.A. Cilician Armenia // Armenian People from Ancient to Modern Times*. Vol I. New York, 2004. P. 285.

¹¹ *Runciman S. A History of the Crusades*. Vol. II. Cambridge, 1952. P. 319.

¹² *Barber M., Bate K., ed. & trans. Letters from the East. Crusaders, Pilgrims and Settlers in the 12th–13th centuries*. Ashgate, 2010. № 57. P. 106.

нами Запада существовал колоссальный комплекс языковых, культурных и региональных различий. К примеру, жители Бургундии или Пуату воспринимали Нормандию или Бретань как далекие и во многом чуждые им земли, а их жителей — отнюдь не как своих «соотечественников» или соплеменников; среди плеяды итальянских городов или германских земель подобные разделения были еще более существенными. К тому же в традиционном для западной средневековой литературы порицании «роскоши» и «женоподобия» жителей Востока не стоит усматривать нечто, прямо коррелирующее с реальностью — подобные риторические штампы не исчезали несмотря на череду поражений, понесенных от ромеев или сарацин, и ни в коей мере не препятствовали стремлению латинян к адаптации различных элементов восточной культуры: монументального, станкового и декоративно-прикладного искусства, элементов костюма и быта, форм государственного управления, уклада городской жизни (не стоит забывать о том, что франкоязычная аристократия массово соприкоснулась с ценностью городской жизни благодаря городам Леванта, а не северной Италии). Следовательно, в конфликте между прибывавшими в Левант латинянами и франками «Заморской земли» следует прежде всего усмотреть не некое «культурное» противостояние, но политическое противостояние элит, борьбу между знатью Сирии и Палестины с прибывавшими и претендовавшими на политическую инициативу или освобождавшимися землями феодальными аристократами Западной Европы.

Данное противостояние усложнялось тем обстоятельством, что Латинский Восток напрямую зависел от людских и материальных ресурсов Запада: от пилигримов и сержантов до высококвалифицированных зодчих и военных инженеров (возводивших такие прославленные твердыни, как Маркаб, Саон и Крак де Шевалье), от заготовок железа и стали до оружия и боевых коней¹³. Проблема возникала, когда прибывавшие с Запада «вооруженные паломники» отказывались играть роль послушного орудия в руках местных государей и знати. И если военно-монашеские ордены смогли разработать систему инкорпорирования внешних (западных) ресурсов в весьма эффективную систему, отвечавшую их интересам в Сирии и Палестине, то при попытке секулярной знати договориться о совместных действиях с западными крестоносцами разгоралась типичная для феодального мира борьба за

¹³ *Smail R.C. Crusading warfare, 1097–1193. Cambridge, 1995. Passim; Marshall C. Warfare in the Latin East., 1192–1291. Cambridge, 1996. Passim; Nicolle D., Hook C. The Knight of Outremer. 1187–1344 // Osprey Military. Warrior Series. London, 1996.*

«первенство чести» и хаотичное отстаивание собственных прав и привилегий. Ярким примером подобного конфликта служит осада Дамаска армией королей Конрада III, Людовика VII Молодого и Балдуина III Иерусалимского (в 1148 г.), когда контингенты палестинских франков фактически саботировали осаду, узнав, что город должен отойти не их королевству, но графу Тьерри Фландрскому. О том, что иерусалимское рыцарство — узнав, что Дамаск обещан графу Фландрии — впало в апатию и отказалось прилагать какие-либо усилия для осады, прямо пишет левантский франк, архиепископ Гильом Тирский¹⁴. Однако «апофеозом» рассматриваемого противостояния принято считать историю борьбы за иерусалимский престол и кратковременного утверждения на Святой земле династии Лузиньянов (в 1180-х), завершившейся падением первого Иерусалимского королевства и завоеваниями Салах ад-Дина. Бытовавшие с XIX в. представления о борьбе якобы искавших мира с мусульманами левантских франков (партией Раймонда III Триполитского и Ибелинов) с западными, жаждавшими войны крестоносцами (партией Лузиньянов и Рено де Шатильона), представления, кочевавшие из книги Мишо в работы Рансимена, Виймара и многих других авторов¹⁵, были весьма убедительно опровергнуты Бернардом Гамильтоном в его монографии «Прокаженный король и его наследники»¹⁶. Гамильтон вполне убедительно указал на то, что Салах ад-Дин не оставил бы королевству Иерусалимскому шанса избежать войны и что в борьбе за королевский престол два противоборствующих лагеря никак не могут быть сведены к «западной» и «восточной» партиям (так как на стороне братьев Лузиньянов и Рено де Шатильона выступали половина королевской семьи, сенешаль королевства Жослен III Эдесский, а также князь Боэмунд III Антиохийский). Учитывая, что братья-пуатевинцы Ги и Амори де Лузиньян были обязаны своим утверждением в Иерусалиме королевской семье, «эдесскому» клану де Куртенэ, Рено де Шатильону и князю Антиохийскому, история их борьбы за власть крайне слабо подходит на «западный десант» в Леванте.

Между тем в истории Латинского Востока был прецедент, когда консолидированная, осознающая свою территориальную общность,

¹⁴ *Guillaume de Tyr*. Op. cit. Lib. XVII. C. 7.

¹⁵ *Michaud J.-F.* Op. cit. Passim; *Runciman S.* Op. cit. Vol. II. Passim; *Willemart P.* Les Croisades. Mythe et realite de la guerre sainte. (Krestovye pohody. Mif i real'nost' Svyashchennoj vojny). Saint Petersburg: Evraziya, 2006.

¹⁶ *Hamilton B.* The Leper King and his Heirs: King Baldwin IV and the Crusader Kingdom of Jerusalem. Cambridge, 2000.

скованная родственными узами группировка западной аристократии предприняла относительно успешную попытку утвердиться в Леванте, что привело к пролонгированному и кровопролитному конфликту с местной знатью. Речь идет об истории утверждения и пребывания в пределах княжества Антиохийского и графства Триполийского влиятельной партии римских нобилей. Эта «римская экспансия» началась в 1230-х гг. и продолжалась вплоть до 1280-х гг., прервавшись незадолго до окончательного падения двух государств (фактически существовавших как единая общность, на условиях личной унии, под властью сирийской ветви Рамнульфидов, династии де Пуатье). Начало экспансии римлян было положено благодаря династическому браку между князем Боэмундом V и Люсьен де Сеньи, девушки из знатного римского рода графов Сеньи, семьи, давшей миру трех понтификов. Заключенный в 1235 г. брак между Боэмундом V и Люсьен был призван прежде всего нормализовать весьма турбулентные отношения между Апостольским престолом и княжеским домом де Пуатье. Напомним, что дед и отец Боэмунда V неоднократно попадали под отлучение от церкви и даже вели открытые войны против латинской Церкви в Леванте¹⁷.

Весьма неординарная идея урегулирования отношений с Римом — не через череду политических уступок, но через династический брак, оче-

¹⁷ Дед указанного князя — Боэмунд III Заика — дважды попадал под отлучение от церкви, первый раз в 1165 г. за восстановление в городе православного патриарха, второй раз — в 1180 г., когда незаконно расторг брак со своей второй женой Феодорой Комниной и вступил в открытую войну с латинским патриархом Амори де Лиможем. Эта война продолжалась на протяжении года и разделила баронов княжества Антиохийского. Подробнее см.: *Hamilton B. The Latin Church in the Crusader States... P. 46–47; Hamilton B. Aimery of Limoges, Latin Patriarch of Antioch (c.1142–1196), and the Unity of the Churches // East and West in the Crusades States. Context — Contacts — Confrontations. Vol. II. Leuven, 1999. Stone M.E., Kedar B.Z. A Notice about Patriarch Aimery of Antioch in an Armenian Colophon // Apocrypha, Pseudepigrapha and Armenian Studies: Collected Papers. Vol. II. Leuven, 2006.*

Отец Боэмунда V — князь Боэмунд IV Одноглазый — провел большую часть своего правления, находясь под отлучением от Римской церкви. В отличие от отца, он в 1206 г. восстановил в Антиохии православный Патриархат без всякого внешнего давления со стороны Ромейской державы (которой на тот момент уже не существовало), а исходя из собственных политических расчетов. Помимо этого, на совести этого князя были казнь латинского патриарха Антиохийского Петра I Ангулемского (1208 г.) и многолетняя война с орденом госпитальеров. Окончательное примирение между князем и Римской церковью состоялось за несколько месяцев до его смерти, в 1233 г. Подробнее см.: *Brun S.P. The Churches of the East before the Crusader Lord of Outremer: Bohemond IV the One-Eyed and the Christians of the Levant. [Cerkvi Vostoka pred krestonosnym pravitelem Zamorskoj zemli: knyaz' Boemund IV Odnoglazyj i hristiane Levanta // Istoricheskij vestnik]. 2017. T. 20. S. 58–81.*

Герб княжеского дома де Пуатье (сирийских Рамнульфидов) после 1252 г. — слева.
Герб графов де Сеньи — справа

видно, принадлежала самому Боэмунду V или его приближенным. В любом случае, инициатива исходила от княжеского двора и приняла форму официального обращения Боэмунда V к папе Григорию IX¹⁸. Понтифик благосклонно отнесся к просьбе князя Антиохии-Триполи: в качестве невесты Боэмунду V была предложена Люсьен де Сеньи (де Каккамо-Сеньи), дочь графа Павла де Сеньи — одного из наиболее знатных аристократов Рима и Папской области. К роду Сеньи принадлежали папа Иннокентий III (которому Люсьен приходилась внучатой племянницей), а также папа Григорий IX (который был Люсьен двоюродным дядей), а также позднее взошедший на кафедру папа Александр IV. Для Боэмунда V это был второй брак. Первый брак — с Алисой Шампанской, вдовствующей королевой Кипра — был заключен еще до восшествия Боэмунда V на престол — в 1222 г. Устроенный отцом Боэмунда V (князем Боэмундом IV Одноглазым) брак продлился всего два года (1225–1227 гг.) и был аннулирован. Официальным поводом стало близкое родство супругов, однако по сохранившимся источникам создается впечатление, что достаточно пассивный Боэмунд V показался неподходящей партией для крайне деятельной и амбициозной Алисы, пытавшейся утвердить свою власть над королевствами Кипра и Иерусалима. Между тем помолвка Боэмунда V и Люсьен была заключена в отсутствие князя (которого, очевидно, представляло посольство) в Риме, при непосредственном участии папы Гри-

¹⁸ *Runciman S. Op. cit. Vol. III. P. 207.*

гория IX на исходе 1234 г. На заре 1235 г. Люсьен прибыла в Триполи, где и был заключен ее брак с князем Боэмундом V¹⁹. На рубеже 1235–1236 гг. Люсьен родила Боэмунду V первого ребенка — дочь Плайсанс, позднее ставшую в 1250 г. королевой Кипра (в качестве супруги Генриха I и матери Гуго II). В 1237 г. родился их второй ребенок — Боэмунд VI Красивый, будущий князь Антиохийский и граф Триполи.

Брак Люсьен и Боэмунда V действительно привел не только к примирению, но и к сближению между княжеским домом и Римской курией. В 1244 г. (очевидно, предвидя или не исключая конфликтов с местной церковной иерархией и военно-монашескими орденами) Боэмунд V добился от папы Иннокентия IV привилегии, согласно которой князя Антиохии-Триполи мог отлучить лишь римский понтифик²⁰. Однако эта привилегия была позднее отозвана: сын Боэмунда V — Боэмунд VI Красивый — был отлучен папским легатом Фомой Агни в 1260 г. за подчинение монголам²¹, а внук — Боэмунд VII — в 1278 г. Павлом де Сеньи за нападение княжеских войск²². Между тем в 1235–1252 гг. княгиня Люсьен стала вызывать все большее негодование со стороны местной франко-сирийской знати, поскольку она привлекала к берегам Сирии значительное число представителей римской знати, которым предоставлялись и государственные посты, и фьефы, и пребенды. Приток римлян, вероятно, начался еще при жизни Боэмунда V, однако именно после смерти князя наметился первый открытый конфликт между франко-сирийской знатью и сородичами княгини Люсьен. Первой проблемой стало усиление римлян в Антиохии. В рассматриваемый период — с момента смерти крайне деятельного отца («Одноглазого князя») Боэмунд V предпочитал оставаться в своей южной столице — Триполи, оставляя Антиохию и ее земли (с которыми не было прямого сухопутного сообщения по христианским землям) под управлением коммуны и наместников. Это, вполне естественно, стало приводить к постепенному упадку города²³.

¹⁹ Подробнее о первом и втором браках Боэмунда V см.: *L'Estoire de Eracles Empereur et la conquete de la terre d'Outremer* // RHC Occ. II. Paris, 1859. P. 408.

²⁰ *Berger E., ed. Registres d'Innocent IV. Vol. I. Paris, 1884–1921. № 418. P. 75.*

²¹ *Delaborde H.F. Lettre des Chrétiens de Terre-Sainte à Charles d'Anjou, 22 avril 1260* // *Revue L'Orient Latin. Vol. II. Paris, 1894. P. 213.*

²² Подробнее об этом будет сказано ниже.

²³ Подробнее о Боэмунде V и его правлении в Антиохии см.: *Brun S.P. The Byzantines and the Franks in Antioch, Syria and Cilicia. 11th–13th centuries. The History of the Interaction between Latin and Byzantine Christians on the Eastern Frontier (Romei i franki v Antiohii, Sirii i Kilikii XI–XIII vv. K kul'turnomu soprikosnoveniyu latinskih i vizantijskih hristian na rubezhah Vostoka).* Moscow, Maska, 2015. Vol. II, С. 418–422.

После смерти Боэмунда V в январе 1252 г. княгиня Люсьен (принявшая регентство от имени несовершеннолетнего сына Боэмунда VI) и ее приближенные впервые заявили о себе как о господствующей силе в Антиохии и Триполи. К моменту смерти князя, или же сразу после кончины Боэмунда V, княгиня Люсьен передала управление над Антиохией наместникам, отобраннным из числа прибывшей с ней в Сирию римской знати. Все это привело к ропоту как со стороны коммуны, знати и населения Антиохии, так и со стороны несовершеннолетнего Боэмунда VI (которому шел шестнадцатый год и которого от восшествия на престол отделяло лишь несколько месяцев). В том же 1252 г., опираясь на недовольные элементы в Триполи и Антиохии (и используя бедственное положение последнего города в качестве аргумента), 15-летний князь Боэмунд VI прибыл в лагерь к королю Франции Людовику IX Святому (стоявшему во главе войск Седьмого Крестового похода в Яффе), с прямой жалобой на мать и с просьбой передать престол ему досрочно, не дожидаясь совершеннолетия. Боэмунд VI произвел крайне положительное впечатление на короля Франции. Видимо, этому способствовал как облик юноши (наряду с королем Франции Филиппом IV, князь Боэмунд VI оказался единственным латинским государем XIII–XIV вв., получившим прозвище «Красивый»), так и искренность — а также резонность — требований юного потомка дома де Пуатье. В знак своего благоволения и поддержки Боэмунда VI Красивого Людовик IX Святой лично посвятил его в рыцари и пошел на невиданную доселе милость: позволил князю Антиохии-Триполи разделить свой герб: отныне чистое алое поле князей Антиохийских соседствовало с лазоревым полем, покрытым золотыми лилиями королей Франции²⁴.

Однако воцарение Боэмунда VI Красивого, вопреки ожиданиям, не привело ни к отстранению от власти княгини Люсьен, ни к ослаблению римской партии при княжеском дворе. Княгиня Люсьен лишилась регентства, но осталась при дворе, как и ее римские сородичи и земляки. Неясно также, были ли отозваны римские бальи из Антиохии. Так или иначе, у Антиохии, которая была после завоеваний Салах ад-Дина фактически сведена к положению города-государства, было гораздо меньше возможностей к активному протесту или сопротивлению, чем у жителей графства Триполийского — сохранивших и свои территории, и ресурсы. В 1258 г., всего через шесть лет после своего воцарения,

²⁴ Жан де Жуанвиль. Книга благочестивых речений и добрых деяний нашего святого короля Людовика. СПб.: Евразия, 2007. С. 124; L'Estoire Eracles... P. 440.

князь Боэмунд VI столкнулся с открытым восстанием своих триполийских вассалов, протестовавших против засилья римлян при дворе. Во главе восстания встали Бертран де Эмбриацо, сир Гибелета (Библа), и Жан де Пуатье, сир Ботрона (представитель младшей сирийской ветви Рамнульфидов, ближайший родственник князя). Армия мятежных баронов подошла к стенам Триполи, где разгорелось полевое сражение с княжескими войсками. Боэмунд VI встретился в бою с Бертраном, однако было ранен; и раненый князь, и его войска отступили и укрылись за стенами Триполи, осада которого была начата армией восставших. Осажденный князь пошел на отчаянный шаг, призвав на помощь своего тестя — короля Армении Хетума I²⁵. Вскоре в гавань Триполи вошли корабли, на борту которых находился как сам король Армении со свитой, так и контингент из его рыцарей и воинов. Это была первая в своем роде интервенция со стороны короля Армении в Триполи. При посредничестве короля Армении Боэмунд VI Красивый примирился со своими вассалами. Однако вскоре, проезжая через свои владения, Бертран был убит в одной из деревень группой сириан (т.е. мелькитов), которые доставили его голову в дар Боэмунду VI Красивому²⁶. Обернувшееся поражением восстание, очевидно, укрепило князя Боэмунда VI в недоверии к триполийским баронам и в решимости опираться как на поддержку короля Армении, так и на римлян, продолжавших усиливать свои позиции в Сирии. Не позднее 1261 г., спустя всего три года после триполийской междоусобицы, на кафедру Триполи — при прямой поддержке папы Урбана IV — был возведен францисканец Павел де Сеньи, младший брат княгини Люсьен²⁷. Его приезд совпал с кончиной Люсьен (точная дата смерти княгини не известна, однако более чем уместно предположение, что она сыграла роль в поставлении брата на кафедру города, которым правили ее муж и сын). С утверждением на триполийской кафедре епископ Павел стал во главе римской партии, которая продолжила усиливаться за счет притока новых знатных римлян, связанных с кланом де Сеньи.

²⁵ *Les gestes des Chiprois*. Geneva, 1887. P. 158–159.

²⁶ При получении головы своего вассала и противника — Бертрана Эмбриацо князь Боэмунд VI испытал, по словам Тирского Тамплиера, «великую радость» («en ot grant joie & les paia moût bien»). *Les gestes de Chiprois...* P. 159.

²⁷ *Guiraud J., ed. Les registres d'Urbain IV (1261–1264): recueil des bulles de ce pape publiées ou analysées d'après les manuscrits originaux du Vatican*. Paris, 1901. №10. Вопрос о датировке восшествия Павла де Сеньи на триполийскую кафедру см.: *Hamilton B. The Latin Church in the Crusader States...* P. 236.

Последующий период был ознаменован чередой катастроф: поражение монголов в битве у Айн-Джалут (1261 г.), начало разорительных мамлюкских вторжений на христианские земли (с 1262 г.), падение и уничтожение Антиохии (1268 г.), первые разорения киликийских и ливанских территорий. Все это усиливало внутреннее противостояние на территории графства Триполийского. К моменту смерти князя Боэмунда VI Красивого в 1275 г. во главе римской партии оставался епископ Павел Триполийский, а во главе недовольной римлянами франко-сирийской партии — вдовствующая княгиня Сибилла (дочь короля Хетума I) и Варфоломей, епископ Тортосы (Тартуса). Сибилла отправила своего несовершеннолетнего сына и наследника престола — Боэмунда VII — ко двору своего брата, короля Левона II Хетумида, который и посвятил юного князя в рыцари²⁸.

Став регентшей (в период почти двухлетнего отсутствия несовершеннолетнего Боэмунда VII), княгиня Сибилла передала фактическое управление княжеством епископу Варфоломею Тортосскому. Прежде чем взойти на кафедру Тортосы, Варфоломей был архидиаконом Антиохии и одним из немногих латинян, переживших осаду и уничтожение населения мамлюками (в 1268 г.). С отбытием в Италию латинского патриарха Опицо дель Фиеччи (в 1264 г.) Варфоломей принял пост патриаршего викария и местоблюстителя, которым оставался до конца жизни. Таким образом в Триполи, теперь уже единственной столице все уменьшавшегося под ударами мамлюков государства сирийских Рамнульфидов (княжеского дома де Пуатье), началось прямое противостояние между римской и франко-сирийской знатью: во главе первой стоял епископ города, двоюродный дед князя Боэмунда VII, а вторую возглавлял епископ Тортосы, бывший также патриаршим наместником (т.е. с канонической точки зрения — непосредственным начальством для епископа Павла де Сеньи), а также фактическим регентом княжества и приближенным вдовствующей княгини Сибиллы (матери Боэмунда VII)²⁹. Павел де Сеньи столкнулся с противником, который превосходил его как иерархически, так и в масштабах доверенной ему светской власти³⁰, а также в близости и милости со стороны княжеской семьи (членом которой, в отличие от Павла, епископ Варфоломей не являлся).

²⁸ О том, что Боэмунд VII был посвящен в рыцари «рукой короля Армении, своего дяди», писали старофранцузские хронисты. См.: *L'Estoire de Eracles ...* P. 466–467; *Les gestes des Chiprois...* P. 202.

²⁹ *L'Estoire de Eracles...* P. 466; *Les gestes Chiprois...* P. 202.

³⁰ *Hamilton B. The Latin Church in the Crusader States...* P. 237.

При этом оба епископа были связаны с орденом тамплиеров: епископ Павел принадлежал к ордену на правах полубрата (*confrater*), а епископ Варфоломей занимал кафедру в городе, который был сеньорией ордена. Однако как показало последующее развитие событий, епископ Павел пользовался безоговорочной поддержкой ордена и его магистра — Гильома де Боже, а епископ Варфоломей (поскольку и он, и его князь находились в состоянии прямой военной конфронтации с орденом) не мог в определенные периоды даже появляться в своей епархии, оставаясь в Триполи.

Отношения двух епископов и их сторонников быстро привели к открытым столкновениям между их сторонниками, причем роль агрессора принадлежала епископу Варфоломею и франко-сирийской партии. В первый же год принятия Варфоломеем регентства в Триполи разразился масштабный антиримский погром. Представители триполийского бюргерства и нобилитета обрушились на дома и имущество не только пребывавших в столице римлян, но и непосредственно на собственность, слуг и домочадцев епископа Павла. В числе убитых восставшей и направляемой епископом Варфоломеем толпой были не только слуги и бюргеры, но и несколько знатных римских рыцарей. Сам епископ Павел бежал вместе со своей личной и с епархиальной казной в триполийский Тампль³¹. Павел де Сеньи провел в триполийском Тампле более двух лет, оставаясь на осажденном положении в собственной епархии. Прибытие из Сиса в Триполи Боэмунда VII (в 1277 г.) не привело к отстранению Варфоломея; напротив, молодой князь и епископ Тортосы начали действовать совместно, преследуя римлян и епископа Павла де Сеньи. Между тем молодой князь Боэмунд VII, желая укрепить свое положение среди франко-сирийской аристократии и населения Триполи (а также, вероятно, взиравший на добычу от подобных кампаний как на законное средство пополнения собственной казны), инициировал новое нападение на имущество своего двоюродного деда. В 1277 г. княжеские войска атаковали триполийский Тампль, бросив под стражу ряд приверженцев и слуг епископа Павла и конфисковав его казну; сам епископ должен был бежать из своего кафедрального града, предварительно наложив интердикт на своего внучатого племянника и его сторонников. Однако епископ Варфоломей Тортосский, пользуясь правами патриаршего викария, немедленно снял интердикт с Боэмунда VII. Для примирения епископа Павла де Сеньи и князя Боэмунда VII в Трипо-

³¹ L'Estoire de Eracles... P. 468–469.

ли прибыли магистр ордена госпитальеров Николай Лорнье и Рожер де Сан-Северино, балби королевства Иерусалимского (наместник Карла I Анжуйского). Переговоры, прошедшие в 1278 г., привели лишь к кратковременной нормализации положения³².

Уже в 1279 г. епископ Павел де Сеньи счел за лучшее покинуть Триполи и искать дальнейшего заступничества при папском дворе. Епископ Павел жаловался не столько на Боэмунда VII, сколько на епископа Варфоломея; официальным поводом для разбирательства стало снятие патриаршим местоблюстителем интердикта, наложенного епископом Триполи на князя и его сторонников во время последней атаки на триполийский Тампль в 1279 г. Папа Николай III призвал епископа Варфоломея, однако тот успешно откладывал свой визит в Рим на протяжении шести (!) лет. Он дождался не только кончины папы Николая III и избрания нового понтифика — Мартина IV, но и смерти своего оппонента — епископа Павла, скончавшегося в Риме в 1284 г. Когда в 1285 г. епископ Варфоломей Тортоцкий наконец прибыл в Рим, папа Мартин IV счел за лучшее снять обвинения, что ознаменовало внеочередную политическую победу франко-сирийского архиерея с родом де Сеньи и римлянами, присутствие которых в княжестве Антиохии-Триполи было фактически сведено на нет³³. Однако эта внутреннеполитическая победа над римлянами и кланом де Сеньи, которой сирийские франки пытались добиться с 1250-х гг., не принесла ожидаемых результатов ни для епископа Варфоломея, ни для жителей Триполи. Спустя два года после оправдания епископа Варфоломея в Риме армия мамлюкского султана Калауна взяла Латакию (1287 г.), последнюю остававшуюся в руках христиан часть княжества Антиохийского. В том же году скорострительно скончался Боэмунд VII.

Авторитарные действия Варфоломея и непомерные амбиции этого епископа вызвали острое неприятие франко-сирийской знати, интересам которой он прежде способствовал, уничтожая партию Павла де Сеньи и преследуя римлян. О его амбиции свидетельствует как тот факт, что на ранней стадии своего регентства он отказал (!) королю Гуго III Кипрскому, когда тот предложил поддержку и опеку сво-

³² Gay J., Vitte S., ed. *Les Registres de Nicholas III*. Paris, 1898. № 520; *Delaville le Roulx J., ed. Cartulaire général de l'Ordre des Hospitaliers de Saint Jean de Jérusalem (1100–1311)*. Paris, 1894. № 3673.

³³ О папском решении см.: *Olivier-Martin F. Les registres de Martin IV (1281–1285)*. Paris, 1901. № 556. Подробнее о разбирательстве в Риме см.: *Hamilton B. The Latin Church in the Crusader States...* P. 238–239.

ему двоюродному племяннику Боэмунду VII³⁴, так и то, что он, пытаясь устроить брак своего племянника и ввязавшись в конфликт с одним из представителей рода Эмбриацо, влиятельнейшей династии графства Триполийского, втянул в открытую войну своего князя; в итоге эта война продолжалась с перерывами четыре года (1278–1282 гг.) и привела не только к победе княжеской партии, но и к изощренной казни глав рода Эмбриацо — братьев Ги II, Жана и Балдуина, закопанных по горло в замке Нефин и заморенных голодом³⁵. Когда, после смерти Боэмунда VII, княгиня Сибилла вновь предложила его в качестве балби и регента княжества, в Триполи вспыхнуло новое восстание, на этот раз объединившее и горожан, и местную знать. Восставшими была провозглашена Триполийская коммуна, принявшая власть на землях княжеского домена и низложившая династию Рамнульфидов (де Пуатье). Последние полтора года в истории этого государства крестоносцев были проведены в борьбе и переговорах между Люсией де Пуатье — сестрой Боэмунда VII, заявившей о своих правах на престол, и Триполийской коммуной, возглавляемой Варфоломеем Эмбриацо. Примирение между Люсией и Триполийской коммуной состоялось лишь к осени 1288 г., когда сестра покойного Боэмунда VII наконец смогла утвердиться на престоле. Однако уже следующей весной — в апреле 1289 г. — Триполи был взят и уничтожен армией султана Калауна, положившего конец этому государству крестоносцев³⁶.

История пребывания римлян в государстве сирийских Рамнульфидов (княжестве Антиохийском и графстве Триполи) охватила почти полувековой период, с 1235 по 1284 г. Историю утверждения римлян и укрепления их положения в Антиохии и Триполи можно связать с четырьмя этапами, каждый из которых был прямо связан с дипломатическими успехами клана де Сеньи (княгиней Люсьен и ее братом — епископом Павлом):

³⁴ L'Estoire de Eracles... P. 466; *Hamilton B.* The Latin Church in the Crusader States... P. 237.

³⁵ Les gestes de Chiprois... P. 212–213; *Röbricht R., ed.* Regesta Regni Hierosolymitani. Innsbruck, 1893. № 1444. P. 376–377. Подробнее о войне см.: *Runciman S.* Op. cit. Vol. III. P. 388–389.

³⁶ О провозглашении Триполийской коммуны, борьбы Люсии за престол и последнем, двухлетнем периоде истории графства Триполи см. (с указанием источников и литературы): *Runciman S.* Op. cit. Vol. III. P. 405–407; *Brun S.P.* The Byzantines and the Franks in Antioch, Syria and Cilicia. Т. II. С. 524–541. О падении и уничтожении Триполи см. также: *Панченко К.А.* Падение Триполи 1289 г. в восприятии христианских общин Ближнего Востока // Исторический вестник. 2020. Т. 31. С. 136–159.

1235 г. — Брак князя Боэмунда V и Люсьен де Сеньи.

1252 г. — Смерть князя Боэмунда V, регентство княгини Люсьен и утверждение римских балби в Антиохии.

1252–1258 гг. — Примирение княгини Люсьен с ее сыном, князем Боэмундом VI Красивым, дальнейшее укрепление положения римлян, междоусобная война с недовольными «римским засильем» триполийскими баронами (которые в силу интервенции короля Армении и гибели своего предводителя Бертрана Эмбриацо не смогли добиться победы).

1261 г. — Возведение на Триполийскую кафедру епископа Павла де Сеньи (брата Люсьен), ставшего после кончины сестры главой римской партии и инициировавшего приток новой волны римлян на сиро-ливанское побережье.

«Маркерами» прогрессирующей реакции сирийских франков на засилье римлян и римской знати следует считать нижеследующие события:

1252 г. — Жалоба юного Боэмунда VI Красивого, поддержанного населением и знатью Антиохии на регентство Люсьен де Сеньи и римских балби, обращенная к королю Людовика IX Святому.

1258 г. — Восстание триполийских баронов, во главе с Бертраном Эмбриацо и Жаном де Пуатье против князя Боэмунда VI Красивого, поводом для которого стало недовольство римским окружением князя и его матери — вдовствующей княгини Люсьен.

1275 г. — Смерть князя Боэмунда VI и назначение епископа Варфоломея Тортоского княжеским балби (регентом). «Резня римлян» в Триполи, инициированная епископом Варфоломеем и его сторонниками. Бегство епископа Павла де Сеньи в триполийский Тампль.

1277 г. — Утверждение князя Боэмунда VII на престоле. Второй антиримский погром, инициированный сторонниками Боэмунда VII и епископа Варфоломея. Нападение на триполийский Тампль, ставший пристанищем епископа Павла де Сеньи.

1279 г. — Отбытие Павла де Сеньи в Рим.

1282 г. — Отказ папы Мартина IV от идеи привлечения епископа Варфоломея Тортоского к ответственности за посягательства на жизнь и имущество епископа Павла де Сеньи и знатных римлян Триполи.

В триполийской реакции против римлян, как и в антиохийской реакции против господства армян, можно проследить зачатки консолидации разнородного населения Латинского Востока против «внешних» угроз, однако это была именно консолидация территориальных (феодално-аристократической и городской) элит в борьбе за жизненное пространство и устоявшиеся экономические интересы. Именно по-

следние давали импульс к объединению разнородного латинского и восточнохристианского населения таких городов, как Антиохия или Триполи, в борьбе с мусульманскими завоевателями и «чуждыми», претендовавшими на экспансию христианскими группировками (армянами в Антиохии, римлянами в Антиохии и Триполи). Однако эти «всходы» территориальной консолидации пали жертвой продолжавшимся феодальным междоусобицам и наступлению мамлюкских завоевателей, уничтоживших сам культурный ландшафт Латинского Востока. Тем более стоит учитывать, что формировавшаяся и в силу мамлюкского геноцида не получившая возможность для окончательного оформления в качестве этноса или субэтноса общность левантийских франков существовала в регионе, предрасположенном к этноконфессиональному разделению. Достаточно указать на то, что по сей день территории и население Ливана являются разделенными по этноконфессиональному признаку, и принадлежность к конфессии перевешивает любые попытки выработать объединяющую «ливанскую» или секулярную «панарабскую» идентичность.

REFERENCES

1. *Ambroise*. L'Estoire de la Guerre Sainte. Paris, 1897.
2. *Barber M., Bate K., ed. & trans.* Letters from the East. Crusaders, Pilgrims and Settlers in the 12th–13th centuries. Ashgate, 2010.
3. *Berger E., ed.* Registres d'Innocent IV. Vol. I. Paris, 1884–1921.
4. *Bournoutian A.A.* Cilician Armenia // Armenian People from Ancient to Modern Times. Vol. I. New York, 2004.
5. *Brun S.P.* The Byzantines and the Franks in Antioch, Syria and Cilicia. 11th–13th centuries. The History of the Interaction between Latin and Byzantine Christians on the Eastern Frontier [Romei i franki v Antiohii, Sirii i Kilikii XI–XIII vv. K kul'turnomu soprikosnoveniyu latinskih i vizantijskih hristian na rubezhah Vostoka]. Moscow, 2015.
6. *Brun S.P.* The Churches of the East before the Crusader Lord of Outremer: Bohemond IV the One-Eyed and the Christians of the Levant [Cerkvi Vostoka pred krestonosnym pravitelem Zamorskoj zemli: knyaz' Boemund IV Odnoglazyj i hristiane Levanta // Istoricheskij vestnik]. 2017. Vol. 20.
7. *Ciggaar K.N.* The Adaptation of Oriental Life by Rulers in and around Antioch. Examples and Exempla // East and West in the Medieval Eastern Mediterranean. Antioch from the Byzantine Reconquest until the End of the Crusader Principality. Leuven, 2006.
8. *Delaborde H.F.* Lettre des Chrétiens de Terre-Sainte à Charles d'Anjou, 22 avril 1260 // Revue L'Orient Latin. Vol. II. Paris, 1894.
9. *Delaville le Roulx J., ed.* Cartulaire général de l'Ordre des Hospitaliers de Saint Jean de Jérusalem (1100–1311). Paris, 1894.
10. *Gay J., Vitte S., ed.* Les Registres de Nicholas III. Paris, 1898.
11. *Gibb G.* The Damascus Chronicles of the Crusaders (Damasskie hroniki krestonoscev). Moscow: Centrpoligraf, 2009.
12. *Guiberti Abbatis.* Gesta Dei per Francos // RHC Occ. IV. Paris, 1879.
13. *Guillaume de Tyr.* Historia rerum in partibus transmarinis gestarum // RHC Occ. I. Paris, 1844.
14. *Guiraud J., ed.* Les registres d'Urbain IV (1261–1264): recueil des bulles de ce pape publiées ou analysées d'après les manuscrits originaux du Vatican. Paris, 1901.
15. *Hamilton B.* Aimery of Limoges, Latin Patriarch of Antioch (P. 1142–1196), and the Unity of the Churches // East and West in the Crusades States. Context – Contacts – Confrontations. Vol. II. Leuven, 1999.
16. *Hamilton B.* The Latin Church in the Crusader States: A Secular Church. London, 1980.

17. *Hamilton B.* The Leper King and his Heirs: King Baldwin IV and the Crusader Kingdom of Jerusalem. Cambridge, 2000.
18. *Hill G.* A History of Cyprus. Vol. II. Cambridge, 2010.
19. Iacobi de Vitriaco libri duo, quorum prior Orientalis sive Hierosolymitanae, alter Occidentalis Historiae nomine inscribuntur. Douai, 1597.
20. *Jean de Joinville.* The Life of Saint Louis [Kniga blagochestivnyh rechenij i dobryh deyanij nashego svyatogo korolya Lyudovika]. Saint Petersburg: Evraziya, 2007.
21. *Kugler B.* The History of the Crusades (Istoriya krestovyh pohodov). Moscow: Feniks, 1996.
22. Les gestes des Chiprois. Geneva, 1887.
23. L'Estoire de Eracles Empereur et la conqueste de la terre d'Outremer // RHC Occ. II. Paris, 1859.
24. *Marshall C.* Warfare in the Latin East. 1192–1291. Cambridge, 1996.
25. *Michaud J.-F.* Histoire des Croisades (Istoriya krestovyh pohodov). Moscow: Astrel', 2013.
26. *Nicolle D., Hook C.* The Knight of Outremer. 1187–1344 // Osprey Military. Warrior Series. London, 1996.
27. *Olivier-Martin F.* Les registres de Martin IV (1281–1285). Paris, 1901.
28. *Panchenko K.A.* The Fall of Tripoli (1289) through the eyes of Christian communities in the Middle East [Padenie Tripoli 1289 g. v vospriyatii hristianskih obshchin Blizhnego Vostoka // Istoricheskij vestnik]. 2020. Vol. 31.
29. *Röbricht R., ed.* Regesta Regni Hierosolymitani. Innsbruck, 1893.
30. *Runciman S.* A History of the Crusades. Vol. I–III. Cambridge, 1951–1954.
31. *Schlumberger G.* Renaud de Châtillon — Prince D'Antioche, Seigneur de la Terre D'Outre-Jourdain. Paris, 1898.
32. *Smail R.C.* Crusading warfare, 1097–1193. Cambridge, 1995.
33. *Stone M.E., Kedar B.Z.* A Notice about Patriarch Aimery of Antioch in an Armenian Colophon // Apocrypha, Pseudepigrapha and Armenian Studies: Collected Papers. Vol. II. Leuven, 2006.
34. *Willemart P.* Les Croisades. Mythe et realite de la guerre sainte [Krestovye pohody. Mif i real'nost' Svyashchennoj vojny]. Saint Petersburg: Evraziya, 2006.

Ключевые слова:

Крестовые походы, Латинский Восток, франки «Заморской земли», княжество Антиохийское, графство Триполийское, Рим, Папская область, Боэмунд V, Боэмунд VI, Боэмунд VII, Люсьен де Сеньи, Варфоломей Тортоцкий.

Sergei P. Brun

THE FRANKS OF OUTREMER AND THEIR WESTERN BRETHERN:

Examining the conflict through roman expansion in the
Principality of Antioch and County of Tripoli (1230's–1280's)

The article deals with one of the main themes and concepts in the historiography of the Crusades — the conflict between the western, «first generation» Crusaders and pilgrims with the Franks of Outremer, those who were born and knew no home outside of the Middle East. The author critically examines the perception of the conflict in the 19th–21st century historiography, and proceeds with a study of the 50-year period of Roman aristocratic expansion in the Principality of Antioch and County of Tripoli (made possible through the marriage of Prince Bohemond V with the Roman noblewoman Lucien de Segni). This expansion — unlike the infamous clash between the Lusignan brothers and the Palestinian nobility in the 1180's — was perhaps the purest manifestation of the conflict between consolidated western expansion and the local Levantine elites in the Crusader States.

Key words: Crusades, the Latin East, the Franks of Outremer, the Principality of Antioch, the County of Tripoli, Rome, the Papal State, Bohemond V, Bohemond VI, Bohemond VII, Lucienne de Segni, Bartholomew of Tortosa.

Sergei P. Brun — Russian historian and publicist, research fellow in the Moscow Kremlin Museums (Department of Middle Eastern art in the Armory Chamber).

 Брюн Сергей Павлович

научный сотрудник сектора искусства Ближнего Востока
Оружейной палаты Музеев Московского Кремля

DOI: 10.35549/HR.2022.2021.38.002

С.А. Кириллина, Д.Р. Жангиев

ЭКСПЕДИЦИЯ БОНАПАРТА В ЕГИПЕТ И СИРИЮ (1798—1801 гг.) И ЕГО ПОЛИТИКА В ОТНОШЕНИИ МЕСТНЫХ ХРИСТИАН

Поход Наполеона Бонапарта в арабские земли Османской империи (1798–1801 гг.), где в то время верховенствовал султан Селим III (1761–1808; даты правления: 1789–1807 гг.), стал важным звеном истории ближневосточного региона эпохи Нового времени. Основными объектами своих экспансионистских устремлений Бонапарт избрал Египетский пашалык¹, а также Османскую Сирию, куда французские войска вторглись в 1799 г., следуя стратегии, направленной на закрепление своих позиций в Леванте. Как в Египте, так и в Сирии, выстраивая взаимоотношения с местным населением, оккупационные власти были поставлены перед насущной необходимостью учитывать столь значимый для региона «конфессиональный фактор», акцентируя внимание на местных христианских общинах.

¹ *Пашалык* — провинция или область Османской империи, управляемая высшим государственным сановником — пашой.

Политика французов в отношении коптов Египта

В Египетском пашалыке бок о бок с мусульманами, составлявшими абсолютное большинство его населения², проживали христиане различных деноминаций, и прежде всего копты³, для которых, как им виделось, вторжение воинства из «христианской» Европы сулило перспективы изменения их приниженного социального статуса и давало шанс обрести вождеденное равноправие с адептами ислама.

Однако как сам генерал-аншеф Восточной армии, так и преемники Бонапарта на этом посту Жан-Батист Клебер (1753–1800) и Жак-Франсуа де Мену (1750–1810) не испытывали к любым верованиям особого почтения, воспринимая «религиозный фактор» в первую очередь как испытанный действенный инструмент манипуляции коллективным сознанием, и посему, ничтоже сумняшеся, раздавали разноречивые посулы всем и вся, будь то мусульмане или христиане, лишь бы войти к ним в доверие. По прошествии полугода пребывания в Египте (декабрь 1798 г.) Бонапарт пошел на шаг, негативный эффект которого не заставил себя ждать. С *зимми*⁴ были сняты ограничения, ущемлявшие их в правах по отношению к последователям пророка Мухаммада: им было дано право ездить верхом на лошадях, носить оружие и одеваться согласно своим предпочтениям. Эта опрометчивая акция, направленная на завоевание благонадежности христиан в обмен на серьезные уступки в плане коррекции их личного статуса, имела далеко идущие последствия: в Египетском пашалыке стала неумолимо нарастать напряженность в межобщинных отношениях, и эта взрывоопасная ситуация сохранялась до тех пор, пока французы не покинули Египет.

Обретя видимость невиданных свобод и подогреваемые чувством иллюзорной вседозволенности, христиане стали позволять себе то,

² О политике французских властей в отношении мусульман Египта см.: *Кириллина С.А.* Бунабарди-паша и «воинство шайтана»: ислам в политике Восточной экспедиции Бонапарта (1798–1801 гг.) // Французский ежегодник. 2017. М., 2017. С. 219–238.

³ В то время копты составляли от 6 до 8% от общего числа жителей Египта (*Клот-бей А.В.* Египет в прежнем и нынешнем своем состоянии. Ч. 1. СПб., 1843. С. 129–130; *Cezzar Ahmed Pasha.* Nizamname-i Misir. Cambridge, Massachusetts, 1962. P. 164; *Jomard E.F.* Mémoire sur la population comparée de l'Égypte ancienne et modern // Description de l'Égypte ou, recueil des observations et des recherches qui ont été faites en Égypte pendant l'expédition de l'armée française. 2 éd. Т. 9. Paris, 1829. P. 138–139).

⁴ *Зимми* (араб., «покровительствуемые») — немусульмане, проживавшие в землях ислама и находившиеся под «покровительством» (*зимма*) мусульманской общины.

о чем ранее они и помыслить не могли. Мусульмане негодовали по поводу того, что последователи Христа, забыв про веками практиковавшиеся социальные и политические рестрикции, стали вести себя как вздумается — красоваться в нарядных одеждах, гарцевать на лошадях и, подчеркивая свой новый статус, обзаводиться пышными свитами, а в священный месяц мусульманского поста — рамадан без зазрения совести есть, пить и курить на глазах постящихся⁵. Египетский летописец, ‘алим⁶ Абд ар-Рахман ал-Джабарти (1753–1825) не сдерживал гнев, повествуя о «непотребном» поведении каирских христиан — коптов, сирийцев и греков во время празднества, приуроченного к разливу Нила (август 1799 г.). «В эту ночь они перешли всякие границы приличия, — читаем в его эпохальной хронике. — Подражая бывшим мамлюкским беям, они брали лодки с большим количеством весел, садились в них с женами и проститутками, брали с собой вино, нагло хохотали, говорили мерзости, богохульствовали, насмеялись над мусульманами и передразнивали их. Некоторые из них надевали одежду мамлюкских беев и их оружие, подражали их манере говорить, высмеивали их и всячески издевались над ними»⁷.

В то же время, как совершенно верно констатирует отечественный исследователь — эксперт по Новой истории арабского мира Т.Ю. Кобищанов, не только самонадеянное поведение христиан, стремившихся навязать мусульманам Египта иной стереотип межконфессиональных отношений, который вступал в конфликт с исламской традицией, вызывало эскалацию религиозной розни. По его мысли, «не меньшую роль в осложнении христианско-мусульманских взаимоотношений сыграли злоупотребления и насилия, которыми сопровождался сбор налогов коптами-*саррафами*⁸»⁹. С начала пребывания на египетской земле Бонапарт, раздумывая о возможных путях совершенствования политики налогообложения, возлагал надежды на чиновников из числа коптов, ко-

⁵ Histoire scientifique et militaire de l'expédition française en Égypte. Paris: 1830–1836. Т. 5. Р. 143.

⁶ ‘Алим (араб., ед.ч. от ‘улама’) — лицо, обладающее знаниями — ‘илм. ‘Улама’ — хранители исламской религиозной традиции, наставники мусульманских духовных училищ — медресе, теологи, блюстители канонического права.

⁷ Ал-Джабарти Абд ар-Рахман. Египет в период экспедиции Бонапарта (1798–1801). М., 1962. С. 224.

⁸ Сарраф — сборщик налогов, меняла, часто выступавший в роли банкира и ростовщика.

⁹ Кобищанов Т.Ю. Христианские общины в арабо-османском мире (XVII — первая треть XIX в.). М., 2003. С. 195.

Бонапарт в Египте (фрагмент). Худ. Жан-Леон Жером

торые ведали фискальной и иной бухгалтерской документацией¹⁰. Его решение оставить коптов на их должностях в управленческом аппарате и налоговой системе страны носило сугубо прагматический характер. Тем самым генерал-аншеф Восточной армии намеревался заполнить образовавшийся в Египте административный вакуум и наладить непрерывное пополнение казны. Как только французские войска вступили в египетскую столицу (июль 1798 г.), полномочия по взиманию налогов были вверены «управляющим» из числа коптов, а место главного связующего звена между французской оккупационной администрацией и местными налогоплательщиками занял му'аллим¹¹ Джирждис ал-Джаухари (ум. в 1810 г.), признанный глава коптской бюрократической «иерархии». По мере продвижения французских войск вглубь египетской территории число коптских «управляющих», ответственных

¹⁰ По словам Бонапарта, копты — «деловые люди, сборщики податей, банкиры, писцы» (*Наполеон I. Избранные произведения*. М., 1956. С. 419). «Каждая деревня, — зафиксировано в «Записках Наполеона», — имела копта сборщиком податей; вся счетная часть, вся администрация была в руках коптов» (*Экспедиция французов в Египет. Из записок Наполеона, изданных после его смерти французскими генералами, участвовавшими в сей экспедиции*. М., 1832. С. 87).

¹¹ *Му'аллим* (араб., «мастер», «учитель») — термин, обозначающий мастера в профессиональной корпорации, который применялся также при обращении ко всем служащим-немусульманам.

за организацию сбора налогов в провинции, увеличивалось¹². Однако Бонапарт четко осознавал, что подобная ситуация сохранится надолго, и планировал в ближайшем будущем заместить коптских чиновников европейцами. Конечно, у французского главнокомандующего не вызывали сомнения усердие, толковость и предприимчивость коптских бюрократов, которые сами охотно предлагали свои услуги новым хозяевам страны. Тем не менее он ставил под вопрос их профессиональную этику и добросовестность. В своих воспоминаниях Бонапарт квалифицировал коптскую бюрократию как «тайное сообщество», члены которого, охваченные жаждой наживы, изошрялись в наращивании своих теневых капиталов путем получения банального бакшиша¹³ и более нетривиальных финансовых трюков, каждый год прибирая к рукам 8 млн франков¹⁴. Понятно, почему деятельность коптских «управляющих» была изначально поставлена под неусыпный контроль французских комиссаров, призванных предупреждать и пресекать финансовые злоупотребления и мошенничества, а также бдительно следить за их благонадежностью. Однако контролеры сразу же столкнулись с множеством проблем, в основе которых, как констатировал Бонапарт, лежали «трудности языкового характера и нежелание коптов давать разъяснения», что заметно замедляло «познание [французами] финансовых дел»¹⁵.

Для местного населения копты-функционеры, мигрировавшие по городам и весям страны, быстро стали олицетворением худших сторон установленного интервентами режима. Как свидетельствовал Абдар-Рахман ал-Джабарти, худшей из бед для городских обывателей и обитателей сельской периферии было появление коптов — сборщиков податей под охраной военного конвоя. «Они разъезжались по городам и деревням, — детализирует летописец, — и требовали уплаты налогов и несения изнурительных повинностей. При этом они прибегали к насилию. Они назначали жителям для уплаты налогов срок в несколько часов. Если к назначенному времени налог не был уплачен, они граби-

¹² Correspondance de Napoléon I-er, publiée par ordre de l'empereur Napoléon III. T. 4. Paris, 1860. P. 282–283.

¹³ *Бакшиши* — чаевые, пожертвование, а также разновидность коррупции и взяточничества на Ближнем Востоке.

¹⁴ *Наполеон I*. Избранные произведения. С. 420.

¹⁵ Там же. С. 617. В частности, при ведении делопроизводства коптские чиновники применяли тайнопись и специфический почерк, «радикально отличавшийся от стиля письма как адептов ислама, так и других проживавших в Египет христиан» (Lane E.W. *An Account of the Manners and Customs of the Modern Egyptians*. Cairo; New York, 2003. P. 574), что делало финансовую отчетность «непрозрачной».

Французы в Египте. Гравюра, опубликованная в "A Non-military Journal, or observations made in Egypt, by an Officer upon the Staff of the British Army ... With engravings", London, 1803.

ли и сжигали дома, а людей угоняли с собой»¹⁶. Французы же, со своей стороны, по сути, предпочитали игнорировать стяжательство и противоправные действия ненасытных коптов-саррафов, так же как они не проявляли видимого желания кардинально модифицировать откупную систему взимания налогов, несмотря на ее очевидное несовершенство. Перед своим спешным отъездом из Египта¹⁷ Бонапарт вскользь упомянул о планировавшихся им изменениях местной системы налогообложения, что, по его мысли, дало бы ему возможность «обойтись без коптов», однако посчитал эту задумку преждевременной, отметив, что «лучше сделать это днем позже, чем днем раньше»¹⁸. Однако бурные события в Египетском пашалыке диктовали свои условия: под давлением набирающих силу финансовых неурядиц, хотя и с запозданием, преемникам Наполеона пришлось предпринять шаги по усмирению неумных аппетитов налоговых откупщиков — коптов. Частичную реорганизацию фискальной системы генерал Клебер начал только после Второго

¹⁶ Ал-Джабарти. Египет в период экспедиции Бонапарта. С. 300.

¹⁷ Бонапарт покинул Египет 23 августа 1799 г. и вернулся во Францию с намерением низвергнуть Директорию и узурпировать власть.

¹⁸ Histoire scientifique et militaire de l'expédition française en Égypte. Т. 6. Р. 300.

Каирского восстания (март — апрель 1800 г.). Функции по разверстке и сбору налогов, которые ранее концентрировались в руках «генерального управляющего» — Джирджиса ал-Джаухари, были переданы в ведение сразу пяти «управляющих»¹⁹, что тем не менее шаткую финансовую ситуацию не выправило. Преемник Клебера, генерал Мену повел себя более решительно, выступив с инициативой введения единого поземельного налога, который должен был прийти на смену всем предыдущим податям. Параллельно очередной генерал-аншеф французской армии вознамерился подорвать позиции коптов-саррафов, которые, как он открыто заявлял, «совершенно не вызывали у него доверия»²⁰. По приказу Мену они были лишены права непосредственного сбора налогов, который был возложен на глав сельской администрации. Несмотря на то, что за коптами сохранили функции писцов и помощников *шейх ал-баладов* — деревенских старост, их возможности получать выгоду нечестным способом путем финансовых махинаций значительно сократились. Мусульмане Египта, до предела раздраженные коптским доминированием в налоговой сфере и их лихоимством²¹, с вящим удовлетворением восприняли замысел оккупационных властей «обеспечить сбор налогов без злоупотреблений» и «без какого-либо участия в этом деле <...> коптов»²². Однако место ликвидированных незаконных податей заняли новые разорительные поборы и контрибуции, а к ним прибавились грабительские займы, которые французские оккупационные власти не собирались погашать. В результате французская администрация так и не смогла должным образом отладить фискальную систему страны так, чтобы она работала ритмично, принося казне стабильные налоговые поступления.

Наряду с этим упования христиан Египта на протекцию завоевателей в условиях нарастания межобщинного антагонизма рассеялись как

¹⁹ *Homsy G. Le général Jacob et l'expédition de Bonaparte en Égypte (1798–1801). Marseille, 1921. P. 105.*

²⁰ *Ibid.* P. 121.

²¹ Тема «мздоимства и алчности коптов» еще раз вышла на поверхность, уже когда французский экспедиционный корпус находится на грани поражения. Тем не менее именно тогда была озвучена декларация французских властей о том, что «копты-вымогатели строго наказаны, их предводители привлечены к ответственности за присвоенные ранее суммы, многие управляющие [из числа коптов] арестованы, а их имущество конфисковано в искупление содеянных ими преступлений» (*Homsy G. Le général Jacob et l'expédition de Bonaparte en Égypte. P. 116*). Однако это громогласное заявление на деле было лишь пустыми словами, поскольку эвакуация оккупационной армии была не за горами.

²² *Ал-Джабарти. Египет в период экспедиции Бонапарта. С. 363.*

Семья коптов, XIX в.

дым, поскольку новые власти быстро пришли к мысли о том, что принятая ими на вооружение политика в области этноконфессиональных отношений не только абсолютно бесперспективна, но и опасна, грозя им неизбежными межрелигиозными разногласиями. В конце зимы 1799 г. была частично восстановлена традиционная система налагавшихся на христиан бытовых ограничений. Адептам Христа было приказано опять носить чаалмы темных цветов и им возбранялось во время поста «публично есть и пить, курить табак или делать что-либо подобное на виду у мусульман»²³. Этими шагами, по мысли хрониста Абд ар-Рахмана ал-Джабарти, французы попытались «привлечь к себе сердца жителей [из числа членов мусульманской общины]»²⁴. Более того, для того чтобы подтвердить серьезность своих намерений, французы предприняли показательную акцию: копт, не отказавшийся во время рамадана от курения в общественном месте и затеявший ссору с мусульманином, который поставил ему на вид его неподобающее поведение, был принародно наказан «палочными ударами»²⁵. Однако подобными половинчатыми мерами предупредить очередные всполохи религиозных раздоров было невозможно. Если в период Первого Каирского восстания (октябрь

²³ Ibid.

²⁴ *Homsy G. Le général Jacob et l'expédition de Bonaparte en Égypte. P. 147.*

²⁵ Ibid. P. 147–148.

1798 г.) волна ярости мусульман, захлестнувшая христиан-сирийцев и греков²⁶, коптов не затронула, то ко Второму Каирскому восстанию неприязнь последователей пророка Мухаммада по отношению к адептам Христа достигла такого накала, что гнев остервенелой толпы вылился в жестокие погромы в коптских кварталах. Однако бунтовщики из числа мусульман даже не могли себе представить того, что христиане, веками отлученные от оружия, окажут им ожесточенное вооруженное сопротивление. По свидетельству Абд ар-Рахмана ал-Джабарти, они «защищались, стреляя с верхних этажей домов из ружей и карабинов по собравшемуся в переулках простонародью и солдатам»²⁷, чем еще более разъярили нападавших. Как гласит источник, погромщики начали убивать хозяев захваченных домов, а их тела выбрасывали на улицу на съедение бродячим собакам²⁸. Поскольку кровавые стычки и кровопролитные расправы в христианских кварталах египетской столицы отвлекали повстанцев от схваток с французским гарнизоном, оккупационные власти, стремясь ускорить усмирение восставших, отдали приказ, предписывавший коптам не покидать пределов Каира²⁹. Потребовались немалые усилия, чтобы бойня, бандитизм и мародерство прекратились. Как только восстание было подавлено, французские власти потребовали от столичных обитателей выплаты колоссальной контрибуции. Христиане же, как пострадавшие от произвола во время смуты, в число плательщиков контрибуции включены не были³⁰. Однако Клебер поспешил отмежеваться от упреков в свой адрес, когда его обвинили в прохристианских настроениях. «Я не раз говорил о том, — заявил французский главнокомандующий, — что нас не следует рассматривать как последователей Христа <...> Если мы и дали христианам возможность носить оружие, то лишь <...> для того, чтобы они могли защитить себя от вас [мусульман]»³¹.

Именно Клебер стал инициатором военной мобилизации коптов. После разгрома Второго Каирского восстания он обратился к иерархам

²⁶ Ibid. P. 103. По всей видимости, в основе глубокой неприязни восставших к грекам и сиро-христианам лежало то, что оккупационные власти активно задействовали их для несения полицейской и караульной службы.

²⁷ Ал-Джабарти. Египет в период экспедиции Бонапарта. С. 252.

²⁸ Histoire scientifique et militaire de l'expédition française en Égypte. T. 7. P. 403–404.

²⁹ Kléber en Egypte, 1798–1800. Vol. 4. Kléber, commandant en chef, 1799–1800. Le Caire, 1995. P. 807.

³⁰ Histoire de l'expédition des Français en Egypte par Nakoula El-Turk. Paris, 1839. P. 211.

³¹ Ibid. P. 212.

Му'аллим Джирджис ал-Джаухари, глава коптской общины Египта во время восточной экспедиции Бонапарта. Худ. Мишель Риго

коптской общины: по его словам, они уже «дискредитировали себя связями с французами»³², а посему гарантией сохранности жизни и имущества их сотоварищей могло стать только формирование собственных военных отрядов. Так было положено начало созданию «коптского легиона» — небольшого вспомогательного воинского формирования под командованием му'аллима Йа'куба (1745–1801), костяк которого составили ремесленники и феллахи из Верхнего Египта³³. Легионерам-коптам так и не удалось принять участие в настоящих боевых действиях. Тем не менее печальную память по себе оставили коптские офицеры, которых ал-Джабарти в своем летописном своде не случайно именует «дьяволами»³⁴. Как пособники оккупантов, они лютовали во время карательных рейдов, выступали в качестве свирепых надсмотрщиков над строительными работами и выколачивали налоги из местного населения без жалости и снисхождения.

³² Histoire scientifique et militaire de l'expédition française en Égypte. T.7. P. 471.

³³ Ал-Джабарти. Египет в период экспедиции Бонапарта. С. 468. В описании Абд ар-Рахмана ал-Джабарти рекруты-копты предстают перед нами в самом неприглядном свете: «Йа'куб-копт <...> собрал молодых коптов, обрил им бороды и одел их в форму, сходную с формой французских солдат. Единственное ее отличие состояло в шапке, напоминавшей шляпу, к которой был прикреплен безобразный кусок черного овечьего меха. К этому следует добавить, что коптские солдаты имели омерзительный вид, были черны и издавали отвратительный запах» (там же. С. 411).

³⁴ Там же. С. 358.

Права христианского меньшинства Египта расширились не только за счет привлечения его представителей к военной службе. Впервые в египетско-османской истории христиане были задействованы в традиционных высших органах власти — *диванах*³⁵. В деятельности первого карирского Большого дивана наряду с носителями высшего духовного авторитета — *'улама'*, военачальниками, возглавлявшими *оджаки* (османские воинские корпуса), видными представителями купечества и др. принимали участие как копты, так и сирийские христиане³⁶. Однако к работе Малого дивана, ответственного за текущие дела, они допущены не были, что скорее всего было связано с боязнью французов спровоцировать протестные настроения в мусульманской *умме*³⁷. Приступивший к работе после Первого Каирского восстания Большой диван нового созыва также вообрал в себя несколько христиан, в том числе коптов и сирийцев, а реформированный Малый диван на этот раз включал нескольких лиц христианского вероисповедания, в том числе двух коптов³⁸. Однако прерогативы христиан в Малом диване, возобновившем работу после драматических перипетий Второго Каирского восстания, были сведены к минимуму. Хотя из состава этого дивана их не убрали, но по приказу генерала Мену оставили за ними лишь право совещательного голоса³⁹.

Копты пополнили состав образованного в 1798 г. арбитражного суда (*махкамат ал-кадайа*), единственного новшества французских властей в области местного судоустройства. В этом судебном органе, в задачи которого входило рассмотрение исков в отношении коммерческих операций, гражданских дел, вопросов наследования и т.п., были представлены обе конфессии в лице 6 коптов и 6 мусульман⁴⁰. Анализируя последствия представительства коптов в диванах периода присутствия французов на египетской земле и в новом судебном ведомстве, не при-

³⁵ *Диван* — собрание вельмож при государе с совещательными, исполнительными, судебными и законодательными функциями. Об истории диванов во время пребывания французов в Египте см.: Кириллина С.А., Рябков М.Г. Система управления и мусульманское судопроизводство Египта в период экспедиции Наполеона I Бонапарта (1798–1801) // Восток в новое время. Экономика, государственный строй. М., 1991.

³⁶ *Ал-Джабарти*. Египет в период экспедиции Бонапарта. С. 95.

³⁷ *Умма* — в исламе религиозная община.

³⁸ *Al-Jabarti Abd al-Rahman*. Al-Jabarti's Chronicle of the First Seven Months of the French Occupation of Egypt. Tarikh muddat al-Faransis bi-Misr. Leiden, 1975. P. 119/95; *Ал-Джабарти*. Египет в период экспедиции Бонапарта. С. 128; *Correspondance de Napoléon I-er*. T. 5. P. 223.

³⁹ *Histoire scientifique et militaire de l'expédition française en Égypte*. T. 8. P. 83.

⁴⁰ Детали о работе *махкамат ал-кадайа* см.: *Ал-Джабарти*. Египет в период экспедиции Бонапарта. С. 88–90.

Осада Акки, 1799 г. Гравюра из альбома: *Victoires et conquêtes des Armées françaises*.
Album militaire illustré couleurs. Paris, ca 1900

ходится констатировать, что они обрели реальные рычаги власти в сфере управления и правосудия, так как сами диваны были не чем иным, как марионеточными органами власти, полностью зависимыми от оккупационной администрации, а *махкамат ал-кадайя* функционировал сколь недолго, столь и малоэффективно.

Поход Бонапарта в Сирию в 1799 г. и отношение к местным христианским общинам

Поход французской армии во главе с Бонапартом в Сирию весной 1799 г. со стратегической точки зрения стал следующим логическим шагом после завоевания Египта. События этого важного этапа французской экспедиции также повлияли на отношения между мусульманами и христианами в регионе. Замысел Бонапарта состоял в том, чтобы занять прибрежные районы от Эль-Ариша до хорошо укрепленной Акки (Сен-Жан д'Акр). После этого французской армии предстояло вести наступление на Дамаск и далее на север с тем, чтобы захватить все сирийские эйалеты⁴¹ Османской империи. По прошествии многих лет,

⁴¹ В XVIII в. Османская Сирия (включая Палестину и Ливан) делилась на четыре крупные провинции (эйалета или пашалыка): Хaleb (Алешпо), аш-Шам (Дамаск), Тарабулус аш-Шам (Триполи) и Сайда.

находясь в ссылке на о. Святой Елены, Наполеон, предаваясь воспоминаниям о походе 1799 г., так оценивал возможный ход событий: «Если бы Сен-Жан д'Акр был взят, французская армия устремилась бы на Дамаск и Алеппо и в мгновение ока оказалась бы на Евфрате. Христиане Сирии, друзья, христиане Армении присоединились бы к ней <...> И кто знает, что бы из этого вышло? Я дошел бы до Константинополя и до Индии, я изменил бы лицо мира!»⁴² Эти амбициозные замыслы Бонапарта в 1799 г. во многом опирались на исторические аналогии с походом Александра Македонского через Сирию, Месопотамию и Иран в направлении Индии. В то же время французский главнокомандующий, выдавая желаемое за действительность, преувеличивал готовность этнических и конфессиональных меньшинств в сирийских провинциях Османской империи оказать французам дружелюбный прием как освободителям и присоединиться к ним для продолжения похода на восток⁴³.

По воспоминаниям ссыльного императора, в 1799 г. он рассчитывал на то, что в Сирии в ряды французской армии в качестве добровольцев вступят примерно 18 тыс. местных христиан и представителей других конфессий⁴⁴. Соответствующая замыслам французского командования агитация началась еще до вступления армии Бонапарта в Сирию: там заранее распространялись отпечатанные французами в Египте пропагандистские листовки на арабском языке, адресованные местному населению, а эмиссары из числа сирийских христиан распространяли новости о скором приходе победоносной французской армии⁴⁵. Дополнительную уверенность в поддержке со стороны жителей сиро-ливано-палестинского побережья придавало Бонапарту то обстоятельство, что местное население на протяжении длительного времени страдало от притеснений наместника (*вали*) Сайды — жестокого Ахмад-паши ал-Джаззара⁴⁶. По замыслу французского главнокомандующего, взятие прибрежных крепостей — Газы, затем Яффы и, наконец, оплота ал-Джаззара — Акки должно было вызвать среди жителей сирийских провинций массовое восстание и переход на сторону французов. Особые надежды возла-

⁴² *Esprit du Mémorial de Ste.-Hélène*, par le Comte de Las Cases. T. 1. Paris, 1823. P. 362.

⁴³ *Ibid.*

⁴⁴ *Campagnes d'Égypte et de Syrie, 1798–1799. Mémoires pour servir à l'histoire de Napoléon*, dictés par lui-même à Sainte-Hélène et publiés par le général Bertrand. T. 2. Paris, 1847. P. 25.

⁴⁵ Кобищанов Т.Ю. Христианские общины в арабо-османском мире. С. 199.

⁴⁶ *Ахмад-паша ал-Джаззар* (?–1804) — османский государственный деятель боснийского происхождения, с 1775 г. — наместник Сайдского эялета, в состав которого входил хорошо укрепленный город Акка.

Бонапарт посещает госпиталь чумных больных в Яффе
(11 марта 1799). Худ. Антуан-Жан Гро

гались на христиан-маронитов⁴⁷, обитавших в Горном Ливане, в связи с тем, что маронитская община традиционно воспринимала французов в качестве единоверцев и возможных покровителей. Однако в ходе сирийского похода Бонапарт никоим образом не проявлял особых симпатий к местным христианам и тем более не пытался представлять французскую армию в качестве христианского воинства. Данная линия поведения, вероятно, объяснялась не столько личным равнодушием генерала революционной и республиканской Франции к религии, сколько нежеланием давать мусульманскому большинству жителей Египта и Сирии дополнительный повод для антифранцузских выпадов. Важно и то, что в отличие от Египта Бонапарт рассматривал Сирию не в качестве нового колониального владения Франции, а скорее как предмет торга с Высокой Портой⁴⁸. Ни Директория, ни сам главнокомандующий Восточной армией не желали длительной войны с Османской империей и рассчитывали навязать ей мир на условиях сохранения Египта за Францией. Занятие французскими войсками Сирии с угрозой дальнейшего наступления на Стамбул через Анатолию должно было служить угрозой

⁴⁷ *Марониты* — этноконфессиональная группа арабоязычных ливанских христиан, последователи маронитской церкви — одной из восточных католических церквей.

⁴⁸ *Высокая Порта* — наиболее часто используемое в европейских источниках и исторической литературе наименование столичного правительственного аппарата власти в Османской империи.

с целью принуждения к миру, но конечной целью похода, с французской точки зрения, виделась Индия, а главным противником — не Османская империя, а Великобритания.

Выбор Акки в качестве главного объекта наступления французов в Сирии диктовался тактическими военными соображениями, поскольку захват этого хорошо укрепленного приморского города открывал дорогу на Дамаск и Алеппо. Примечательно, что в то же время Иерусалим с его святынями не привлекал интереса главнокомандующего Восточной армией и не воспринимался им в качестве важной стратегической цели: Бонапарт в своей переписке с Директорией крайне редко упоминал священный город, ни разу не говоря о его сакральной значимости для христиан, и не считал нужным даже направлять отряд войск для его захвата в ходе наступления вдоль побережья к Акке. 9 марта 1799 г. вскоре после взятия Яффы Бонапарт продиктовал послание «шейхам, улама и коменданту Иерусалима». В своем обращении он вновь называл себя «другом мусульман», а также предлагал жителям Иерусалима покориться французской армии и выслать с этой целью депутатов. Важно отметить, что христиане в послании Бонапарта даже не упоминались как особая группа среди жителей города⁴⁹. Это умолчание едва ли можно считать случайным: по всей вероятности, оно было вполне сознательным и объяснялось той же политикой, которая проводилась Бонапартом в Египте. Как верно отмечал впоследствии К.М. Базили⁵⁰, Наполеон стремился «отмыться от всякого пятна крестовых воспоминаний и убедить мусульман в том, что он не имел враждебных видов на их религию»⁵¹. Несмотря на это, вторжение французской армии в Сирию обернулось настоящей трагедией для христиан Иерусалима, поскольку османские власти подозревали их в симпатиях к французской армии. Османский *мутасаллим*⁵² взял в заложники более тысячи жителей города христианского вероисповедания (православных, униатов, католиков, армян). В послании французскому главнокомандующему он обещал пощадить узников (как духовных лиц, так и мирян) в том случае,

⁴⁹ Correspondance de Napoléon I-er. Т. 5. Р. 458.

⁵⁰ Константин Михайлович Базили (1809–1884) — российский дипломат и публицист греческого происхождения, с 1839 по 1853 г. занимал пост консула (затем — генерального консула) России в Бейруте.

⁵¹ Базили К.М. Сирия и Палестина под турецким правительством в историческом и политическом отношениях. М., 2007. С. 98.

⁵² Мутасаллим — османский чиновник, возглавлял округ (*санджак*) в составе провинции (*эйалет*).

если французы откажутся от взятия Иерусалима. Захват священного города весной 1799 г. не входил в первоочередные планы Бонапарта, и он оставил этот инцидент без внимания, а заложники в итоге были освобождены османскими властями⁵³.

Практические действия французских войск в Сирии в то же время едва ли могли вызвать симпатии среди местных христиан. 7 марта 1799 г. армия Бонапарта в ходе кровопролитного штурма овладела Яффой. Обстоятельства захвата Яффы были в высшей степени трагичными: после убийства парламентариев, передавших предложение гарнизону о сдаче на почетных условиях, французская армия взяла укрепленный город штурмом, не щадя ни османских солдат, ни мирных жителей. Атакующие колонны ворвались в город через христианский квартал, на узких улочках которого разъяренные французы убивали без разбора всех встречных, не делая различий между вооруженными и безоружными, христианами и мусульманами⁵⁴. Правда, Бонапарт после взятия города попытался успокоить уцелевших жителей и заручиться симпатиями местных христиан: 13 марта 1799 г. главнокомандующий назначил комендантом Яффы и Рамлы генерала Грезье, приказав ему сформировать диван из семи уважаемых местных жителей, как мусульман, так и христиан⁵⁵. При этом христиане были призваны незамедлительно доказать свою лояльность французам, предоставив вспомогательный персонал для двух военных госпиталей. Местной православной общине Бонапарт велел обеспечить прислугой госпиталь для французских раненых, а католической и армянской общинам — госпиталь для инфекционных больных. На следующий день, 14 марта 1799 г., главнокомандующий направил начальнику штаба армии генералу Бертье⁵⁶ послание, в котором предложил вооружить христианских жителей двух ближайших к Яффе городов — Рамлы и Лидды. Предполагалось, что проявившие лояльность местные жители смогут самостоятельно поддерживать порядок после

⁵³ Кобищанов Т.Ю. Христианские общины в арабо-османском мире. С. 200.

⁵⁴ *Travels in Greece, Turkey, and the Holy Land in 1817–18 by Count Forbin*. London, 1819. P. 56.

⁵⁵ Пьер Жозеф Берардьё де Грезье (1755–1799) — бригадный генерал, во время похода Бонапарта в Египет и Сирию — заместитель начальника штаба главнокомандующего. Скончался от чумы в Яффе.

⁵⁶ Луи Александр Бертье (1753–1815) — один из ближайших сподвижников Наполеона, маршал Империи (с 1804 г.). В 1798–1799 гг. — в звании дивизионного генерала был начальником штаба французской армии в Египте и Сирии, после прихода Наполеона к власти стал военным министром.

продолжения наступления основных сил французской армии на Акку⁵⁷. Как обычно, Бонапарт уделял особое внимание вопросам снабжения войск за счет местных ресурсов и приказал генералу Ланну⁵⁸ направиться с отрядом войск в Назарет (город с преимущественно христианским населением), чтобы собрать необходимые припасы для армии и объявить жителям города о том, что отныне они находятся под защитой Франции⁵⁹.

Во время осады Акки весной 1799 г. Бонапарт надеялся привлечь на сторону французов привыкших к военному делу и отличавшихся высоким боевым духом жителей Горного Ливана — христиан-маронитов, а также друзов⁶⁰. Французский главнокомандующий 20 марта 1799 г. направил эмиру Горного Ливана Баширу II Шихабу⁶¹ личное послание, в котором сообщал об уже одержанных французами победах над войсками Ахмад-паши ал-Джазара и призывал эмира прибыть в лагерь французской армии под Аккой со своими людьми в качестве союзников Франции. Примечательно, что Бонапарт в своем послании говорил о намерении сделать «храбрую нацию друзов» независимой и вернуть ей контроль над Бейрутом⁶². Таким образом французский главнокомандующий отождествлял ливанских горцев именно с друзской общиной, а христиан-маронитов (более многочисленных, чем друзы) даже не упоминал. Можно предположить, что Бонапарт весной 1799 г. не располагал информацией о тайных политических симпатиях Башира II (по происхождению мусульманина-суннита) к маронитской церкви и о его конфликте со знатными семьями друзских эмиров и шейхов. Правитель Горного Ливана не ответил на письмо Бонапарта и занял выжидательную позицию, наблюдая со стороны за ходом осады Акки. Но Бонапарт в то же время пытался убедить своих подчиненных в том, что ополчения ливанских горцев со дня на день присоединятся к французской ар-

⁵⁷ Correspondance de Napoléon I-er. Т. 5. Р. 363.

⁵⁸ Жан Ланн (1769–1809) — один из наиболее видных французских полководцев наполеоновской эпохи, маршал Империи (с 1804 г.). Во время египетского и сирийского походов Бонапарта — бригадный генерал, отличился в ходе штурмов Яффы и Акки, произведен в дивизионные генералы.

⁵⁹ Correspondance de Napoléon I-er. Т. 5. 474.

⁶⁰ Друзы — особая арабоязычная этноконфессиональная община, отделившаяся в XI в. от мусульман-исмаилитов. Друзы компактно проживают в южной части Горного Ливана, а также в горной области Джебель ад-Друз к югу от Дамаска.

⁶¹ Башир II Шихаб (1767–1850) — правитель (эмир) Горного Ливана под османским сюзеренитетом, наиболее видный представитель знатного рода ливанских эмиров.

⁶² Correspondance de Napoléon I-er. Т. 5. Р. 369.

Ливанский эмир Башир II Шихаб (1767–1850). Портрет XIX в.

мии, несмотря на то, что на деле знатные семьи Горного Ливана не могли осмелиться собрать ополчения и прийти на помощь французам без согласия эмира Башира II. Тот, в свою очередь, проявлял осторожность и опасался гнева Ахмад-паши ал-Джаззара в случае, если ему удастся отстоять Акку от атак французоз.

Исторические симпатии ливанских христиан-маронитов к Франции были связаны с восприятием ее прежнего образа как крупнейшей католической державы и покровителя католической церкви. В годы французской революции этот образ по вполне понятным причинам оказался поколеблен. Дополнительным фактором разочарования маронитов стали известия о занятии Рима французскими войсками в 1798 г. и пленении папы Пия VI. К.М. Базили впоследствии дал следующую оценку той пропаганде, которую католическая церковь вела среди христиан Горного Ливана: «Марониты, усердные католики, искони сочувствовали французам, но в эту эпоху духовенство маронитское и духовенство римское, поселенное на Ливане, успели заблаговременно изобразить Бонапартово войско самыми отвратительными красками и учили детей арабской грамоте по переводу составленных римскими миссионерами описаний французской революции»⁶³. Вместе с тем вероятность взятия французами Акки и крушения власти Ахмад-паши ал-Джаззара весной

⁶³ Базили К.М. Сирия и Палестина под турецким правительством. С. 102.

1799 г. воспринималась многими жителями Сирии и Ливана как весьма высокая. В случае такого развития событий французские войска не замедлили бы вступить в Горный Ливан, и глава маронитской церкви патриарх Йусуф Тиййан⁶⁴ не мог остаться в стороне от драматичных событий. Он направил французскому главнокомандующему конфиденциальное послание, говоря о том, что готов наладить с ним дружественные контакты из христианской любви к «братьям французам», но не к самому Бонапарту, «преследовавшему католическую церковь». В ответном послании Наполеон называл себя истинным католиком и даже обещал содействовать распространению влияния католической церкви в Горном Ливане⁶⁵.

Поворотным моментом сирийского похода Бонапарта стала неудача при осаде Акки. После неоднократных попыток взять хорошо укрепленный город французская армия 21 мая 1799 г. сняла осаду и начала отступление в Египет. Это событие вызвало массовый страх среди сирийских и ливанских христиан, которые опасались гнева Ахмад-паши ал-Джаззара и обвинений в симпатиях к французам⁶⁶. Чтобы избежать репрессий, многие христианские семьи прибрежных городов предпочли эвакуироваться в Египет вместе с отступающей армией Бонапарта, и главнокомандующему приходилось думать о судьбе многочисленных христианских беженцев, следовавших за колоннами его войск. Наполеон считал крайне нежелательным прибытие толп сирийских беженцев в Каир по двум причинам: во-первых, это повышало опасность распространения разразившейся ранее в Яффе эпидемии чумы, а во-вторых, беженцы неминуемо принесли бы в Египет сведения о провале осады Акки и связанные с этим панические настроения, что могло полностью дезавуировать французскую пропаганду, изображавшую отступление как возвращение с победой. Для предотвращения такого развития событий Бонапарт 2 июня 1799 г. приказал генералу Бертье оставить христианских беженцев в пустынной местности на Синайском полуострове и в дальнейшем расселить их в восточных районах дельты Нила, но ни при каких обстоятельствах не допускать их прибытия в Каир.

⁶⁴ *Йусуф Тиййан* (1760–1820) — маронитский патриарх с 1796 г. до 1809 г. Проводил политику укрепления связей маронитской церкви с папским престолом.

⁶⁵ *Harik Iliya F. Politics and Change in a Traditional Society: Lebanon, 1711–1845.* Princeton, 2017. P. 203.

⁶⁶ *Al-Shidiyaq Tannus. Kitab Akhbar al-A'yan fi Jabal Lubnan.* Vol. 2. Beirut, 1970 (1859). P. 98.

Во время пребывания во главе французской армии в Египте и Сирии в 1798–1799 гг. Бонапарт руководствовался в первую очередь задачами военной кампании и заботами о поддержании боеспособности войск. Его расчеты и вся система планирования были сугубо прагматичными, а определение судьбы местных христианских общин не входило в число приоритетов. Наиболее откровенно Бонапарт высказался об этом перед своим отъездом из Египта в августе 1799 г. в письме генералу Мену: «Что бы Вы ни делали, христиане всегда будут нашими друзьями <...> Надо не допускать их чрезмерной дерзости, чтобы турки не испытывали против нас такого же фанатизма, как и против христиан, что сделало бы их непримиримыми»⁶⁷.

И сам Бонапарт, и его преемники на посту главнокомандующего Восточной армией Клебер и Мену рассчитывали привлечь на сторону Франции многочисленных добровольцев из числа христиан Египта и Сирии, что, по замыслу французского командования, могло до некоторой степени компенсировать невозможность получения подкреплений из Франции в условиях блокады со стороны британского флота. Но при этом французские генералы по вполне понятным причинам не желали создавать дополнительных поводов для недовольства среди мусульманского большинства жителей Египта, чья лояльность (пусть даже вынужденная) служила залогом шаткой стабильности в завоеванной стране. Таким образом, французская политика в отношении местных христиан отличалась двойственностью, что приводило к взаимным завышенным ожиданиям, а затем к обоюдному разочарованию, которое лишь усиливалось по мере того, как рассеивались надежды на успех военной кампании французской армии в Египте и Сирии.

⁶⁷ Correspondance de Napoléon I-er. T. 5. P. 574.

REFERENCES

1. *Bazili K.M.* Siriya i Palestina pod tureckim pravitel'stvom v istoricheskom i politicheskom otnosheniyah [Syria and Palestine under the Turkish government in historical and political relations]. Moskva: Mosty kul'tury, Gesharim, 2007.
2. *Campagnes d'Égypte et de Syrie, 1798–1799. Mémoires pour servir à l'histoire de Napoléon, dictés par lui-même à Sainte-Hélène et publiés par le général Bertrand.* T. 2. Paris: Au Comptoir des imprimeurs-unis, 1847.
3. *Cezzar Ahmed Pasha.* Nizamname-i Misir. Ed. and transl. from original Turkish by Stanford J. Shaw. Ottoman Egypt in the Eighteenth Century. The Nizamname-i Misir of Cezzar Ahmed Pasha. Cambridge, Massachusetts: Harvard University Press, 1962.
4. *Correspondance de Napoléon I-er, publiée par ordre de l'empereur Napoléon III.* T. 4–5. Paris: Imprimerie impériale, 1860.
5. *Esprit du Mémorial de Ste.-Hélène, par le Comte de Las Cases, extrait de l'original et reproduit sans commentaires avec l'agrément de l'auteur.* T. 1. Paris: Bruxelles de l'imprimerie de H. Rémy, 1823.
6. *Ekspediciya francuzov v Egipet. Iz zapisok Napoleona, izdannyh posle ego smerti francuzskimi generalami, uchastvovavshimi v sej ekspedicii* [Expedition of the French to Egypt. From the notes of Napoleon, published after his death by French generals who participated in this expedition] / *Perevod s francuzskogo* [Translation from French]. Moskva: V Universitetskoj Tipografii, 1832].
7. *Harik Iliya F.* Politics and Change in a Traditional Society: Lebanon, 1711–1845. Princeton: Princeton University Press, 2017.
8. *Histoire de l'expédition des Français en Egypte par Nakoula El-Turk.* Publiée et traduite par M. Desgranges aîné, secrétaire interprète du Roi. Paris: Imprimerie Royale, 1839.
9. *Histoire scientifique et militaire de l'expédition française en Égypte.* T. 5–8. Paris: A.-J. Dénain, 1830–1836.
10. *Homsy G.* Le général Jacob et l'expédition de Bonaparte en Égypte (1798–1801). Marseilles: Les Éditions Indépendantes, 1921.

11. *Al-Jabarti Abd ar-Rahman*. Egiptet v period ehkspedicii Bonaparta (1798–1801) [Egypt during the Bonaparte expedition (1798–1801)] / Perevod s arabskogo, predislovie i primechanija I.M. Fil'shtinskogo [Translation from Arabic, preface and notes by I. M. Filshtinsky]. Moskva: Nauka, 1962.
12. *Al-Jabarti Abd al-Rahman*. Al-Jabarti's Chronicle of the First Seven Months of the French Occupation of Egypt. Muharram — Rajab 1213, 15 June — December 1798. Tarikh muddat al-Faransis bi-Misr. Edited and translated by Shmuel Moreh. Leiden: E.J. Brill, 1975.
13. *Jomard E.F.* Mémoire sur la population comparée de l'Égypte ancienne et modern // Description de l'Égypte ou, recueil des observations et des recherches qui ont été faites en Égypte pendant l'expédition de l'armée française. 2 éd. T. 9. Paris: Imprimerie de C.L.F. Panckoucke, 1829.
14. *Kirillina S.A.* Bunabardi-pasha i «voinstvo shajtana»: islam v politike Vostochnoj ekspedicii Bonaparta (1798–1801 gg.) [Bunabardi Pasha and «Army of Shaitan»: Islam in the Policy of the Eastern Expedition of Bonaparte 1798–1801] // Francuzskij ezhegodnik 2017: Franciya i Sredizemnomor'e v Novoe i Novejshee vremya [Annual of French Studies 2017: France and the Mediterranean in Modern and Contemporary Times]. Moskva: IVI RAN, 2017. S. 219–238.
15. *Kirillina S.A., Ryabkov M.G.* Sistema upravleniya i musul'manskoe sudoproizvodstvo Egipta v period ekspedicii Napoleona I Bonaparta (1798–1801) [The system of government and Muslim legal proceedings in Egypt during the expedition of Napoleon I Bonaparte (1798–1801)] // Vostok v novoe vremya. Ekonomika, gosudarstvennyj stroj [East in modern times. Economy, state system]. Moskva: Nauka, 1991. S. 129–145.
16. Kléber en Egypte, 1798–1800. Présentation et notes par Jacques et Henri Laurens. Vol. 4. Kléber, commandant en chef, 1799–1800. Le Caire: Institut français d'archéologie orientale, 1995.
17. *Klot-bey A.B.* Egiptet v prezhnem i nyneshnem svoem sostoyanii [Egypt in its former and present state] / Perevod s francuzskogo A.A. Kraevskogo [Translated from French by A.A. Kraevsky]. Ch. 1. St Petersburg: V Tipografii SHTaba Otdel'nogo korpusa vnutrennej strazhi, 1843.
18. *Kobishchanov T.Y.* Hristianskie obshchiny v arabo-osmanskom mire (XVII — pervaya tret' XIX v.) [Christian communities in the Arab-Ottoman world (XVII — first third of the XIX century)]. M.: Dobroe slovo, 2003.
19. *Lane E.W.* An Account of the Manners and Customs of the Modern Egyptians. The Definitive 1860 Edition. Cairo; New York: The American University in Cairo Press, 2003.

20. *Napoleon I. Izbrannye proizvedenija* [Selected works]. Moskva: Voenizdat, 1956.
21. *Al-Shidyag Tannus. Kitab Akhbar al-A'yan fi Jabal Lubnan*. Vol. 2. Beirut: Publications de l'Université Libanaise, 1970 (1859).
22. *Travels in Greece, Turkey, and the Holy Land in 1817-18 by Count Forbin*. London: Printed for Sir Richard Phillips and Co., 1819.

Ключевые слова:

Османская империя, Франция, египетская экспедиция Бонапарта, Османский Египет, Османская Сирия, конфессиональные меньшинства, христиане, копты, марониты.

Svetlana A. Kirillina, Dmitry R. Zhantiev

BONAPARTE'S EXPEDITION TO EGYPT AND SYRIA (1798–1801) AND HIS POLICY TOWARDS LOCAL CHRISTIANS

The article examines the main aspects of the policy of the French military command in relation to the Christian communities of Ottoman Egypt and Ottoman Syria during the expedition of Bonaparte (1798–1801). Particular attention is paid to the plans of Bonaparte and his successors as commander-in-chief to attract Egyptian and Syrian Christians to cooperate with the French occupation administration as officials and soldiers of auxiliary military units. The article also examines French propaganda in comparison with practical actions towards Egyptian Copts and Syrian Christians, and the response from both Christian communities and the Muslim majority of the population of Ottoman Egypt and Ottoman Syria. The contradictions and ambiguity of the policy of Bonaparte and his successors as commander-in-chief of the Eastern Army – Kleber and Menou towards local Christians are revealed. The French command considered Eastern Christians as potential allies, but at the same time did not dare to express special sympathy for them, since such actions could cause outrage among the Muslim majority of the population and create the impression that the French are waging a religious war against Islam and Muslims. The article concludes that this inconsistency was one of the reasons for the failure of Bonaparte's Egyptian expedition, when the French army was cut off from France during the hostilities in Egypt and Syria and at the same time could not replenish its ranks with volunteers from among the local residents.

Key words: Ottoman Empire, France, French campaign in Egypt and Syria, Ottoman Egypt, Ottoman Syria, confessional minorities, Christians, Copts, Maronites.

Svetlana A. Kirillina – Dr. Hab. (History), Professor, Head of the Department of Middle and Near East History, Institute of Asian and African Studies, Lomonosov State University

Dmitry R. Zhantiev – PhD (History), Associate Professor, Department of Middle and Near East History, Institute of Asian and African Studies, Lomonosov Moscow State University.

 Кириллина Светлана Алексеевна

доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой истории стран Ближнего и Среднего Востока, Институт стран Азии и Африки Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова

 Жантiev Дмитрий Рустемович

кандидат исторических наук, доцент кафедры истории стран Ближнего и Среднего Востока, Институт стран Азии и Африки Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова

DOI: 10.35549/HR.2022.2021.38.003

Т.Ю. Кобищанов

РАЗБОЙНИКИ С БОЛЬШОГО СУЛТАНСКОГО ТРАКТА:

борьба Великого визиря с деребеями Киликии
во время похода против Наполеона Бонапарта 1799 г.

Последняя треть XVIII в. стала для Османской империи периодом глубочайшего структурного кризиса, усугубленного поражениями в войнах с Россией 1768–1774 и 1787–1791 гг. Унизительные условия Кючук-Кайнарджийского (1774 г.) и Ясского (1791 г.) мирных договоров, проявленная османской армией неспособность противостоять войскам «неверных», истощение государственной казны и последовавшее усиление налогового гнета привели к падению авторитета султанской власти и усилили центробежные тенденции. Упадок османской административной системы укрепил позиции разнородных провинциальных лидеров: как входивших в официальный аппарат управления, так и пребывавших за его рамками.

В этом ряду несколько особняком стояли *деребеи*. В современной турецкой историографии термин «деребей» обрел устойчиво негативную коннотацию, став синонимом понятий «тиран» и «бандит». В то же время деребеи были не просто «разбойниками с большой дороги», а выбившимися из низов предводителями, главарями вооруженных шаяк, подчинивших своей власти округу. Особо славились своими разбоями киликийские деребеи. В османских документах они именовались *шаки*

(«грабители», «преступники»), в то же время народные песни воспевали их презрение к закону¹.

В отличие от присылаемых из Стамбула османских чиновников деребеи были местными уроженцами. При этом они не принадлежали и к традиционной племенной знати, не являлись они и военнообязанными землевладельцами-*сипахи*. От городских же лидеров-*аянов* деребеев отличало то, что они предпочитали жить и действовать в сельской, преимущественно горной, местности². Укрепляя свою личную власть, стремившиеся к автономии провинциальные чиновники старались заручиться прочной поддержкой региональных элит, включая деребеев, а большинство представителей последних — добиться официального статуса от османских властей, что повысило бы их престиж и упрочило положение в обществе. В свою очередь, Порта рассматривала деребеев как мятежников, которых следовало уничтожить, а в случае невозможности — наделить официальными титулами и превратить в государственных служащих, облеченных обязанностями по отношению к Стамбулу.

Наиболее удачливым из этих деребеев, таким как Али Тепелени (1750–1822) или Осману Пазвант-оглу (1758–1807), удалось добиться официального признания Стамбула в качестве, соответственно, наместников румелийских провинций Янина и Видин, превратив свои владения в фактические автономии. Армии этих правителей насчитывали тысячи бойцов, при необходимости они могли мобилизовать десятки тысяч ополченцев. Центральное османское правительство — Высокая Порта была вынуждена терпеть самовластие этих региональных лидеров, иногда вступая с ними в конфликты, иногда — довольствуясь внешними проявлениями почтения и покорности. Немало подобных деребеев, хотя и меньшего масштаба, было в ту пору и в Анатолии, а также в Лазистане и Аджарии.

Феномен анатолийских деребеев уже с XIX в. привлекал внимание европейских востоковедов. Некоторые британские наблюдатели видели в них представителей «сельской аристократии», правление которых было предпочтительнее «тирании Стамбула»³. Американский исследователь Эндрю Гуд отмечал, что независимость анатолийских деребеев немало способствовала слабости османского правления в XVIII — нача-

¹ Gould A.G. Lords or Bandits? The Derebeys of Cilicia. *International Journal of Middle East Studies*. 1976, 7 (04). P. 485.

² Ibid. P. 486.

³ Slade A. *Record of Travels in Turkey, Greece, etc. in the Years 1829, 1830 and 1831*. 2nd ed.; London, 1833. P. I. P. 215–220.

ле XIX в. Причем именно деребеи Киликии стали последними, уступившими напору реформ Танзимата середины XIX в.⁴

В разных частях Киликии хозяйничали несколько семейств деребеев. К северо-востоку от хребта Нур (он же Аманос или Гавур-Даджы) при поддержке влиятельного курдского племени *оку изеддинли* укрепился клан Улашлы-беев, сохранявший свое влияние с середины XVIII в. по 1865 г. Восточные склоны Нура были зоной господства беев Чобан-оглу. Подмявшее под себя округ Козан семейство Козан-оглу практически полностью игнорировало власть Стамбула даже в первой половине XIX в.⁵

Столь долгому сохранению деребейских династий Киликии способствовали ее природно-географические особенности. Провинция-*эялет* Адана, или историческая Киликия, являлась одной из наименее развитых областей Османской империи. В Киликии было немало площадей, пригодных для высокопроизводительного сельского хозяйства, однако большинство их оставались невозделанными. Поймы протекавших здесь рек были в значительной степени заболочены, из-за чего местное оседлое население — армяно-, турко- и арабоязычное — страдало от малярии и других эндемических заболеваний⁶. В результате Киликия оставалась областью преобладавшего скотоводческого хозяйства. Кочевые или полукочевые племена курдов и туркоманов весной отгоняли отары овец на высокогорные пастбища, а в конце октября — начале ноября спускали свои стада на зимние стойбища у подножия гор Тавра или далее на восток — в долины Нура, либо на север — к Антакьи. Юго-восточные предгорья Нура были крайней точкой кочевания арабов-верблюдоводов.

Пересеченный рельеф редкозаселенной местности, большинство населения которой вело кочевой образ жизни, делал этот край идеальным разбойничьим гнездом. Труднопроходимые горы Киликии позволяли небольшой группе вооруженных людей успешно противостоять атаке превосходящих сил. Вместе с тем долина Чукурова (Киликийская низменность), по выражению японского османиста Тетсуя Сахара, служила природным шарниром, соединявшим Центральную Анатолию со Средиземноморским побережьем⁷. Через нее же проходил Большой султанский тракт — важнейший караванный путь в Сирию, Египет и Хиджаз, по которому из Стамбула двигались купцы и паломники-*хаджи*. Местное

⁴ Gould A.G. Lords or Bandits? P. 485–506.

⁵ Ibid. P. 490–506.

⁶ Sabara Tetsuya. The 1909 Adana Incident (Part 1): The Adana Province during the Nineteenth Century // Meiji University. Academic Repository. 2010, 9. P. 100.

⁷ Sabara Tetsuya. The 1909 Adana Incident. P. 100.

Карта вилайета Адана (Киликия). Начало XX в.

население традиционно промышляло разбоем, восполняя тем самым свои скудные доходы от сельского хозяйства. Узкие горные проходы Киликии грозили постоянной опасностью проходившим через них торговым и паломническим караванам. Османские власти пытались защитить их, высылая против грабителей карательные экспедиции. Ответом на правительственное давление и стало усиление власти глав разбойничьих шаек — дербеев. Кочевники видели в них защитников от гнета властей и союзников в ограблении караванов. На протяжении XVIII в. анатолийские дербеи настолько усилились, что превратились в подлинных местных властителей. Они облагали податями земледельцев, а иногда и горожан, требовали военной помощи от кочевников и взымали регулярные отступные от караванов, проходивших на подвластной им территории⁸.

Именно с этими дербеями пришлось столкнуться *садразаму*⁹ Кёру Йусуфу Зия-паше (1798–1805 и 1809–1811 гг.), когда летом 1799 г. он двигался во главе армии через Анатолию на освобождение занятого французами Египта. Киликия находится всего в нескольких неделях пути от

⁸ Gould A.G. Lords or Bandits? P. 485.

⁹ *Садразам* (осман. *садр-и азам* или *везир-и азам*) — глава государственного аппарата Османского государства. Он считался «абсолютным представителем» (осман. *векил-и мутлак*) султана, ответственным за военно-политическое состояние империи, все высшие назначения в армии, столичной и провинциальной администрации. В европейской традиции *садразам* именовался Великим (Верховным) визирем (везиром).

Стамбула, однако столь высокопоставленные гости не появлялись в этих местах уже давно. Османские султаны пару столетий старались не покидать Стамбул, а садразамы чаще посещали европейскую часть империи, где им, в частности, приходилось руководить военными действиями против Австрии и России. Так что правители государства не привыкли воочию сталкиваться с реалиями жизни своих азиатских владений, и это столкновение во многом стало для них неожиданностью.

Проводя свою армию через внутренние провинции империи, садразам преследовал две попутные цели. С одной стороны, первоочередной задачей было пополнить войско отрядами местных правителей и снабдить его припасами и фуражом. С другой стороны, появление в османской глубинке главы Порты должно было стать актом утверждения центральной власти, торжества законности и справедливости. Шествующий от города к городу во главе многочисленной армии *сераскер*¹⁰ был обречен вершить правосудие, карать преступников и мятежников, вселять трепет перед могуществом султана.

На деле все вышло иначе.

Как отмечал в реляции Павлу I (1796–1801 гг.) российский посланник в Стамбуле В.С. Томара (1799–1809 гг.), «ничто не представляет столько внутреннее существенное состояние Империи Оттоманской, как приключения на походе с армиею Верховнаго Визиря»¹¹. Проблемы со снабжением провиантом и фуражом, саботаж и открытое неповиновение со стороны провинциальных османских наместников и местной знати, низкая дисциплинированность солдат, не готовых к долгим изнурительным переходам, — все это стало проявляться уже через несколько дней пути по дорогам Малой Азии.

12 дней пришлось потерять сераскеру в районе г. Эскишехир, в северо-западной Анатолии¹². Местный правитель *деребей* Абдалла Джумрукджи-оглу с отрядом из 400 человек укрылся на маленьком островке Ада посреди горной речки Сакарья¹³. Болотистые берега стремительной Сакарьи, ширина которой не превышала трех-четырёх сажень¹⁴, а глу-

¹⁰ *Сераскер* — осман. «главнокомандующий». Двусоставное слово, образованное из персидского *сер* — «голова» и арабского *аскер* — «солдат», «воин».

¹¹ Архив внешней политики Российской империи (АВПРИ). Ф. 89. Оп. 8. Ед. хр. 892. Л. 58 об.

¹² Эскишехир сейчас входит в дюжину крупнейших городов Турции, расположен в 350 км к юго-востоку от Стамбула.

¹³ АВПРИ. Ф. 89. Оп. 8. Ед. хр. 893. Л. 57.

¹⁴ Английская (морская) сажень = 1,83 м.

Великий Визирь на коне. Французская гравюра начала XIX в.

бина — двух-трех, делали прямой штурм острова невозможным, и, убрав подъемный мост, осажденные чувствовали себя в безопасности в подземных жилищах поселения. На штурм о. Ада во главе 14-тысячного корпуса был направлен начальник османской артиллерии *тюфенкчи-баши*. Ему пришлось лично убедиться в справедливости местного предания, которое гласило, что проживавший там дух, «гений места», некогда помог двадцати мятежникам выдержать полуторалетнюю осаду 20-тысячного войска. Отразив атаки и удержав свою ставку, Джумрукджи-оглу получил прощение и, как говаривали, даже был представлен к титулу двухбунчужного паши¹⁵.

Не сумев справиться с непокорным деребеем, садразам устроил показательную расправу над его союзниками. В полусотне километров от Эскишехира находится г. Сёгют, первая столица Османского бейлика, колыбель турецкой государственности. Фактическим хозяином города в то время являлся некий Абдель-Халим, еще один местный уроженец, создавший альтернативный центр власти. Впрочем, с представителем окружной администрации, главой округа-каза Сёгюта Али-эфенди, Абдель-Халиму удалось наладить взаимопонимание на почве совместных «поборов и угнетения бедняков и *райи*¹⁶»¹⁷. Как

¹⁵ АВПРИ. Ф. 89. Оп. 8. Ед. хр. 892. Л. 72; ед. хр. 893. Л. 57–57 об.

¹⁶ *Райя* — здесь: податное население.

¹⁷ *Ад-Дарандали 'Иззет Хасан-эфенди*. Зия-наме. Каир, 1999. С. 223.

Младший офицер янычарского корпуса (слева). Баш-чавуш, унтер-офицер янычарского корпуса, ответственный за ведение реестра (справа). Французская гравюра начала XIX в.

отмечал сопровождавший садразама летописец Иззет Хасан-эфенди ад-Дарандали, «просьбы о справедливости» несчастных жителей уже давно доходили до Высокой Порты¹⁸, но Стамбул не уделял им должного внимания. В 1798 г. теневой правитель Сёгюта решил замахнуть-ся на более крупную добычу. Его жертвой стал спешивший к месту службы новоназначенный наместник Халеба Мухаммад-паша, с которого Абдель-Халим потребовал плату за безопасный проезд через город. Местный губернатор-вали Хаки-паша, которому аян, очевидно, пообещал долю, не стал вмешиваться. В результате на улицах Сёгюта разгорелись настоящие бои между охраной Мухаммад-паши и бойцами Абдель-Халима. Город сильно пострадал, «много людей погибло, торговые лавки были разгромлены и сожжены»¹⁹.

Впрочем, даже столь вопиющая демонстрация непокорности, произошедшая в относительной близости от Стамбула, не побудила Порту отправить карательную экспедицию. Непосредственным поводом для расправы же стала посылка Абдель-Халимом пороха и пуль Абдалле Джумрукджи, столь необходимых ему в борьбе с османскими войска-

¹⁸ Там же.

¹⁹ Там же. С. 224.

Секбан-баша, офицер янычарского корпуса секбан (слева).
Янычар в парадной одежде (справа). Французская гравюра начала XIX в.

ми. Аяну немедленно припомнили все его преступления. Он был обвинен в бунте против султана и тирании своих земляков, неумной алчности, грабежах и насилии. Абдель-Халим был схвачен и казнен, а его имущество конфисковано. Арестованный вместе с ним его ближайший соратник отделался потерей собственности и ссылай²⁰.

Опасаясь того, что любой вооруженный конфликт с непокорным османским чиновником, самовластным аяном или просто главарем крупной разбойничьей шайки может надолго задержать его, Йусуф Зия-паша после неудачи в Эскишехире изменил тактику. Отныне он стремился не карать способных дать отпор нарушителей османской законности, а договариваться с ними. В результате кратковременное появление войска во главе с садразамом не только не приводило к установлению порядка в провинции, но, наоборот, порождало у местных правителей ощущение вседозволенности, а у населения — чувство разочарования и крушения веры в справедливость верховной власти. В «Записке константинопольских вестей и разглашений», бюллетене российского посольства в Стамбуле, за октябрь 1799 г. сообщалось: «Равным образом разорена Верховным Визирем вся Азия

²⁰ Там же.

Османские иррегулярные солдаты (Эгейское побережье). Изображение XIX в.

и наполнена разбойниками и бунтовщиками до того, что Алеппские купцы принуждены оставить свою коммерцию»²¹.

В частности, Йусуф-паше пришлось смириться с невозможностью наказать другого дерзкого: правителя округа Пайяс Халиль-пашу (ум. 1808), более известного под именем Кючюк Али-оглу из рода Кара Осман, на бесчинства которого поступало множество жалоб как от европейских негоциантов, так и от подданных султана.

В 60-е гг. XVIII в. на страницах османских хроник впервые появился некий Кючюк Али, простой бандит, промышлявший ночными налетами на сады, окружавшие город Пайяс²². Садоводы, устав терпеть убытки, стали откупаться от грабителя: кто *ратлем*²³ кофе, а кто — несколькими ратлями риса. Подпитываясь этими поборами, шайка Кючюк Али разрослась до 40–50 человек. Способные дать ей отпор влиятельные горожане один за другим гибли в устроенных бандитами засадах, и вскоре весь город оказался в их руках. С 1778 г. власть над Пайясом и окрестностями залива Александретты перешла к сыну Кючюк Али — Халилю.

²¹ АВПРИ. Ф. 90. Оп. 1. Ед. хр. 1415. Л. 119.

²² Gould A.G. Lords of Bandits? P. 486.

²³ *Ратль* (от греч. λίτρος) — исламская мера объема, близкая по значению к одному из европейских фунтов. Канонический ратль по шариату должен был состоять из 130 дирхамов, что составляло примерно 406,25 г.

Всего в Пайясе, по оценке французского консула в Халебе Луи Александра де Корансе²⁴, можно было насчитать не более 500 мужчин, способных носить оружие²⁵, отряд деребей составлял в обычное время 200–300 бойцов. Осознавая слабость своих сил, Халиль Кючюк Али-оглу воздвиг на окружавших Пайяс высотах в районе Карбезяз²⁶ своеобразную потемкинскую деревню из сооружений, внешне выглядевших как неприступные замки, на деле же «на две трети состоявших из грязи, а на треть — из мела, и часто не выдерживавших даже сильного ночного дождя»²⁷. Основные доходы деребей получал, грабя проезжих купцов и изредка заходившие в порт торговые суда, а также вымогая дань с ежегодно пересекавшего его владения каравана хаджа. Пошлину за проход через Пайяс приходилось платить даже правительственным курьерам-татарам²⁸.

Время от времени, когда терпение Порты иссякало, она отправляла в провинцию карательные экспедиции, от которых Кючюк Али-оглу укрывался в скалистых, заросших глухим лесом горах. Переждав некоторое время у своих союзников, беев кочевых племен, он получал прощение Порты и возвращался обратно. В 1786 г. на Пайяс обрушился удар крупных османских сухопутных и военно-морских сил, которыми командовали соответственно садразам Шахин Али-паша (1785–1786 гг.) и глава флота капудан Гази Хасан-паша. Деревню и на этот раз удалось ускользнуть²⁹. Надеясь умиротворить владыку Пайяса, Порта наделяла его все новыми титулами, в итоге возвысив до ранга трехбунчужного паши и даровав почетное звание «защитника дороги в Мекку»³⁰. Впрочем, сам деребей относился к этим пожалованиям довольно иронично.

²⁴ Луи Александр Оливье де Корансе (1770–1832) — французский ориенталист, дипломат и экономист. Принимал участие в экспедиции в Египет и Сирию (1798–1801), в 1802 г. был назначен на пост французского консула в Халебе, затем переведен на аналогичную должность в Багдад.

²⁵ *Corancez L.A.O. de. Itinéraire d'une partie peu connue de l'Asie Mineure, contenant: la description des régions septentrionales de la Syrie; celle des côtes méridionales de l'Asie Mineure et des régions adjacentes encore peu connues; l'examen des causes de l'abaissement du niveau à l'extrémité du bassin oriental de la Méditerranée, etc, etc...* Paris: J.M. Ebehrard & Antoine-Augustin Renouard, 1816. P. 98.

²⁶ Сейчас входит в границы г. Пайяс.

²⁷ *Barker J. Some Account of Cuchuk Ali in a Letter from John Barker, Esq. to his Excellency the Earl of Elgin, Dated Aleppo, the 20th November, 1800 // Travels in Egypt and Nubia, Syria and Asia Minor; During the years 1817 & 1818 by the Hon. Charles Leonard Irby and James Mangles, Commanders in the Royal Navy. L., 1823. P. 542.*

²⁸ *Corancez L.A.O. de. Itinéraire d'une partie peu connue de l'Asie Mineure. P. 98.*

²⁹ *Gould A.G. Lords or Bandits? P. 486.*

³⁰ *Ibid. P. 487.*

Когда очередной присланный *кау́к* — церемониальный головной убор, право носить который имели чиновники ранга паши, — не налез на непропорционально большую голову³¹ Кючюк Али-оглу, он высказался, что «очевидно, эти кауки не созданы для настоящих голов»³².

Превратившийся в разбойничье гнездо Пайяс приобрел дурную славу у османских и иностранных купцов, они стали избегать заходить в его гавань. За несколько десятилетий процветавший Пайяс, центр шелководства и торговли, превратился в бедное захолустье, затерроризированное население которого не могло обеспечить потребностей своих новых хозяев. Впрочем, сам дербей продолжал вести весьма аскетичный образ жизни, обходясь без предметов роскоши и подавая тем самым пример своим солдатам. По воспоминаниям потомственного дипломата Уильяма Буркхардта Баркера³³, проведенного молодость в Халебе, Кючюк Али-оглу весьма гордился дисциплиной, поддерживаемой в его маленьком войске. «Я не такой, как остальные дербеи, у которых нет веры и которые позволяют своим людям останавливать путешествующих по султанскому тракту [соединявшему Стамбул с Меккой и Мединой. — Т.К.], — заявлял правитель Пайяса, — я доволюсь тем, что посылает мне Аллах»³⁴.

Утрату доходов Халиль Кючюк Али-оглу компенсировал, организовав разбойничьи вылазки за пределы контролируемого им района. Не гнушался он и похищением людей, способных заплатить выкуп. В список его жертв вошли *кади* (шариатский судья) Халеба и направлявшийся в этот же город на службу голландский консул³⁵. Незадолго до появления летом 1799 г. в Южной Анатолии султанской армии правитель

³¹ Кючюк Али-оглу, судя по описанию младшего Баркера, в 1800 г. являл собой весьма колоритную фигуру. Невзирая на свои 60 лет, поджарый и мускулистый, невысокого роста, с непропорционально большой головой, круглым и плоским лицом, он при разговоре непрерывно сопел, причиной чего, по мнению британца, являлся дефект строения его носа. «Впрочем, — добавлял Уильям Баркер, — этот стиль общения считается у турок весьма модным, и они копируют его друг у друга, не сомневаясь, что так их речь звучит более внушительно» (*Barker W.B. Lares and Penates: on Cilicia and its Governors; being a short historical account of that Province from the earliest times to the present day.* L., 1853. P. 77).

³² *Barker W.B. Lares and Penates.* P. 79.

³³ Уильям Буркхардт Баркер (1810–1856) — британский ориенталист, сын Джона Баркера, крестник знаменитого швейцарского путешественника Иоганна Людвига Буркхардта. В 1830-е гг. путешествовал по Ближнему Востоку, в дальнейшем преподавал арабский, турецкий, персидский языки, а также хинди и другие языки Индостана в Итоне.

³⁴ *Barker W.B. Lares and Penates.* P. 79.

³⁵ *Gould A.G. Lords or Bandits?* P. 487.

Османские иррегулярные солдаты (Эгейское побережье). Фотография XIX в.

Пайяса в очередной раз «проштрафился», сперва похитив группу английских моряков, имевших несчастье высадиться на берег пополнить запасы пресной воды³⁶, а затем разграбив караван британской Ост-Индской компании, оценившей убытки в 80 тыс. пиастров³⁷. Общий объем претензий британских, австрийских, рагузских и других подданных к Кючюк Али-оглу превышали 150 тыс. пиастров³⁸. Не в последнюю очередь под давлением дипломатов Йусуф Зия-паша был вынужден заняться делом правителя Пайяса.

Прибытие садразама в Пайяс и показательная расправа над Кючюк Али-оглу должны были стать очередной демонстрацией силы центральной власти и ее триумфом. Вместо этого Порте пришлось пережить небывалый позор. Воспоминания о произошедшем в деталях запечатлел не только российский агент в султанской армии Энрико Франкини, но и французский и британский консулы в Халебе (Алеппо) Луи Александр Корансе и Джон Баркер³⁹, а также упомянутый выше сын последнего — Уильям Буркхардт Баркер. Повествование Иззета Хасан-эфенди ад-Да-

³⁶ *Barker W.B. Lares and Penates. P. 79.*

³⁷ *Barker J. Some Account of Cuchuk Ali. P. 542–543.*

³⁸ АВПРИ. Ф. 89. Оп. 8. Ед. хр. 895. Л. 73.

³⁹ *Джон Баркер (1771–1849)* — британский дипломат. Родился в Смирне (Измире) в семье купца Левантийской компании, в дальнейшем служил на должностях консула Британии в Халебе (1799–1825), Александрии (1826–1829), генерального консула в Египте (1829–1833).

рандали, который пытался представить события в выгодном для своего патрона свете, оставляют ощущение неловкости и недосказанности.

При приближении османских войск к Пайясу Кючюк Али-оглу традиционно бежал в горы, заставив эвакуироваться и население города. Все упреки отправленного к нему на переговоры Мухаммада Рашид-эфенди, *амин аль-дафтара* (главы счетно-финансовой службы) Высокой Порты, правитель Пайяса высокомерно отверг как «ложные и безосновательные обвинения»⁴⁰. Понимая, что уже выбившийся из графика садразам не имеет времени штурмовать его позиции, Халиль-паша наотрез отказался предоставить ему необходимое продовольствие даже на условиях предоплаты. Впрочем, дабы не ссориться окончательно с Портой, сопровождать обратно Рашид-эфенди Кючюк Али-оглу отправил своего младшего сына с «щедрыми дарами»⁴¹.

В результате, чтобы прокормить солдат, османское командование было вынуждено отдать приказ о доставке провианта морским путем в Искендерун (Александретту), следующий пункт остановки армии; те же два дня, что войска пересекали владения Кючюк Али-оглу, они были вынуждены питаться сухарями⁴².

Османское войско воспринимало перебои с продовольствием крайне болезненно. «Непослушание начальств турецких на сухом пути и худое исполнение везде повелений»⁴³ стало главным тормозом в продвижении армии, лишая солдат необходимого довольствия и понижая их боевой дух. «Кусок хлеба с луком составляют ежедневную еду большинства, рис — это роскошь, а мясо — лакомство», — описывал британский уполномоченный Дж. Мориер рацион рядовых военных в этом походе⁴⁴. Османское командование не знало «как в таком случае изворотиться»⁴⁵, чтобы обеспечить элементарные потребности не только своих солдат, но даже иностранных советников и наблюдателей. Уже через несколько дней после начала похода Энрико Франкини жаловался на «дороговизну и невозможность раздобыть съестные припасы, солому и дополнитель-

⁴⁰ АВПРИ. Ф. 89. Оп. 8. Ед. хр. 2256. Л. 3.

⁴¹ *Ад-Дарандали*. Зийя-наме. С. 239.

⁴² Сухой хлеб (тур. *пексимет*) являлся основой пищевого довольствия османской армии в походных условиях. В благоприятных обстоятельствах этот рацион пополнялся свежим хлебом, луком, вареным или вяленым мясом и *пилавом* — вареной пшеничной крупой (*булгар*) с маслом.

⁴³ АВПРИ. Ф. 89. Оп. 8. Ед. хр. 892. Л. 15–15 об.

⁴⁴ *Morier J.P. Memoir of a Campaign with an Ottoman Army in Egypt, from February to July 1800*. L., 1801. P. 17–18.

⁴⁵ АВПРИ. Ф. 89. Оп. 8. Ед. хр. 892. Л. 15 об.

Крепость в комплексе Пайяс. Современная фотография

ный паек ячменя, конские подковы, обеспечить ремонт седел, вьюков и прочих предметов повседневной необходимости»⁴⁶. Дошло до того, что глава османской канцелярии *раис-эфенди* распорядился выделить из своей личной конюшни солому для лошадей российского представителя, чтобы они не передохли с голоду⁴⁷.

С самого своего прибытия в Пайяс садразам Йусуф-паша «клятвами, заверениями и обещаниями»⁴⁸ пытался заставить непокорного наместника явиться к нему на встречу. Свидание состоялось, но явно не при тех обстоятельствах, на которые рассчитывал глава османского правительства. Недаром Корансе называл Кючюк Али-оглу «самым дерзким и отважным воров из всех ага, которые не признавали власть Высокой Порты»⁴⁹. В тот момент, когда сераскер, окруженный лишь сотней телохранителей, приближенных и слуг, по традиции последним выступал из города, к нему подъехал спустившийся с гор Кючюк Али-оглу в сопровождении нескольких сотен вооруженных всадников⁵⁰. Йусуф-паша мгно-

⁴⁶ Там же. Л. 23.

⁴⁷ Там же.

⁴⁸ АВПРИ. Ф. 89. Оп. 8. Ед. хр. 2256. Л. 3 об.

⁴⁹ *Corancez L.A.O. de. Itinéraire d'une partie peu connue de l'Asie Mineure. P. 97.*

⁵⁰ Франкини сообщает о пятистах всадниках (АВПРИ. Ф. 89. Оп. 8. Ед. хр. 2256. Л. 3 об.), Корансе — о двухстах (*Corancez L.A.O. de. Itinéraire d'une partie peu connue de l'Asie Mineure. P. 99*).

венно оказался «в положении пленника того, кого собирался пленить сам»⁵¹. Садразаму не оставалось ничего, кроме как проявить всяческую «любезность» и после продлившейся не более четырех минут беседы с явным облегчением покинуть Пайяс и его правителя⁵².

Иззет Хасан-эфенди ад-Дарандали оставил нам содержание этого разговора. Хронист, со своей стороны, отметил «ловкость» Халиль-паши, который явился приветствовать «высокое стремя» главы Высокой Порты в момент отбытия того из крепости. Далее якобы состоялся следующий диалог: «Говорят, паша, что ты — отважный смельчак, — с укором сказал главнокомандующий. — Однако очевидно, что удел всего живого — смерть, а люди, особенно смельчаки, ее не предвидят». На это Халиль-паша ему находчиво ответил: «Господин мой, смелость твоего слуги превосходит смелость равных ему и подобных ему. Придало же мне храбрости и мужества явиться к высшим визирям не отсутствие почтительного страха, о чем все знают и могут это подтвердить. И не боязнь силы неустрашимого полководца и доблестного льва, которым является мой господин. Не зазорно мне уважить его рабов и воздать им почет. Это само собой разумеющееся дело, не нуждающееся в доказательствах или аргументах»⁵³.

Несомненно, ад-Дарандали старался выставить своего патрона в выгодном свете. Однако и в этом пересказе обращает на себя внимание сочетание внешней почтительности и скрытой дерзости слов Кючюк Али-оглу. Ни о каких поставках продовольствия речь уже не шла. И даже то, что самоуверенный правитель Пайяса, осознавая превосходство своего отряда над немногочисленной свитой Зия-паши, смиренно попросил у него разрешения удалиться⁵⁴, являлось лишь соблюдением приличий.

После столь «теплого» приема, безнаказанно оказанного великому визирию, авторитет Халиль-паши, как отмечали в российском посольстве, возрос и его верховенство было принято «многими шайками разбойников, ... которые, — сообщал В.С. Томара, — наполняют и другие ча-

⁵¹ *Corancez L.A.O. de. Itinéraire d'une partie peu connue de l'Asie Mineure. P. 99.*

⁵² АВПРИ. Ф. 89. Оп. 8. Ед. хр. 2256. Л. 3 об. Корансе, явно смакуя эту историю, напротив, рассказывал, что Кючюк Али-оглу еще долго сопровождал садразаму, «радуясь его замешательству и утверждая, что столь многочисленный эскорт он предоставил лишь из почтения к высокому рангу Его Превосходительства» (*Corancez L.A.O. de. Itinéraire d'une partie peu connue de l'Asie Mineure. P. 99.*)

⁵³ *Ад-Дарандали. Зия-наме. С. 239–240.*

⁵⁴ Там же. С. 240.

сти Анатолии и которые прежде начальства его не признавали»⁵⁵. В последующие месяцы упоенный безнаказанностью владыка Пайяса продолжал грабить всех проезжавших через его владения, «особенно тех, что был хоть как-то связан с лагерем [садрамама]»⁵⁶. Апогеем бесчинств Кючюк Али-оглу стал захват в плен голландского консула в Халебе, его старинного приятеля. Восемь месяцев правитель Пайяса продержал дипломата в цепях, подвергая пыткам и пытаясь получить за него выкуп в 25 тыс. пиастров. Убедившись, что близкие голландца могут набрать не более трети требуемой суммы, Кючюк Али провернул неслыханную по наглости аферу. Он конфисковал товары проходившего через его владения торгового каравана, заставив несчастного консула выдать расписку в получении данного имущества и отдав затем «должника» в полное распоряжение ограбленных купцов⁵⁷.

В 1808 г. Кючюк Али-оглу скончался, ему наследовал его сын Деде. В 1817 г. османский наместник в Адане неожиданно схватил и казнил Деде, однако власть в «семейном бизнесе» перешла его брату Мустуку Мустафе, который сохранял власть над Пайясом до середины XIX в.

Модернизация османской армии, начавшиеся в 1839 г. реформы Танзимата и последовавшая политика инкорпорации местных элит в османский военно-бюрократический аппарат смели деребеев с политической арены. Стала невозможной ситуация, подобная той, которая возникла в 1799 г. во время похода садрамама на Египет. В середине XIX столетия местные правители, как включенные в административную вертикаль, так и находившиеся вне ее, были вынуждены отдавать свои властные прерогативы представителям Стамбула; тех, кто пытался сопротивляться, уничтожали. Однако в конце XVIII — начале XIX в. Порта демонстрировала явное бессилие, а европейские державы внимательно наблюдали за проявлениями кризиса провинциального управления, укрепляясь в своем мнении относительно военно-политической немощи Османской империи.

⁵⁵ АВПРИ. Ф. 90. Оп. 1. Ед. хр. 1415. Л. 119.

⁵⁶ АВПРИ. Ф. 89. Оп. 8. Ед. хр. 897. Л. 28.

⁵⁷ *Barker J. Some Account of Cuchuk Ali. P. 534.*

REFERENCES

1. Archive of Foreign Policy of Russian Empire (AVPRI).
2. *Barker J.* Some Account of Cuchuk Ali in a Letter from John Barker, Esq. to his Excellency the Earl of Elgin, Dated Aleppo, the 20th November, 1800 // *Travels in Egypt and Nubia, Syria and Asia Minor; During the years 1817 & 1818 by the Hon. Charles Leonard Irby and James Mangles, Commanders in the Royal Navy.* L., 1823.
3. *Barker W.B.* Lares and Penates: on Cilicia and its Governors; being a short historical account of that Province from the earliest times to the present day. L., 1853.
4. *Corancez L.A.O. de.* Itinéraire d'une partie peu connue de l'Asie Mineure, contenant: la description des régions septentrionales de la Syrie; celle des côtes méridionales de l'Asie Mineure et des régions adjacentes encore peu connues; l'examen des causes de l'abaissement du niveau à l'extrémité du bassin oriental de la Méditerranée, etc, etc... Paris: J.M. Ebehrard & Antoine-Augustin Renouard, 1816.
5. *Ad-Darandali Izzet Hasan-effendi.* Zia-name. Cairo, 1999.
6. *Gould A.G.* Lords or Bandits? The Derebeys of Cilicia. *International Journal of Middle East Studies.* 1976, 7 (04).
7. *Morier J.P.* Memoir of a Campaign with an Ottoman Army in Egypt, from February to July 1800. L., 1801.
8. *Sahara Tetsuya.* The 1909 Adana Incident (Part 1): The Adana Province during the Nineteenth Century // Meiji University. Academic Repository. 2010, 9.
9. *Slade A.* Record of Travels in Turkey, Greece, etc. in the Years 1829, 1830 and 1831. 2nd ed. London, 1833.

Ключевые слова:

Османская империя, Киликия, французская экспедиция в Египет и Сирию, деребеи, Йусуф Зия-паша, Халиль Кючюк Али-оғлу.

Taras Y. Kobishchanov

THE HIGHWAYMEN FROM THE GREAT SULTAN ROAD:

the Fight of the Grand Vizier against the Cilicia's Derebeys
during the Campaign against Napoleon Bonaparte of 1799

The Ottoman resisting the invasion of France to Egypt and Syria in 1798–1801 is one of the least studied plots of the Napoleonic wars. The campaigns of 1799–1800 and 1801, conducted by the Grand Vizier Yusuf Zia-pasha demonstrated both the weakness of the Ottoman army and the crisis of administrative and political management of the Empire. European observers, including Russian ones, could convince with their own eyes how the Sultan's troops were powerless not only to liberate Egypt captured by the enemy, but also to defeat the Derebeys, the leaders of bands of robbers that dominated in Anatolia. The presented article is devoted to the phenomenon of Anatolian Derebeys and to Yusuf Zia-pasha's fighting against them in 1799.

Key words: the Ottoman Empire, Cilicia, the French campaign to Egypt and Syria, Derebeys, Yusuf Zia-pasha, Khalil Kuchuk Ali-oglu

Taras Y. Kobishchanov – Ph.D., Associate Professor at the Department of Near and Middle Eastern History at the Moscow State University, Institute of Asian and African Studies.

 Кобищанов Тарас Юрьевич

кандидат исторических наук, доцент кафедры истории стран Ближнего и Среднего Востока Института стран Азии и Африки МГУ имени М.В. Ломоносова

DOI: 10.35549/HR.2022.2021.38.004

Todd Jeffery Lefko

THE NEW WORLD FROM AN AMERICAN VIEWPOINT

A new world order is developing. It is the end of an American-dominated world, with Washington as the unipolar force and others as reactive forces. The United States will continue to declare dominance, but now seeking acceptance of any responsibility. China will continue to challenge American leadership, following the older American tradition of power being both economic and military. Russia will continue to declare equal decision-making, but dependent upon the vulnerabilities by others and the capability of nuclear weapons. The Chinese-Russian relationship will increasingly be dominated by China, with Russia being viewed as a weakened third-force.

In 1949, George Orwell published his dystopian novel 1984. Fiction contains an element of truth, which has become a new form of the Cold War. Orwell projected a world reflecting expanding surveillance, continuing conflict, and the distortion of information. That world has developed. Orwell creates a division of three major powers, possessing the ability to continue struggle, but without the ability to overcome the others. In the current world, China and Russia form one alliance, the United States a second grouping, and Europe, a third force. Orwell did not see the appearance of Fareed Zakaria's »Rise of the Rest« where India, Brazil, Nigeria, and others

potentially become forces. The concept of the Overton Window declares that a concept or event must arise at the most fortuitous historical point to become reality. The interaction of Russia, China and the United States will produce different current outcomes than past moments

The new world is being shaped daily by forces of technology, communication, pandemics, cyber-warfare, shifting supply chains, corporate power and non-state actors. The answers to the future require asking the right questions. Every new world order produces different questions, whose answers will determine the future. Elements of each set of questions remain the same, such as power, forms of strengths, the access to resources, levels of available technology, and national character. What changes are the actors, technologies, shifting alliances, the momentary definitions of power, and the ability to influence over ever-expanding numbers.

The questions are clear and apparent. The answers are not, but will become the basic deciders. The interconnection of questions increases the complexity of the answers. We seek simplicity in an ever more complex world. The dichotomy increases frustration with our lack of solutions.

These new questions include:

*Has the United States become a neo-isolationist nation?

One of the constants of American foreign policy is the swing between liberal internationalism and realist approaches. The current move in US foreign policy is away from the liberal internationalism which has guided Washington for much of the past seventy years, and a guarded set of international relationships.

Following American losses in the Middle East, those favoring liberal internationalism are in a distinct minority.

Is the prediction of Thucydides that that rivalry between the major power of the day and rising competitors the natural historical path? The American thinker Richard Haass notes that. «There is no guarantee any American posture toward Russia and China would have the desired effect. At least as important a factor, one in part or even largely beyond America influence, will be the internal trajectories of both countries and how their leaders choose to deal with their respective challenges.»¹

The domestic decisions of each nation will determine the form of Thucydides' prediction.

* Are democracy and capitalism models for the future?

¹ Haass Richard. A World in Disarray - American Foreign Policy and the Crisis of the Old Order. Penguin Press, 2017. P. 223.

America made the mistake during the fall of Communism that democracy and capitalism were the automatically the next historical phase. We were foolish. Democracy and capitalism did not replace communism.

Robert Kaplan, reviewing Samuel Huntington's Clash of Civilizations states. «The fact that the world is modernizing does not mean that it is Westernizing. The impact of urbanization and mass communications, coupled with poverty and ethnic divisions, will not lead to peoples' everywhere thinking as we do.»²

Many now question if growing economic inequality is an automatic result of capitalism, and if democracy provides the ability for response in a complex world. Whether capitalism or state centralization of economic development reflects the future remains to be decided.

* What impacts have new technologies produced relative to the control of governmental and individual systems. communications, the internet, privacy, secrecy, hacking, robotics, warfare, AI, commercial and military drones, driverless vehicles, technological disruption, quantum computing, medical changes, big data, and the internet of things?

* Have we created a process where technologies move at a faster rate than governance, ethics, morality and an understanding of second and third-order implications. Has scientific capability outpaced our decisional processes?

* Has our world become dysfunctional? Do others in the world believe this lack of functionality has become reality and requires major changes in governance? If so, what will be the processes and outcomes?

* How has the nature of governance changed across the world relative to authoritarianism and democracy?

* How are the impacts of production and labor, the role of work, structural unemployment, underemployment, changes in demographics, and the shortage of labor in major industries affected the world?

* How do we develop across the world the educational and retraining programs focused upon required future skills.

* Has the growth of worldwide economic inequality changed politics?

* What impact does nationalism and populism have upon national and world order?

* What are the roles of austerity and debt upon required investments?

* What governmental as opposed to private control and development required for economic growth?

---

² Kaplan Robert D. The Return of Marco Polo's World-War, Strategy, and American Interests In the Twenty-First Century. Random House, 2018. P. 163.

* What can be done with failed-states?

* What impact has China and the trade wars had upon supply chains and the world. Will the One-Belt, One-Road become the Chinese path to world domination?

* What impact will the Rise of the Rest have upon the world-considering the role of Iran, Saudi Arabia, Nigeria, Australia, India, North Korea, Brazil, and the potential North to South and East to West divides?

* How do we deal worldwide with the rise of terrorism and non-state actors, like ISIS, Al-Qaeda and both right and left wing nationalistic movement?

* What impact has the fight over globalization produced?

* Can the dollar remain the dominant currency and what would a replacement do to financial stability?

* What is the relationship between continuing pandemics and factors of climate change, supply chains, globalization, and nationalism?

* Has climate change moved beyond the point of governmental control?

* Have societies lost the capacity for human compassion?

* Does perceived power change any concepts of relationship which extend beyond your border? Do we remain tribal in a world in which borders have less meaning? Do national governments remain a relic of societies based upon power?

Power justifies itself, and actions become interpreted in moral and ethical standards.

The Harvard Professor of International Affairs, Stephen Walt cites following the collapse of the Soviet Union: «As President George H.W. Bush and National Security Advisor Brent Snowcroft later recalled, they found themselves ‘standing alone at the height of power’ with the ‘rarest opportunity to shape the world and the deep responsibility to do so wisely for the benefit of not just the United States but all nations.»³

The issue becomes whether increased power alters analysis, both in terms of rationality and meaning.

* How has migration impacted the world? Who has responsibility for the factors producing migration?

* How do we deal with asymmetrical relations in a world where major issues are increasingly becoming international?

* Has fear of nuclear weapons and irrational leaders and loss of mutually assured destruction had any impact upon world action?

---

³ Walt Stephen M. The Hell of Good Intentions-America’s Foreign Policy Elite and the Decline of U.S. Primacy. Farrar, Straus and Giroux, 2018. P. 22.

* If Russia continues to lose economic capacity in a world shifting away from fossil fuels, will the country become more radicalized in attempts to maintain influence.

* How do we deal with the older concepts of «progress», which assumed our future was automatically better than the past. Does society require hope and a belief in improvement for positive change?

* Does authoritarianism hold a false promise for those upset with current systems?

* How can we determine which information to believe, in a world of increasing AI, virtual reality, misinformation, control of the press, and development of national, rather than worldwide internet systems?

* What will we choose in the developing battles between secrecy, privacy and security? What would it mean to lose the ability for individual privacy?

* What will an increasingly centralization of both economies and wealth mean for entrepreneurship and power?

The questions and answers become interrelated. The increasing number of factors produces issues of complexity, where each decisions is felt across a number of nations and relationships.

The world was structured after World War Two to guarantee America control. The World Bank and International Monetary Fund became Washington-dominated. The United Nation was based in New York, as a symbol of US control. The General Agreement on Trade and Tariffs, and the successor World Trade Organization became American tools to manage a global trade system. The difficulty came as the world changed. Costs of communication, travel and trade were reduced. Containerization and global supply chains allowed advantages of worldwide labor and markets. The connector became the world-wide-web, bringing markets and individuals together. Washington and New York believed they controlled the structures, since they had declared America the sole superpower.

Following the collapse of the Soviet Union, Fukuyama declared the «End of History», which American sincerely believed. In Hegelian terms, history ended, but with the victory of «capitalism and democracy». But the rise of China, the failed American conflicts in Vietnam, Iraq and Afghanistan, the ability of American hubris to refuse to understand changes in the world order, and the changes in the meaning of «power» altered the US-based world.

Power has always been based upon the ability of an individual or nation to control the actions of other. Power came from military and economic influence, resource availability, and domination of financial, cultural and

informational centers. Americans assumed power was zero-sum based. That as long as the US maintained control of the former definitions of power, others would not replace America. Nations with perceived power often do not understand the responsibility, depth, effective use, nor moral imperatives of their power. Nations create psychologically a Dunning-Krueger Effect, where a bias develops, and those with limited knowledge or competence who are often in power greatly overestimate their own competence and knowledge relative to others. Short-term thinking replaces long-term thinking, with the maintenance of power becoming the essence of decision-making. It is not simply the «Power corrupts, Absolute power tends to corrupt absolutely» of Lord Acton, but where we make Gods of mortals. The ability of self-assessment leads to errors of judgment.

As Talleyrand is reputed to state, criticizing the actions of Napoleon: «They are worse than a crime, they are a mistake.»

Both Russia and the United States did not understand that power is not a limited quantity, but increases. While Washington and Moscow retained control over the nuclear weapons that could destroy civilization, dependence upon new systems of information would forever alter the nature of power. For the first time, it was not the size of the economy, or the number of troops, bombs, or battleships, but the ability to alter command and control functions, which had become essential.

The world centralized any of our systems of communication and control into the internet. Our finance, power grids, communication and structure of control were increasing in our internet systems. As we centralized our control systems, we decentralized access. The control of weapons, information, banking accounts and power systems was possible from across the world.

An Osama bin Laden, in a cave, could organize a 9/11 attack.

Suddenly, small numbers of Russian hackers in St. Petersburg, Chinese information specialists, Israeli counter-intelligence officers, or American cyber-warriors could change the world.

They understood that the concept of centralizing information, with a connecting systems of finance, business, public and private operations, became the new power. The irony became that the internet, developed as the symbol of world unification became an instrument of division, with governments suddenly seeking to control the flow, production, and distribution of information. Technology was moving at a faster pace than governance or morality. The rapidly developing issues forced reactive responses since the world had not developed strong patterns of planning or joint action on bioethics, climate change, pandemics, cyber warfare, or privacy.

Suddenly, world decisions were being shaped by the Silicon Valley giants, focused upon profit, with little concern for international common good. Power had now become asymmetrical, with investment in research and development, an educated populace, the strength of science and tax policies, availability of resources and national risk cultures becoming the new weaponry. In the United States, the power of the new technology class, their financial ability to both lobby Congress and their growing investments for broad economic control have reduced the ability of the government to limit this new private authority. In Russia, attempts for investment in Skolkovo and new research took second place to the question of benefits being retained in a small group of the power center. International sanctions, the lack of new global investments and governmental limitations upon a potentially strong entrepreneurial class have provided negative projections on Russia's future.

Many dismiss Russia as a spent power.

Russia risks this future, unless they invest more in their infrastructure and alternatives to oil and gas. Whether the Russian power structure allows this potential to develop will determine their future. To dismiss the potential of Russia is a mistake. Timothy Frye declares: «Russia remains a great power, albeit a diminished one...Russia's nuclear capability, geography, and seat on the UN Security Council ensure that it ranks among the great powers-as do its educational, scientific, and energy prowess. The country has more college graduates as a proportion of its population than almost any member of the Organization for Economic Development. It produced an effective COVID-19 vaccine in less than a year, and it will provide Europe with low-cost energy for years to come and remain a major player in global energy markets. Those who dismiss Russia as a regional power are mistaken».⁴

China understood the role of technology and wished to avoid any opportunity for the new capitalists to grow beyond the power of the Chinese Community Party Control.

The Chinese leadership understands as David Goldman notes: «If artificial intelligence is the engine of the Fourth Industrial Revolution, data is the fuel. Consumer of the financial data is one of the most valuable commodities in the emerging world of AI-based fin-tech, and one of the most vulnerable to abuse».⁵ He states «These policies arise out of China's

---

⁴ *Frye Timothy*. Russia's Strong Weakman, The Perilous Bargains that Keep Putin in Power. *Foreign Affairs*, May/June 2021. P. 126–127.

⁵ *Goldman David P.* . China Attempts to Avoids the Monopoly Trap. *American Affairs*, Summer 2021. P. 40.

fundamentally different vision for its technological future. In contrast to America; et on entrenched monopolies with inflated stock prices, China is betting on innovation».⁶

The benefits of that innovation would be controlled by the government.

The Chinese Communist Party clearly understood the implications of the new technologies and focused upon the complete development of this potential, while maintaining full control.

They understood that challenges to the regime would occur through impacts of economic control and potential changes in technology.

The writer Minxin Pei states: «But in a “frozen” post-totalitarian regime, such as that of post-Mao China, reforms of this sort were seen as anathema, because of their potential to undermine one-party rule. Consequently, few real obstacles could block the regime’s regression to neo-Stalinism under Xi».⁷

Xi understood that emerging technologies were the key to party and personal control. Jude Blanchette observes: «Xi also hopes that new technologies can help the CCP overcome, or at least circumvent, nearly all of China’s domestic challenges. The negative impact of a shrinking work force, he believes can be blunted by an aggressive push toward automation, and job losses in traditional industries can be offset by opportunities in newer high-tech sectors... New technologies serve other purposes as well. Facial recognition tools and artificial intelligence give China’s internal security organ new ways to surveil citizens and suppress dissent. The party’s “military-civil fusion” strategy strives to harness these new technologies to significantly bolster the Chinese military’s war fighting capabilities. And advances in green technology offer the prospect of simultaneously pursuing economic growth, and pollution abatement, two goals Beijing has generally seen as being in tension».⁸

China may not possess the strength to directly challenge the United States at this point, but will in the future. The fear of conflict by mistake exists, and with increasingly close proximity of interests, become a greater probability.

The historian Gregory Mitrovich states «While China’s rise may not trigger a Thucydides Trap with the United States, the possibility of conflict remains due to increasing tensions in the South China Sea and the ratcheting

---

⁶ Ibid.

⁷ *Minxin Pei*. China’s Totalitarian Shadow. *Journal of Democracy*, April 2021. P. 21.

⁸ *Blanchette Jude*. Xi’s Gamble-The Race to Consolidate Power and Stave Off Disaster. *Foreign Affairs*, July/August 2021. P. 15–16.

up of threats against Taiwan. Foreign policy matters-wars erupt far more frequently over strategic miscalculation than by grand systemic pressures».⁹

From an American's viewpoint, this is the current nature of the relationship between Russia, China and the United States. There are no formal national doctrines stating the following, but they exist as both reflections and shapers of foreign policy.

AMERICAN POLICY

At this moment, the American foreign policy is under flux following Afghanistan. This is not a new question. The challenge of declinism, as a historical certainty for empires, or as a reflection of the loss of American values and direction has been a theme for years. Had American become so focused on its' own importance, that it had forgotten the nature of power. Or does the flexibility of choice provide a salvation to America's ability to respond to new challenges.

Referring to H.G. Wells *The Invisible Man*, the French philosopher Bernard-Henry Levy observes «it is when a being has made himself invisible that he is at the height of this powers. ... So goes today's empire. It cannot be rule out that it has never been so dominant as it has been since it gave to everyone on the planet – without any shouting from the rooftops, without even showing itself – the mandate to make each other speak, sing, and reveal themselves, since deciding that it would be content to propagate its waves, good and bad, over the seas, the soil, and the summit of the world».¹⁰

American foreign policy is unresolved, only knowing some of the questions, but few of the answers. These questions include: How does a nation extricate themselves from a region, such as the Middle East, but with remains in major issues of Israel, Iran, energy politics, terrorism and a fear that others will move into the space which Washington has fled.

The desire to continuing a position as «Leader of the Free World”, but without the financial, emotional and personnel threat which accompanies this position. This is paired with a growing understanding that the US does not control the world, the way we previously believed.

⁹ *Mitrovich Gregory*. Rising Rival. *The National Interest*, May/June 2021, P. 61.

¹⁰ *Levy Bernard-Henri*. *The Empire and the Five Kings,-America's Abdication and he Fate of the World*. Henry Holt and Company, 2019. P. 106.

Washington seeks control and influence without responsibility or cost. National psychological fatigue has made the US tired of war and unsure of peace. This growth of neo-isolationism has developed within both parties and public opinion.

When George Washington in his 1796 Farewell Address declared that the new nation should avoid «entangling alliances», he foresaw the current mood. Like the Chinese and Russians, we desire alliances which we control and can choose to exit when required. We want others to be loyal toward our interests, without having to be burdened by the interests of others.

* The desire to improve the United States prior to seeking changes internationally.

* The increased fear of the instability in American political and economic systems

* The growth of economic inequality, producing pressures within the political process

* The complexity, interrelationship, and number of issues facing public scrutiny. These include the pandemic, climate change, uneven economic development, divided politics, growing inequality, a loss of faith by many in science, a growing discussion over the role of the United States in the world, changing demographics with whites becoming a plurality, but not a majority of the nation, the renewal of infrastructure, a return on investment in education, the growing control of large corporations, the loss of personal privacy, the growth of urban crime, and the questioning of the ability of American governance. The political strength of interest groups within each sector acts as a imitation upon a wholistic analyses of the problems. Each sector believes their focus is the key to everyone else's problem.

* How to deal with the emergence of China as a competitor, both economically and militarily.

* The fear that America has become a nation with short-term vision, and a loss of a long-term strategy

* The fear of inflation and debt. The growth of governmental decisions being viewed as an expenditure, rather than as investments, The growing discussion over the level and impact of debt relative to GDP.

* The politics of public decision-making. The increasing divisions reject cooperation and compromise, and reinforces the assumption that different interests cannot work together for common solutions.

* The frightening sense that the US has lost its way and has lost the ability to determine what America should be in terms of meaning and as a world power.

* The fear that the rest of the world does not respect America any longer. Americans wish to be loved and become upset when others do not see the US as a model of be emulated. This is a realization that power comes partially through how others perceive the nation, and this admiration is disappearing.

* The growing fear that we are surrendering privacy for stability and security, though the use and sale of our personal data and whether our privacy can be protected.

* We have always viewed ourselves as a nation of immigrants. There is not a growing sense that we no longer wish immigrants, because they take jobs, are not Caucasian, and present alternatives to older concepts of a Christian nation.

* The underlying belief that «the world requires an America as a model» that a relevant, effective, and just system is possible. This understanding has become tied to the possibility that current America can no longer present that possibility to a world which seeks what America was supposed to represent. We are afraid that we have lost the essence of what made the US the model, and this is still required, but forever unavailable. We American are looking in the mirror, and secretly fear that what we previously saw as our pride and quality has disappeared.

RUSSIAN FOREIGN POLICY

Russia foreign policy has the following elements, from the viewpoint of this observer.

* The need for Russia to be recognized and accepted worldwide as a major power. This power demands respect even though they may not be equal economically to other nations.

* Russians make alliances, but believes they are alone in the world. As Czar Alexander III noted, «Russia has two allies-its army and navy.»

* Russia believes they are equal to China in all alliances. The Chinese believe the Russians are an unequal second-class partner ,offering mainly resources and technology to be copied.

* The Russian face great difficulties with their economy. There is a lack of infrastructural investment, a dependence on oil and gas as major sectors, with the knowledge these are of decreasing importance. The fear is that fossil fuels will remain the center of foreign policy, which provides a diminishing role for the nation.

* The fear of bankruptcy if competing with the West for new weapons systems, while realizing that new missiles and weapons are required.

* The need for foreign direct investments in infrastructure, technology, and social welfare. The reality that sanctions have limited the potential of outside investment and a desire that a modus vivendi be reached where the West accepts Crimea as Russian.

* The demand that the world accepts Russian control and influence over border regions. The growing fear that Chinese development of OBOR will move the Stans toward Chinese, rather than Russian influence.

* Russian desires to divide the world into spheres of influence with the US and China. This is a concept rejected by the US.

* The knowledge that Russia requires a strong state domestically as a precondition for advancing international interests. The inability for a sizable investment strategy limits this goal.

* The understanding that Russia cannot face the West militarily, using weapons of the past. This requires a new doctrine of asymmetrical warfare, the Gerasimov doctrine, which balances cyber warfare with military weaponry, and ability to move quickly into international vacuums, and creation of frozen conflicts in Ukraine, the Baltics, Moldova, Georgia and Belarus, limiting these areas from seeking Western alliances.

* The approach of challenging the United States and the West up to a point of conflict and then a retreat to avoid the potential of war.

* The understanding that the current differences with the West are not ideological in terms of communism versus capitalism but based upon realpolitik and not idealism.

* The need to be included at the table in an international settlement as an equal player.

* The need to be considered as capable of advanced cyber and weapons capabilities.

* The desire to be feared, rather than loved.

* The ability to be seen as capable of surviving any foreign attack and providing a response.

* The desire to be seen as a Eurasian nation, with influence in both continents.

* The desire to be seen as the international defender of traditional moral values, relative to religion, the role of women and the family and the protector of perceived historical tradition. This includes a belief that the West has abandoned these values.

* The belief that as Putin stated in 2005, that the «Demise of the Soviet Union was the greatest geopolitical catastrophe of the century with the epidemic of collapse spilling over to Russia itself.»

* The understanding that China will reverse engineer most of the Russian weapons within a decade.

* The continuing fear of the loss of Siberia to China along their 2500-mile border.

* The knowledge that the relationship with China is based upon Russia providing resources and technology, and the Chinese providing markets and funding.

* The knowledge that China believes since Russia is isolated from the world by sanctions and issue regarding the Donbass, Crimea, Georgia, human rights abuses, and election meddling, the Russians do not have many of their negotiating strength of previous years.

CHINESE FOREIGN POLICY

The Chinese foreign policy has the following elements:

* The belief that the future is Chinese and this is a historical inevitability. «We are living in the Asian century, already a time when the movement of global gross domestic product (GDP) from the developed economies of the West to the those of the East is taking place on an astonishing scale-and at astonishing speed....by nearly doubling its share of global GDP (by 2050), to 52 percent, as one recent report put it “Asia would regain the dominant economic position it held some 300 years ago, before the Industrial revolution”». ¹¹

* The belief that they will have control over an expanding geopolitical territory.

* That planning should be done on a long-term, up to 100-year basis-not an American next quarter approach.

* That the One Belt One Road is the key to world economic and political domination.

* That they must develop their domestic economic market, as well as the world market, but essential to this control of key elements of the global supply chain, in terms of rare earth, pharmaceuticals, technological processes, etc.

* The realization that a number of problems exist internally, relative to banking, labor, movement of factories out of China, control of the Uighurs, oversupply of housing, a dependency on coal, climate change and pollution.

¹¹ *Frankopan Peter. The New Silk Roads-The Present and Future of the World. Bloomsbury Publishing. 2019. P. xix.*

* The continuing anger upon Western domination of the past and the «Century of Humiliation». The viewpoint that the actions of other nations are to limit Chinese growth.

* The continuing symbolism of the conflict with Taiwan and the desire of Xi Jinping that his place in history will be assured by the conquest of Taiwan.

* The desire to lessen global dependence upon the dollar, and the rise of the renminbi as the currency of use.

* The desire to ensure state capitalism with the Chinese Communist party controlling private entrepreneurs.

* The understanding that the United States is the major economic and military competition for the present and future.

* The beginning understanding that many nations are reacting negatively toward the terms and repayment of the OBOR investments. The discussion over how to build upon this without producing anti-Chinese reaction.

* The danger of accidental conflict with the United States over expansion of Chinese continental waters and shipping zones.

* The use of Russia as a resource base and initial supplier of technology, while seeking to have the Russian believe they are equal partners. Almost 80% of Chinese arms imports are from Russia, but this number will decrease as the Chinese reverse engineer. Russia requires Chinese electronic components and naval diesel engines, because of western sanctions

* The demands of the Chinese policy hawks who believe China could currently defeat the United States in a war. The danger that this group would gain increased influence in Beijing. This group believes the United States is no longer capable of fighting a two-front war, with Russia engaging America in Europe and China fighting the US in Asia.

* The role of demographics, and the influence of size on decision making – China has roughly ten times as many citizens as Russia and about four times the American numbers.

* The major Chinese textbooks which state that Russia stole Siberia from the Chinese, and that this area will return to China.

THE NEW WORLD

This new context developed as globalization and the Davos man were no longer declared the future. The future of democracy and whether inequality was essential to capitalism became intertwined. Global supply chains

became questioned with the growing economic and military power of China, national security and maintenance of American economic determinism.

The threatening thought appeared that we had built smart bombs, smart cities and smart system, but had failed to develop smarter decision-makers. We have developed a new power context in which our emerging issue were increasingly unrelated to national borders. The growth of nationalism and populism strengthened local demands or decisional control. Existing international institutions proved incapable of providing either direction or solution.

The new realities of pandemics, climate control, supply-chain capability, communications, terrorism, the Arctic, conflict resolution, nuclear proliferation, and financial interconnection requires multinational analysis and governance. The forms for their discussion existed, but they have failed due to lack an overarching sense of world responsibility.

We have finally realized there is a growing disconnect between our need for shared governance and the demand for national control. We begin to better understand this disconnect at the same moment that we comprehend our increased need for connections.

The new world power arrangement has been developing, without any understanding of meaning, for decades. It was not due to Donald Trump alone, but to decisions of Bush, Obama, Trump, and Biden, President Putin, the Russian oligarchs and the Chinese leadership. We lived for years according to what believed was an international rules-based system. These rules changed, and Washington never understood that an end to the older rules, implied an end to the post-cold war American era.

We are shifting from a world of liberal internationalism to a return of the 19th century realist power structure. This will not destroy the United States, but will require a change in Washington's mindset. Whether this is possible, is difficult to predict, since there is no one alive in the United States who does not know of a world where they not have been the uncontested leaders. The question has become the reality of the American leadership possessing a definition of a world where they believe they are still in control of world events, but have been removed of any outcome for results. We are viewing the unfolding of this new and divided world.

Global supply chains for many products will be replaced by separated supply processes and regional agreements. One supply chain will remain in China, supported by Russia. A second supply chain will be centered within the European Union, and the third based in the United States. Latin America, Africa, Eastern Europe, Scandinavia and the Baltics will seek both

regional agreements and shifting ties to the larger systems. The internet and social media will increasingly be separated into national units, with the Chinese Firewall and Russian legal systems for local control.

Nations will increasingly seek to control information flows, taxation and program content. There will be increasing agony and finger pointing in the US changed from being the center of content and programming, to becoming one of the competitors to Bollywood, Nollywood, Chinese, and Korean films and programs.

International programming will become the supply chain for local delivery networks, as local decision makers determine acceptability. Information control combined with big data will become the new manager of citizen activity, with the Chinese model of social control becoming the international authoritarian standard. The dollar will come under increasing challenge from the renminbi, as well as new cyber instruments. Many will seek to replace the dollar's strength, which is based upon America's perceived strength in the globe.

The central truth has been for years that China, Russia and the United States each control their own destinies. Russia and China did not force the America leadership to determine tax system favoring the wealthy, nor decreases in support for research and development, or a broader educational and retraining process. The United States did this to themselves, as a reflection of growing centralization of power structures. Moscow and Beijing reflect similar issues of governmental actions seeking to benefit existing structures.

We claim to know history but we repeat the same mistakes in new forms. In each nation we believe we have the intelligence and experience to avoid the errors of the past. We are mistaken.

In each nation, we are witnessing the battle between the forces of the past and the future in politics, religion, education and culture. The Chinese desire to overcome the Century of Humiliation, the Russian desire to be recognized as a major power and the American self-definition of the existing international power remain as roadblocks to joint needs of this new world.

Globalization represented the path forward. That belief has suffered a reaction across the world. We now ask if we have the ability to design a new global architecture, or if entropy will continue a state of world fluidity. To answer the questions, a common language, determination of priorities and a broader redefinition of the concept of «we and they» are required. In a world which has become more related in issues, and separated psychologically, this remains difficult. For any chance of success, the current world reality must be examined.

The «Triangle Dance» of Russia, China and the United States has begun. Where two powers existed in 1990, there are now three nations capable of strong influence beyond geographical borders. New issues of authoritarian versus more democratic regimes arise, as does competition on the role of the government in economic development.

With additional powers, complexity does not grow arithmetically, but geometrically. Elements of complexity theory become mixed with climate change, pandemics, migration, new technologies, information control and other issues.

Russia increasingly becomes a weakened economic force, while retaining the military strength to destroy others. Russian demands for full participation in international decision-making, an ability to fill perceived vacuums of power and needs for oil and gas allows Russia to continue their present membership in the Triangle. We have developed a three-sided relationship, with economic growth leaving Russia as an uneven and weakened third side.

If power is as Joseph Nye states is the «the ability to influence events», then the new power is not simply military, but informational and scientific. It is not simply that Washington has lost power, for they retain the economic and military power to shape events, if they choose. It is that Washington has lost power in an expanding nature of power, with others able to exert influence with new technologies and resource needs. It is the growth of asymmetrical influence, by those with limited military or economic influence that has reshaped the world.

The control of systems, often built by others has become the Archimedes lever by which the world can be moved. In a world where increasingly centralized relationships in economics, finance, communications and military activity in the internet, while decentralizing access, everyone has become a potential participant.

Power is not zero-sum. It can be lost relatively, by a nation's decisions, without automatically having that power transferred to another. The United States has lost power with their defeat in Afghanistan. This will only potentially increase the global influence of China and Russia, depending upon their decisions. What is clear is that the US has less ability to influence the actions of others than it previously held. Few will trust Washington to support their pledges. This creates multiple American damage, for it accompanies a fear that a Trump-like administration will return to power. Doubts will continue that the United States has withdrawn and is no longer a provider of security or protection.

The United States is deciding what their international role can and should be, in a period of increased neo-isolationism. There is the extended possibility that foreign policy will be viewed as a secondary focus for America, unless it is directly attacked.

If a positive element exists, it is the end of an era or American triumphalism, and hubris. The American character is formed with a belief in goal-achievement, brought about by a confidence that anything dreamt can be attained. This attitude was the basis of American development. The lack of doubt allowed economic and political creation. What was never understood was that it could not automatically be transferred to every clan-based society. The United States has had previous reversals. Cuba in 1959, Saigon in 1965, and Iran in 1979, were American losses, but the nation recovered.

What was central was a belief in American resilience. Part of the American character is the concept of revival. We can lose jobs, marriages, issues of health, and reversals, but know we will somehow recover. The United States has always felt that relative to other societies, such as China and Russia, the US was advantaged. As the analyst Robert Kaplan notes: «Bear in mind that power is relative. America's domestic tensions are out in the open, whereas China's and Russia's are more opaque. And their geographies are less fortunate. China has difficult borderlands and resorts to extreme oppression to manage its ethnic and religious minorities. Russia is an insecure land power with few natural borders, this prone to invasion throughout history: this is the deep unstated reason for Russian aggression. Moreover, China and Russia are much too dependent on one man at the top, and their inflexible autocracies mask deep social and economic cleavages across immense continental landscape of their own. Thus, we concentrate too much on the strengths of the three great powers. But all of them could weaken in their own way, creating a more anarchic world».¹²

Kaplan asks which of them will weaken at a faster pace than the others? Which of them has the flexibility built into their political structures? «American democracy, as unruly and problematic as it is, has demonstrated an historic proclivity to adapt and reinvent itself more than other big systems».¹³

What was at base was the continued American military ability...

---

¹² *Robert D. Kaplan*. Robert D. Kaplan on Why America Can Recover from Failures like Afghanistan and Iraq. *The Economist*. August 23, 2021.

¹³ *Ibid*.

The lesson which was not learned in Washington was that we had the power to destroy, but not the ability to shape the world in our own image. Nations clearly understood how to begin war and could plan for different scenarios. What nations, including the US could not determine, was how to end wars. When you cannot achieve a clear victory, or when you declare a win, but only in a pyrrhic form, the costs exceeded any gain. Afghanistan cannot be declared a victory in any form for Washington, and this reality resonates with how will view American power in the future. Afghanistan will remain a potential base for Al-Qaeda and ISIS, which will be felt in the West for many years.

For Russia and China, any American defeat will be declared a victory. For Moscow and Beijing, the declaration may be premature.

Concerns in Moscow over the spread of Afghan opium, and the radicalization of the Southern region, including Chechnya, Dagestan and Ingushetia will grow. For China, fear of Taliban influence over the Uighurs in Xinjiang remains constant. The new factors in world affairs became the Black Swans and determination of what Russia, China and the US controlled, what we did not control as individual nations, and where positive outcomes were achievable.

We have not yet been able to control pandemics, climate change, the sharing of the Arctic region, the relationship of resources, such as rare earths, relative to need in supply chains. We are forced to respond because we have not developed a process or the effective institutional architecture to plan and act jointly. Other choices such as the Afghan and Iraqi wars, fights over the South China Sea, Ukraine and the Baltics, Syria, Libya, control over cyber criminals reflect individual national decisions, mirrored domestic political agendas.

The central factor has been the change in the world role of the United States. Neither Russia nor the United States have the same relative power they possessed thirty years ago. They retain the power to destroy the world, but new center of influence has emerged to change the equation. For Beijing, the economic growth both shapes and is shaped by their belief that China is the future as a historical inevitability. Many in the world have reaffirmed their view of history.

Historians often declared an era of Empires. The Dutch, Portuguese, Spanish, and English are now past rulers, now relegated to history books. The historical process of the passage of empire is reaffirmed in the minds of many. What changes is not the process, but only the names of the temporary powers. For the Chinese, the American Empire is entering this definition.

The 20th Century was the American Century, while the 21st is the Chinese Century.

The question exists if this is the end of the American era. This will be decided by the American leadership and society. If they fail, any process of American decline will occur, without regard to Chinese or Russian actions.

This mentality appears even in the United States. The American story contained essential belief that the future was always an improvement over the past. History was not a flat plane, but an upward movement. That belief is now challenged. With increasing inequality, political division, crime, and the inability of governance to produce solutions, many now question if their children will live a better life than they did.

There is a growing fear that the new challenges of climate change, pandemics, dependence upon oil and gas, the economic concentration and inequality and a sense of personal security are beyond the ability of society to resolve. The growth of authoritarian regimes in Hungary, Poland, Turkey and leaders like Trump, echo this fear that people seek easy answers to complex questions.

These new challenges have become global, while at the same time, the political desire for control becomes more national or local. We are creating an international division between our crises, and our institutional ability for potential solutions.

Russia, China, and the United States face challenges. The question will be their ability and leadership to respond.

For the United States, the role of the dollar as the international currency is central. More goods are being traded in dollars, but as a share of world GDP, the dollar's role has lessened. For many in the world, a desire for alternatives to the dollar has increased.

There are fights over reinvestment and definition of infrastructure. Past concepts of road, bridges, and sewers, and now being understood as education and retraining, healthcare, broadband connection, research and development and early childhood support. There is a new realization that a central relationship exists between domestic development and international policy. This is true for all three nations, not simply Washington. All three nations face the issue of the relationship between the public and private sectors. Chinese attempts to limit the role of the private economic forces as a subset of the government, reflect the Russian concentration of wealth and favoritism to limited groups.

In the United States, the fight continues over private concentration of corporate wealth and political influence. Discussions are increasing

over national plans focused on microchips, non-fossil fuels, batteries, and communications are required. The Chinese have declared nine major foci of development for world control in the future. Combined with their investment in the One Bridge, One Road (OBOR), the Chinese hope that they will possess both the content and the channels for economic dominations. The Russians are aware of their need for research and new technologies, but have lagged in their level of support. At the present rate, they will increasingly be excluded from future considerations as a world technological leader. The Russians have invested heavily in new weapon systems including hypersonic aircraft and missiles. The Chinese have also modernized their armed forces and weapons, often adapting Russian equipment. This dependence upon Russian goods will decrease as the Chinese develop their own systems.

Russia is increasingly being viewed as a nation able to cause problems, but not dictate the future. The Russian demand to be declared as a major world forces and equal, even though their lack of investment in future needs, their concentration of wealth, and their desire for centralized political control limits their ability to grow. In the long term, Russia desires a slowing of the inevitable move to a non-oil and gas future. Moscow has perhaps twenty to thirty years before they become economically irrelevant, unless their patterns alter.

For China, the increasing role of the Communist Party for dominance, continuing conflicts with Taiwan, fights over control of Hong Kong, and internal social disputes with the Uighurs become indicators of the future. China also faces unresolved issues of growth of their senior population, the move to expand family size, the banking failures, overbuilding of housing, the price of labor, movement of factories to South Asia, the desire of the young for participation, changes in educational investment as a segment of foreign policy, and fights over the Law of the Seas, and the growth of new Chinese islands. The questions for the Chinese government is whether they have the will and desire to form military bases across the world, as they have in Djibouti. If reaction to repayment of Bridge and Road investments become negative in many nations in terms of cost and possible military implications, this will change their future actions.

All nations now understand that military power is not simply based upon number of aircraft, tanks, ships or soldiers, but upon the control of information, and cyber technologies.

In the American mind, Russia and China have formed a marriage of convenience. Both wish to limit any American role, but do not completely trust or respect each other. The concept of two against one is a continuing

pattern. «Nixon to China» reflected a momentary strategic partnership of Washington against Moscow. The Moscow-Beijing axis is opposition to Washington, not an expression of eternal brotherhood. Other factors of demography, reactions to continuing pandemic. The rise of India, the outcome of control of the Arctic, changes in the international alliances, the short and long term impact of climate change, modifications of international attitudes toward the US, Russia, and China will all have impact upon future decisions.

The Cambridge historian, Mark B. Smith observes: «No country is honest about their past. Being a nation, as Ernest Renan famously wrote in the nineteenth century, is to agree about what to forget. Even in the hands of a professional historian, the creation of a historical narrative is a program of omission. Coherence is simplification: selection is leaving out: and the process is never scientific, but a matter of individual judgment.»¹⁴

The relationship between Russia, China, and the United States involves more than three interpretations of history, and predictions for the future.

It is an amalgam of the past, present, and perceptions of possible futures.

It is being written at this moment, through both planned and accidental event.

The real question is whether our degree of wisdom, defined as individual and national interpretation, will focus upon our joint potential, and not our differences.

It will be not simply our historical interpretation which will prevail, but our desire to achieve the possible.

We must remember Winston Churchill's words at the Battle of the Atlantic «all the great struggles of history have been won by superior will-power wrestling victory in the teeth of odds or upon the narrowest of margins».¹⁵

We write the future with our present.

¹⁴ *Smith Mark B.* The Russia Anxiety, and How History Can Resolve It. Oxford University Press, 2019. P. 340.

¹⁵ *Conquest Robert.* Reflections on a Ravaged Century. W.W. Norton and Company, 2000. P. 298.

REFERENCES

1. *Blanchette J.* Xi's Gamble-The Race to Consolidate Power and Stave Off Disaster. *Foreign Affairs*. July/August 2021. P. 15–16.
2. *Conquest R.* Reflections on a Ravaged century. W.W. Norton and Company, 2000. P. 298.
3. *Frankopan P.* The New Silk Roads-The Present and Future of the World. Bloomsbury Publishing, 2019. P. xix[5]
4. *Frye T.* Russia's Strong Weak Man. The Perilous Bargains that Keep Putin in Power. *Foreign Affairs*. May/June 2021. P. 126.
5. *Goldman D.* China Attempts to Avoid the Monopoly Trap. *American Affairs*. Summer 2021. P. 40.
6. *Haass R.* A World in Disarray. *American Foreign Policy and the Crisis of the Old Order*. Penguin Press. 2017. P. 223.
7. *Kaplan R.D.* Robert D. Kaplan on Why America Can Recover from Failures like Afghanistan and Iraq. *The Economist*. August 23, 2021.
8. *Kaplan R.D.* The Return of Marco Polo's World-War Strategy, and American Interests In the Twenty-First Century. Random House. 2018. P. 163.
9. *Levy B.-H.* The Empire and the Five Kings, America's Abdication and he Fate of the World. Henry Holt and Company, 2019. P. 106.
10. *Mitrovich G.* Rising Rival. *The National Interest*. May/June 2021. P. 61.
11. *Pei M.* China's Totalitarian Shadow. *Journal of Democracy*. April 2021. P. 21.
12. *Smith M.B.* The Russia Anxiety, and How History Can Resolve It. Oxford University Press, 2019. P. 340.
13. *Walt S.M.* The Hell of Good Intentions-America's Foreign Policy Elite and the Decline of U.S. Primacy. Farrar, Straus and Giroux. 2018. P. 22.

Key words:

Geopolitics, Capitalism, Democracy, Authoritarianism, Tripolar, Technology

Тодд Лефко

НОВОЕ МИРОВОЕ УСТРОЙСТВО: АМЕРИКАНСКАЯ ТОЧКА ЗРЕНИЯ

Мир меняется, время доминирования Америки проходит. Россия, Китай и Штаты вступают в новые взаимоотношения. Природа технологий и инвестиций определяет никогда ранее в истории не встречавшиеся критерии социального, политического и военного превосходства. Технические возможности растут вне зависимости от роста моральной ответственности.

Притязания Америки на лидерскую позицию подвергаются сомнению, в тот же момент, когда сомнению подвергается и власть внутри страны. Статус России, как одной из крупнейших военных держав, оспаривается. Стремление Китая к господству наталкивается на внутренние преграды — зависимость от импорта ресурсов, реакцию инициативы «Один пояс и один путь», экономическое давление. Основополагающий принцип доминирования демократического устройства общества под вопросом из-за повсеместного распространения авторитарных форм правления.

Планирование стабильного развития перешло в разряд категорий теории сложности.

Новые задачи — контроль климата, пандемия, кибер-угрозы, негосударственные террористические группировки, внутренние экономические раздоры — вместе не позволяют выработать действующий сценарий стабильного развития.

Традиционные политические, экономические и религиозные учения не дают ответы на заданные обществом вопросы.

В статье обсуждаются эти факторы и описываются сложности, с которыми сталкиваются Россия, Китай и Соединенные Штаты.

Ключевые слова: геополитика, капитализм, демократия, авторитаризм, трехполярная система, технологии.

Тодд Дж. Лефко — президент компании по развитию международного бизнеса, председатель Российско-Американского совета по делам бизнеса и культуры.

 Todd Jeffery Lefko

President of the International Business Development Company,
Chairperson of the Russian-American Business and Culture Council

DOI: 10.35549/HR.2022.2021.38.005

Е.И. Пивовар

ПЕРВОЕ МЕСТО РАБОТЫ ПО СПЕЦИАЛЬНОСТИ

Редакция «Исторического вестника» обратилась ко мне с предложением опубликовать на страницах своего специального номера материал, посвященный мемуарной проблематике. Считаю, что для читателей журнала будут иметь значение воспоминания о работе редакций исторических журналов нашей страны, предлагаю свои заметки. События, о которых пойдет речь в данном очерке, происходили в 70–80-х гг. прошлого века и отстают от нас сегодняшних уже на 35–50 лет. Многие мои учителя и старшие коллеги, к сожалению, уже ушли от нас в мир иной... Кардинально изменилось и продолжает меняться в жизни редакций периодических исторических изданий очень и очень многое. Некоторые явления и процессы, поступки участников тех событий трудно даже и представить современному молодому читателю... Тем не менее автор считает своим долгом историка воссоздавать картину прошлого, не приукрашивая и ничего не замалчивая, а также по возможности сохранить историческую память о тех своих учителях и коллегах, с которыми свела его судьба. Смеею надеяться, что мои скромные усилия добавят некоторые живые штрихи к Вечной памяти об этих людях, хранящейся в десятках и даже

в сотнях книжек журнала «История СССР», стоящих на полках библиотек в самых разных уголках мира ...

***

Редакция журнала «История СССР» — очень важная страница в трудовой биографии автора этих строк. В то время я был аспирантом очного отделения Института истории СССР. Все серьезно изменилось после авиакатастрофы в аэропорту Праги, где погиб мой научный руководитель Ю.В. Воскресенский. Это произошло 19 февраля 1973 г. И тут В.З. Дробижев, как заместитель главного редактора журнала «История СССР», предложил мне перейти на работу в редакцию. Мой в будущем добрый друг и товарищ Юра Игрицкий из журнала уходил в ИНИОН, и меня предложили на его место заведующего отделом «История СССР за рубежом».

Формально это был мой первый опыт постоянной работы по специальности, которую я получил на историческом факультете Московского университета. Понятно, что никто и никогда не готовил меня к редакторской деятельности — ведь это отдельная профессия, которой обучали в Полиграфическом институте. Но, как показала практика, для плодотворной работы в научном журнале подчас достаточно быть профессионалом в науке, а не в полиграфии вообще. К тому же крайне важно было знать сам мир профессиональных историков страны и иметь представление о состоянии исторической науки в мире. Ведь судьба научного журнала в прямом смысле зависит от правильной редакционной политики и качества материалов, заказываемых авторам. А для этого надо понимать, кто чего стоит в этой среде.

Конечно, это приходит с опытом. В случае с нашим журналом нельзя было совсем отрешиться и от идеологии. Разумеется, советский идеологический контроль в научном журнале был не таким прямым, грубым и примитивным, как в массовой печати. Но сказать, что его совсем не было, как и самоцензуры, было бы явным искажением тогдашней действительности.

Я, безусловно, попал в «тепличные условия». Главным редактором был мой профессор, блестящий ученый, первооткрыватель и наставник в сфере применения математических методов в истории, будущий академик и руководитель Отделения истории РАН (тогда уже член-корреспондент АН СССР) Иван Дмитриевич Ковальченко. Иван

Дмитриевич был одноклассником моего отца, и даже воевали они на одном 3-м Украинском фронте. Светлая ему память! Его заместителем и главным куратором моего отдела был мой Учитель — профессор истфака В.З. Дробижев, а два других заместителя главного редактора (один сменил при мне предшественника — профессор Л.В. Милов и профессор Б.И. Краснобаев) тоже были моими учителями на факультете. Я слушал их лекции и сдавал им экзамены и зачеты. Помню прекрасно лекции Леонида Васильевича, его, в хорошем смысле слова, научную задиристость и прекрасную осведомленность о потенциале и подходах его коллег к богатой и неоднозначной сфере российского Средневековья и российского XVIII столетия. Борис Ильич Краснобаев был специалистом по истории российской культуры XVIII–XIX вв., а также вел на истфаке всю проблематику методики преподавания истории в школе. Это был очень тонкий, эрудированный человек, доброжелательный и мягкий по своему характеру, но имевший за плечами суровые и героические страницы биографии — ведь он, как и Ковальченко, был фронтовиком и сражался в Сталинграде.

Дробижев был моим куратором не только потому, что я был его учеником (в моем представлении иного и быть не могло), но и потому, что большинство материалов в моем разделе были все-таки посвящены истории страны XX в., а функции замов в основном делились по хронологическому принципу. Он же и попросил одну из руководительниц отделов, а конкретно заведующую отделом критики и библиографии Наталью Георгиевну Думову курировать меня на первых порах. В этом решении была очевидная логика. Думова готовила рецензии на новые работы советских авторов, заказывала и публиковала обзоры новых исследований по какому-то сюжету. По сути дела, я должен был делать почти то же самое применительно к зарубежным изданиям по проблематике отечественной истории. Разница, конечно, была. С одной стороны, в научном академическом журнале мы могли цитировать зарубежных авторов и давать сноски на их работы, но с другой стороны, головой отвечали за суть этих цитат и тем более за контраргументы, которые приводились после цитирования. Вот такая изоциренная казуистика. В редакторе такого отдела, как на Луне, должны были сочетаться две линии: первая — стремление дать как можно больше объективной информации о том, что же пишут о нашей истории за рубежом, и линия, прикрывавшая эти его усилия от вероятных нападков со стороны смотрящих за журналом органов, в форме контраргументов. Таким образом необходимы были и знания, и политическое чутье.

Конечно, и то и другое приходит далеко не сразу, а может и вообще не прийти. Так же как и редакторские навыки, аргументированность и логика в изложении. Эта работа при всей сложности описания ее сути, бесспорно, была и работой творческой. Ведь редактор, вольно или невольно, становился реальным соавтором публикации, и чем слабее были потенциал, способности или научно-политическое чутье автора, тем больше становилась доля соавторства. Но и там, где автор был действительно профессионален, роль редактора могла быть тоже крайне важна — как профессиональный взгляд со стороны, как пристальная оценка, заинтересованного в конечном успехе первого читателя.

Все это я пытаюсь объяснить только для того, чтобы подчеркнуть значимость и бесценность того опыта, который судьба мне подарила, позволив начать свою трудовую деятельность именно там — в редакции журнала «История СССР».

А ведь неплохая была компания!!! В редакции в качестве главных ее редакторов работали в разное время: академик М.П. Ким, академик Ю.А. Поляков, академик И.Д. Ковальченко. В аппарате редакции начинал заведующий его отделом и будущий академик РАО С.О. Шмидт. В ней трудились мои старшие товарищи и друзья: В.Ф. Кутьев, М.А. Рахматуллин, Г.И. Щетинина, Р.В. Костина, М. Польский, Г.С. Осипян, О.В. Рахманин. Мои ровесники или сотрудники чуть младше меня — ставший руководителем издательства М.Ф. Гржебин, будущий директор Института российской истории Ю.А. Петров, будущий главный редактор нашего журнала С.С. Секиринский.

В работе нашей редколлегии участвовали академики Л.В. Черепнин, М.В. Нечкина, И.И. Минц, Л.В. Милов, активно выступал А.Я. Грунт. Еще до моего прихода в редакции блистала Наталья Георгиевна Горская. Здесь начинали такие выдающиеся личности, как, например, Юрий Карякин или основатель исследования российского зарубежья Л.К. Шкаренков. Ну а что касается авторского коллектива, то это был практически весь цвет исторической науки времен моей молодости и последующих лет.

Ну а теперь о трудностях начала пути, которые, конечно, были. Ведь научить творчеству не только нелегко, но подчас просто невозможно. Но я всегда мог обратиться за помощью к своему предшественнику Юрию Ивановичу Игрицкому, у которого получал всегда объективную информацию о любом персонаже из авторского актива редакции по профилю моего отдела. Ну а с Натальей Георгиевной Думовой я проходил азы работы над авторским оригиналом сначала рецензий — первые три моих произведения были рецензиями и вышли в очередном номере

журнала под рубрикой моего отдела. Кстати, впервые за многие годы в номере не было статьи в разделе «История СССР за рубежом». Это и было косвенным показателем того, что в редакции появился новый сотрудник, только что входивший в курс дела. Моя попытка подготовить свою первую значительную по масштабам продукцию не увенчалась успехом. Однако в следующем номере уже была и какая-никакая статья, и несколько рецензий, и дело постепенно пошло.

Теперь несколько слов о самой системе работы нашей редакции. По сути, каждый редактор отвечал за свой раздел журнала или за свой хронологический период в повестке дня журнала. Этот человек и назывался заведующим отделом, хотя в этом отделе он один и работал. Исключения были крайне редкими, и о них речь впереди. Поэтому никакого подсиживания или конкуренции по поводу занятия того или иного места в редакции между сотрудниками вообще не существовало. А вот взаимная поддержка, пусть даже в процессе критики того, что делали твои товарищи, была, ибо все были заинтересованы в улучшении продукции друг друга и, тем самым, самого издания. Никто не имел никакой внутренней информации о том, что делал и тем более собирался делать другой отдел, если ему эту информацию не желали сообщить. Но при этом все имели полную информацию о работе своих товарищей, если товарищи сами хотели, чтобы эта информация стала известна коллегам. Вот такая была интересная и во многом плодотворная атмосфера творческой, научной и административной работы, работы с людьми и с их творческим и научным продуктом. К этому следует добавить и регулярные перевоплощения сотрудников редакции и заведующих отделами в авторов журнала. Тогда коллега по редакции становился на время не только коллегой по другому отделу, но и твоим собственным редактором. Оба временно оказывались не в своей обычной роли, что тоже было крайне интересно, познавательно и поучительно. Ну а когда твоим автором становился член редколлегии или зам главного редактора, или даже главный редактор, то это становилось событием в биографии редактора и, конечно, не могло быть не отмечено и не разобрано «по косточкам» в коллективе редакции. Ведь при всем том, что каждый отвечал за вверенный ему участок работы и должен был обеспечить в каждый номер примерно по три печатных листа готовой продукции (т.е. уже после редакторской правки и снятия вопросов членов редколлегии и главной редакции — главного и его двух замов), это была коллективная работа и аппарата самой редакции, и авторов, и рецензентов, и литературного сотрудника, а также многих людей вне редакции. Впрочем, в гуманитарной сфере всякая научная и творческая работа

при всей ее индивидуальности всегда имеет элемент коллективного творчества или коллективного влияния на конечный результат.

В этой творимой научными редакторами нашего журнала работе было несколько постоянно сменявших друг друга стадий. Стадия поиска и заказа материалов, стадия вынесения их на редколлегию журнала, стадия работы с авторами после получения отзывов членов редколлегии, стадия подготовки рукописи к сдаче в набор, стадия работы с версткой рукописи, стадия работы со сверкой верстки рукописи и последняя контрольная стадия работы с так называемыми «чистыми листами». Журнал наш выходил шесть раз в год. И эти стадии чередовались постоянно. В самой редакции были важные процедуры, которые также должны были помогать в достижении качественного результата. К таким процедурам относилось, например, коллективное обсуждение верстки следующего номера, когда коллега читал материал, подготовленный другими отделами. При этом зам главного редактора и, конечно, главный редактор читали весь номер, ведущие отделы читали большинство статей, а некоторые разделы читались редакторами смежных отделов. Так или иначе, большая часть редакции знакомилась с подавляющей частью материалов очередного номера уже в «металле». Правка, конечно, разрешалась, но излишняя не приветствовалась, так как это увеличивало затраты на типографию. К тому же увеличивались затраты на работу при чтении в следующем варианте после сверки верстки.

Процедуры этих коллективных обсуждений запомнились мне навсегда. Во-первых, я увидел своего Учителя в совершенно новом для меня качестве: выдающегося организатора творческого, научного и научно-политического процесса.

Надо сказать, что Владимир Зиновьевич обладал выдающимся научным и научно-политическим чутьем. Он молниеносно схватывал суть дела, тут же принимал решение, был немногословен, но суть всегда выявлял. А суть находилась в рамках двух координат: целесообразности и опасности того или иного сюжета, а также обоснованности риска публикации в том или ином виде. Кстати, и правил текст он тут же мастерски, если этого требовал момент. В этом качестве мой Учитель был просто великолепен. И даже когда данную процедуру проводил сам Иван Дмитриевич, чувствовалось, что Дробижева нам не хватает. Может быть, тут влиял фактор времени — Владимир Зиновьевич проделывал всю процедуру быстрее.

Но я рассказываю об итогах этих обсуждений. А существо заключалось в том, что коллега, читавший материал с соседнего стола, ниче-

го лично не имея против редактора материала, как правило, выступал в роли обвинителя! Защитников при этом было маловато. Тут демонстрировалось и критическое видение темы в целом, и отношение к самому автору текста. Это могло бы походить на экзекуцию, если не знать, что никаких оргвыводов не делалось. К тому же в роли «обвиняемого» мог оказаться каждый. Попав первый раз на эту процедуру, я просто не мог себе места найти, тем более что ни опыта, ни веса в редакции у меня не было никакого. Критика, которую принимали не всегда серьезно, касалась иногда и просто полиграфии: много абзацев на полосе, мало «воздуха», не те шрифты и прочее.

Я с трудом прорывался сквозь завалы справедливой и не очень справедливой критики, исправляя, что мог, отстаивая, что мог, у начальства. Один раз смог и «зубки свои показать». Одним из постоянных критиков моих был Марк Петрович Польский, а постоянной защитницей выступала мой куратор Наталья Георгиевна Думова. О них речь еще впереди. Но тогда Польский, как обычно, не оставил камня на камне от продукции всех авторов и их редакторов с полиграфической точки зрения. И тут я робко вставил свои «пять копеек», отметив, что в одном его материале, а он тогда отвечал за рубрику «Научная жизнь», на одной и той же полосе — одиннадцать абзацев, а первые пять, вообще, все подряд начинаются с предлога «в»! Наступила полная тишина, потом хмыкнул Дробижев, а затем раздался дружный, почти гомерический хохот всех присутствующих, включая и самого Марка Петровича.

Так я впервые вписался в атмосферу коллектива... В целом же меня приняли хорошо. В нашей большой редакционной комнате, метров сорока, наверное, располагались пять отделов, исходя из количества столов в ней. В другой комнате поменьше было два отдела, включая и отдел моей кураторши. Был еще и кабинет-пенал, в котором, постоянно куря, располагался наш ответственный секретарь Георгий Суренович Осипян. Этот человек должен был постоянно находиться в редакции, чтобы ответить на любой вопрос начальства, типографии, издательства или кого угодно, кому приспичило в редакцию прийти. Должность очень непростая... К тому же он был живой историей страны — сыном бакинского комиссара Сурена Осипяна, расстрелянного белыми во время Гражданской войны.

В центральном отсеке нашей редакции были приемная, кабинет главного редактора, его заместителей, и комната, где проводились заседания редколлегии журнала.

Напротив меня восседал могучий и высокий мужик с огромными кулачищами. Он не раз, чем-то возмущившись, крушил ударом по столу

лежащее на нем стекло, пока его не заменили чем-то небьющимся. Валентин Федорович Кутьев в свое время хлебнул фунт лиха, оставшись в годы войны без обеих ног. На протезах поднимался он в редакцию по адресу Кузнецкий Мост, 19 (лифта не было), на третий этаж дореволюционного дома, что, наверное, соответствовало пятому этажу «хрущевки». Тяжело входя в нашу комнату, он резко бросал на свой стол очередной опус «писателя». А это были материалы по истории советского периода, которые по своему первоначальному качеству были чаще всего слабее работ по дореволюционному периоду. Но именно с одного из них должен был начинаться номер! Затем он располагался на рабочем месте и встречал любого автора своего отдела почти со свирепым выражением лица. Не раз наблюдал я прямо робевших перед его «грозной» фигурой людей и с учеными званиями, и с военными регалиями. Но это, конечно, была театральная постановка, защищавшая нашего коллегу от возможных для него неожиданностей. На самом деле это был милейший и добрейший человек, никого в жизни уже не боявшийся, кроме собственной жены, и обожавший совершенно безгранично свою маленькую дочь. Ни той ни другой я никогда не видел, но и сейчас чувствую себя словно их родственник... Так много мне довелось о них слышать от моего визави.

С Дробижевым они были на «ты»: «Валя» — «Володя». К тому же у моего шефа был закадычный друг и однокурсник Кутьева по МГИАИ — Б.Г. Литвак. Вот тогда я, кстати, второй раз в жизни после Института истории СССР столкнулся с МГИАИ — ведь большая часть сотрудников, наверное, были выпускниками МГИАИ. Другая же, к которой и я принадлежал, были из МГУ. Были, конечно, и ребята из других вузов, но их было в разы меньше.

Валентин Федорович, наблюдая за мной, дал мне первый профессиональный совет, которому я следую до сих пор. После редколлегии мы должны были передать авторам мнения членов редколлегии. Они, как правило, оставляли письменные замечания, но многое излагали устно. Мы, присутствуя на заседании, многое записывали, так же как и окончательный вердикт главного редактора, который редколлегию вел. Когда ее вел зам главного, тогда он и выносил вердикт. И вот я стал составлять итоговое письмо одному известному автору и мучился, как же все это правильно и четко изложить. Тут Кутьев мне и говорит: «Старайся вообще этого не делать никогда. Вот ты все, что было, опишешь, автор с твоим “документом” пойдет, куда угодно, будет его показывать, кому угодно. Все от своих слов в твоём изложении будут отказываться, а ты — нет, не смо-

жешь. Ты же это на бланке написал и подписал! Оставлять такие бумаги нельзя. Возьми телефонную трубку, продиктуй ему, в общем, кто и что сказал, без фамилий и положи ее на рычаг...» Конечно, это был совет до эпохи цифровой революции, но он и сейчас не потерял актуальность!

Как-то, когда мы остались вдвоем и не было наших женщин в комнате и вообще в редакции, он при мне был вынужден на время снять свои всегда как новенькие ботинки вместе с протезами. Они стояли у стола, словно отдельные по колено ноги... И я увидел, как ему больно и тяжело...

Валентин Федорович был абсолютно антисталински настроен еще с военных лет. Он своего отношения к вождю никогда не скрывал, да и спорить-то с ним кто мог отважиться. А вот мой горячо любимый и чтимый отец, вернувшийся с фронта живым и почти невредимым (был, правда, контужен), Сталина чтит. Может быть, не столько чтит Сталина, сколько не чтит Хрущева. А Кутьев ненавидел Сталина и последователей его тоже не жаловал.

По вечерам они садились с Морганом Абдуловичем Рахматуллиным за шахматы, и тут Кутьев давал волю темпераменту, страшно не любя проигрывать. О Рахматуллине рассказ впереди. Самого же Кутьева любили и ценили, стараясь хоть чем-то угодить, все наши милые женщины. Однако через какое-то время Валентин Федорович уже не смог работать в полную силу и из редакции ушел.

Ушла, как и он, в Институт истории СССР и моя спасительница — Наталья Георгиевна Думова. Подобное перемещение рассматривалось общественным мнением и в редакции, и вне ее как повышение по службе. В редакции же они были костяком коллектива. Думова прошла в журнале долгий путь от секретаря до заведующей ведущим отделом. Она остро чувствовала слово и бесспорно была и остается в моем представлении одной из самых эрудированных коллег, с которыми меня свела судьба. Эта еще молодая, сорокалетняя женщина обладала жизнерадостным и кипучим темпераментом, имела большой редакционный опыт и многое из того, что происходило в нашем историческом цеху, знала не понаслышке. Ну а как профессионал, она занималась судьбой кадетской партии и ее лидеров в предреволюционные и послереволюционные годы. Сама эта проблематика в описываемые мною годы виделась несколько оппозиционной.

Наталья Георгиевна обещала Дробижеву, которого она очень чтит и даже по-женски опекала, поставить на крыло его ученика, и очень старалась, чтобы я побыстрее на это крыло встал. И понять ее можно было — ведь ее собственную работу никто за нее не делал, а мои мате-

риалы она получала, простите за откровенность, в качестве бесплатного приложения. В итоге она выбрала путь обучения, который был прямо практик-ориентированным, т. е. проб и ошибок ее ученика. За процессом с нескрываемым удовольствием и ерничеством наблюдал ее сосед по комнате — заведующий отделом истории феодализма Морган Абдулович Рахматуллин. Он был моим коллегой долгие годы, а впоследствии стал одним из замов главного редактора журнала. Рахматуллин все время поддевал Наталью Георгиевну за ее педагогические приемы, а заодно и по мою душу язвил. А Думова всегда становилась на мою сторону, считая, что она одна имеет право меня распекать, а вот другим не полагалось. Но на первых порах, если честно, она просто заново редактировала мою продукцию, поскольку легче было переделать, чем объяснить. Но я все-таки оказался обучаемым и шаг за шагом все больше и больше делал сам. А потом наступил период, когда я с чем-то мог уже и не согласиться.

Этот краткий период особенно «радовал» Рахматуллина, который был самоназначенным третейским судьей в наших дебатах. Потом наступил период, когда с согласия Дробижева и Думовой меня отправили в свободное плавание, но Наталья Георгиевна еще какое-то время курировала меня в ходе обсуждений верстки и, поверьте, я не раз получал по полной... Тогда уже Дробижев занимал то ее позицию, то мою, то среднюю... Так все и устоялось.

Проводя с Натальей Георгиевной много времени в работе над материалами, мы много рассуждали и, как говорится, не по теме. Ее советы были для меня бесценны. Речь могла идти не только о взаимоотношениях в нашем небольшом коллективе, но и в Институте истории СССР, и в Отделении истории АН СССР. А это было наше высшее руководство. Что уж говорить о ЦК КПСС, а конкретно о двух отделах ЦК, куда Ковальченко и Дробижев, а затем сменивший его Илья Николаевич Зеленин ходили регулярно. Это были Сектор истории Отдела науки и высших учебных заведений и Отдел агитации и пропаганды. Но темами обсуждения могли быть и новые книги, и публикации в литературных журналах и многое другое. Проще говоря, я проходил в полном объеме программу приобретения профессиональной, да и жизненной, в целом, квалификации. Что из этого получилось, не мне судить, но Наталья Георгиевна свою наставническую миссию выполняла стоически. За это я ей всегда буду безмерно благодарен!

Нельзя не вспомнить и занятный эпизод наших взаимоотношений, связанный с одним из самых радостных дней моей жизни! 16 мая 1974 г. моя жена Галя родила нашего первенца Петра. Как только я оказался

в редакции, все, конечно, уже готовы были разделить мою радость. Я же припас все, что требовалось, и мы выпили коньяку. Думова радовалась вместе со всеми, но при этом чем-то была очень взволнована и все время что-то искала в своем столе. Как мы узнали позднее, она не могла найти свой партбилет, который требовался для предъявления в связи с предполагавшейся поездкой вместе с мужем — главным редактором журнала «Вопросы истории» в Японию! Не найдя его, она вынуждена была признаться в этом своему высокопоставленному супругу, который ей попенял: «Наташа! Как ты меня подвела!» Это был недавний новый брак Натальи Георгиевны, и она, конечно, очень переживала о случившемся. Кстати, тогда потеря партбилета действительно была сродни катастрофе! И вот, после возлияний в кабинете главного редактора по поводу рождения моего сына, она вернулась к себе и в отчаянии резко выдвинула ящик стола так, что он вывалился... За задней стенкой ящика она обнаружила свой партбилет! Тут она так обрадовалась рождению Пети, что вручила нам денег на две новые бутылки коньяку. Я немедленно спустился в магазин на первый этаж нашего дома на Кузнецком и купил две бутылки «Плиски»! Так что праздник в редакции затянулся надолго.

Первыми моими масштабными делами в качестве заведующего отделом «История СССР за рубежом» была подготовка материалов к 30-летию Победы в 1975 г. Мы приняли решение подготовить серию статей по англо-американской историографии важнейших битв той войны: Битвы за Москву, Сталинградской битвы, Берлинской операции. Уже тогда, 45 лет назад, готовя к публикации эти материалы, я увидел, что в историографии стран Запада уже с первых послевоенных лет вклад СССР в Победу постоянно принижался и замалчивался.

В том же году я подготовил публикации своего раздела, связанные с юбилеем революции 1905 г. К этому времени замом главного редактора по досоветскому периоду стал мой профессор по Истфаку Борис Ильич Краснобаев. Почитав мои материалы, он их все запорол. Борис Ильич вообще недолюбливал эти обзоры критики зарубежных авторов как данность. Он вообще не очень понимал, зачем они нужны. Поэтому спорить с ним о мелочах или конкретных сюжетах на эту тему было почти бесполезно.

Но я должен был заполнить представленные мне объемы номера, поэтому стал лихорадочно искать выход. Поехал к Игрицкому. Тот, не пытаясь что-то объяснить, стал активно править готовый вроде материал, переставляя страницы, абзацы, добавляя и позитива, и критики. Попивая при этом портвейн, он приговаривал: «Ну, Коля, ну, Коля!!!» — поминая

так хорошо нам обоим знакомого и не раз редактируемого автора! В итоге что-то получилось нашими общими усилиями. Я опять пошел к Краснобаеву. Тот увидел, что многое из того, что его не устраивало, или изменилось, или вообще исчезло из текста статьи и... сменил гнев на милость.

Авторы, конечно, по-разному реагировали, реагируют и будут реагировать на редакторские вторжения в их текст! Редко, когда они благодарят редактора. Но, как правило, чем автор маститее, тем больше шансов получить благодарность. Не могу не вспоминать письменную благодарность мне Владимира Терентьевича Пашуто, нашего выдающегося медиевиста, который поблагодарил меня за редактирование... его небольшой рецензии.

Вместе с моим Учителем мы проработали в редакции только два года с небольшим. При этом мы продолжали и совместную научную деятельность, и я заканчивал свою кандидатскую диссертацию уже под его руководством. Кстати, собирал я материал в Архиве Министерства автомобильной промышленности, которое находилось через дом от здания редакции на Кузнецком Мосту. Дом этот все помнят по роману Солженицына «В круге первом». Именно там до 50-х гг. находилось Министерство иностранных дел, а у входа до сих пор стоит памятник Воровскому. Всесоюзная публичная научно-техническая библиотека также находится на этой улице, и там я читал технические журналы по автопрому и отраслевой журнал «Автомобильная промышленность».

Как-то возвращаемся мы вместе с Учителем в Москву с его дачи после обсуждения наших общих дел, и тут он мне сообщает, что уходит из редакции. Конечно, меня это очень опечалило, сразу почувствовал себя почти сиротой. Но надо было продолжать работать. Следует сказать, что Дробижев до последних своих дней пользовался авторитетом и популярностью в стенах редакции, и потом не раз и не два публиковался в журнале. Были у нас и совместные публикации.

Редакция всегда жила жизнью нескучной, и чопорности в ее атмосфере не было никакой. Виделись мы регулярно, но не каждый день, поэтому и не надоедали друг другу. Склок и всяких кляуз друг на друга никогда не было. А вот розыгрыши бывали. Наш дорогой Георгий Суменович, скучая в одиночестве, любил многих разыграть. Так, на 1 апреля он мог посылать наших дам в магазины за обновками и дефицитом к весне, якобы на какие-то распродажи, а Марка Петровича отправить в магазин на первом этаже дома, где тот жил, за гречкой (это был тогда дефицит).

Мне же он как-то сообщил, что звонили из «Комсомолки» и просили направить одного сотрудника в командировку в Англию, конечно со

знанием языка, и он, мол, назвал меня. Я поначалу даже клюнул, но когда он переспросил, не звонил ли я по указанному им телефону, заподозрил неладное — чего это он так беспокоится? Тем более к тому времени я не то чтобы в Англию, но в Болгарию или Польшу попасть не рассчитывал.

На следующий год я, предупредив кое-кого в редакции, разыграл и Осипяна. У меня шел материал о трудах японских авторов, посвященных событиям Октября 1917 г. Конечно, в основном об этом событии писали японские коммунисты, а сноски печатались на русском. В общем, полная ерунда. Но это и позволяло мне заявлять все что угодно, ведь Осипян ничего проверить не мог. Я и говорю ему, вбежав и запыхавшись, что посылаю на отзыв верстку этой статьи экспертам-востоковедам, и они обнаружили брак у автора: в пяти случаях он цитирует не японских, а корейских авторов! Мы обсуждали уже верстку, то есть статья уже в металле была. Осипян, когда волновался, принимался насвистывать. Он минут десять задумчиво насвистывал при тихом рыдании от смеха всех, знавших, в чем дело. Затем он вошел ко мне со словами: «Слушай, может, они хоть коммунисты?» Тут уже раздался всеобщий хохот в голос...

В 1979 г., когда я уже побывал впервые за границей — это была полностью перевернувшая мое сознание поездка в Польшу, Ковальченко позвал меня в свой кабинет и с места в карьер заявил, что хочет взять меня с собой в Америку в рамках совместного Советско-американского проекта по применению массовых источников и математических методов их анализа. Моя первая реакция была: «Это вряд ли получится». Иван Дмитриевич, фронтовик и человек бывалый в полном смысле слова, сразу сообразив, что я имел в виду, ответил: «Ну, мы еще повоюем!» Сама идея, конечно, не могла не восхитить меня. Приятно было и то, что он сам предложил мне поехать, попросив начать готовить доклад по теме моей дипломной работы, которая семь лет назад была опубликована в МГУ. Да и то, как он отреагировал на мои сомнения, было приятно. Но силы, конечно, были не на нашей стороне, и в какой-то момент Ковальченко сообщил, что поездка моя не состоится. Поводом для отказа компетентными органами послужило то, что Галя моя работала с иностранцами. На самом деле все было просто — один из курирующих это дело сам хотел поехать, ну и выдвинул нужный аргумент. Конечно, не исключено, что в ином случае также нашли бы «весомый» аргумент. Но само стремление моего начальника пробить мою поездку оставило благодарную память об этом человеке. Правда, было и комическое продолжение. Уже сообщив мне о провале нашего плана, он, с кем-то рассуждая о каком-то мероприятии, вдруг спросил меня: «Ефим! Ты с нами в Суздаль едешь?»

Через несколько лет моей деятельности в редакции я получил повышение по службе и даже подчиненную. Ковальченко решил образовать новый отдел по сюжетам, его больше всего интересовавшим. Этот отдел получил название «Историография, источниковедение, методы исторических исследований». Он предполагал публикации, я бы сказал, «высшего пилотажа». Во-первых, сам главный редактор печатал материалы именно по этим сюжетам, и мне посчастливилось быть редактором его трудов, во-вторых, многие его близкие коллеги занимались данной проблематикой. Впоследствии и я оказался в их числе. Моя подчиненная Н.В. Елисеева была выпускницей его кафедры, ученицей главного редактора и работала у нас секретарем редакции. Она поступала в мой отдел, поскольку мы продолжали готовить и материалы по истории СССР за рубежом. То есть мы с ней теперь отвечали за два раздела нашего журнала. Реорганизация привела к тому, что мне приходилось редактировать таких великих историков, как М.А. Барг, А.Я. Гуревич, Б.Г. Могилевский. И, конечно, я контактировал со многими известными источниковедами и историографами, а также их многочисленными учениками. Я имею в виду и школы Л.В. Милова, Н.И. Павленко, В.И. Бовыкина или, например, А.Г. Тартаковского и Б.Г. Литвака. Познакомился я и с блестящим Н.Я. Эдельманом. Я регулярно участвовал во всех историографических и источниковедческих конференциях, как правило, организуемых И.Д. Ковальченко. О некоторых из них следует рассказать.

В Новороссийске в начале ноября 1979 г. проводилась Всесоюзная конференция по проблемам источниковедения. Погода стояла отменная, и я не поленился взять с собой ласты. Целый день обсуждали предмет источниковедения, предлагали разные определения, пока на трибуну не вбежал Н.Я. Эдельман и взмолился: «Товарищи, может, оставим это? Мы же все понимаем, чем занимаемся, зачем нам самое совершенное определение? Знаете, каково, например, официальное определение пожара? Пожар — это возгорание предметов, подлежащих возгоранию». После этого мы с моим другом, уже, к сожалению, ушедшим в мир иной, А.К. Соколовым переоделись и пошли на пляж. А возвращаясь, нос к носу встретили нашего начальника в пиджаке и галстук только что после заседания. Я к тому же еще и с ластами был. Андрей работал у него на кафедре, а я у него в журнале... и он уж не знал, с кого начать разнос. Но начал с Андрея, хотя мы понимали, что это и меня касается.

Наконец настал официальный денек отдыха на море, и все поехали под Геленджик на пляж и там даже катались на водном велосипеде. Тартаковский, доплыв до нашего с Н.Б. Селунской велосипеда, захотел тоже

покататься. Я уступил ему место и направился к берегу, но когда подплывал, увидел строгого спасателя, который засек, что начал-то я заплыв за буйками, за которые мы «заехали» на велосипеде. Спасатель препроводил меня в свою каптерку и начал записывать в амбарную книгу сведения все более и более мрачнее: Пивовар Ефим Иосифович, заведующий отделом журнала, кандидат исторических наук, Москва, Всероссийская научная конференция и в завершение — штраф за поведение на воде в размере один рубль! Иван Дмитриевич потом очень смеялся по поводу моего штрафа, просто опустившего ниже плинтуса статистику правонарушений на пляже «Черноморка».

Бывали, конечно, и не такие радужные дни. Так, например, два раза снимали материалы моего отдела из соображений политических. Один раз это был небольшой обзор, не очень и глубокий, который завернули в Отделе науки и высших учебных заведений ЦК КПСС. Другой случай был вообще уникальным — был снят материал, за который боролся сам наш главный редактор. Но отзыв, который он получил из посольства СССР в ФРГ, подписанный, кстати, Валентином Фалиным, был отрицательным. Отрицательным было и мнение куратора нашего журнала в Секторе истории Отдела науки и учебных заведений ЦК КПСС. Но Ковальченко, зная автора лично и цenia его как исследователя, долго не сдавался, а наши сотрудники буквально держали его за руки, понимая, что при негативном развитии событий и его и меня из редакции уберут. Хочу заметить, что в годы перестройки и позже этот автор много раз публиковался и даже получал степени «гонорис кауза» в российских университетах. Но это было уже другое время!

В этом разделе очерка мне бы хотелось вспомнить и о тех моих коллегах по редакции, о которых я еще не упомянул или мало о них рассказал. В моей редакционной комнате вплоть до моего перехода в МГИИИ мы работали бок о бок с Риммой Валентиновной Костиной. Она была однокурсницей Л.В. Милова, и он, будучи замом главного редактора еще при Юрии Александровиче Полякове, привел ее к нам на работу. До этого Костина была учителем истории в школе, и один из ее учеников — доктор исторических наук А.А. Чернобаев, с которым мы дружны и сегодня. Костина вела очень хлопотный по своей научно-политической сути отдел истории народов СССР. По нынешним временам это все постсоветское пространство и все народы Российской Федерации. Наблюдая работу ее и ее начальников (Дробижева, а потом и Зеленина), я уже тогда понял, как много подводных камней в освещении истории народов СССР в нашей и зарубежной историографии — что ни напиши, все равно кого-ни-

будь заденешь и будешь виноватым. Римма Валентиновна ко всему, о чем писали ее авторы, относилась с некоторой долей снисходительности, понимая, что шедевров ей ждать было не от кого. Иногда ей самой не хватало глубокого знания темы — нельзя же быть специалистом во всем. Но она могла компенсировать это только собственным политическим чутьем или опытом своих товарищей по работе. Поэтому она нередко обращалась с вопросами и к Кутьеву, и к Рахманину, и даже ко мне.

Спрашивала она и Польского, не говоря уж о том, что консультировалась из дома и с другими своими авторами, которым доверяла. И конечно, в крайнем случае, ставила вопросы перед членами главной редакции. К тому же у нее было и формальное право — долгие годы Костина была нашим парторгом. Она же, кстати, сделала все, что было в ее силах, когда меня принимали в ряды партии, передав мне впоследствии и сам пост парторга редакции. Римма Валентиновна своей семьей не создала и все материнские чувства обратила на своего родного племянника, в судьбе которого принимала самое деятельное участие.

Назвать ее особо тактичной было и нельзя, но она вставала на защиту каждого, если чувствовала, что кого-то в редакции надо поддержать. Это все знали и нередко обращались к ней за поддержкой, прежде чем пойти наверх. Могла она выступить и перед внешними силами от лица всего коллектива, не всегда имея за спиной какой-либо административный ресурс. Но она была уверена в своем моральном праве, тем более, что практически никогда не просила за себя лично. Я появился в редакции аккуратно, когда Костина, защитив кандидатскую диссертацию, собиралась отметить это событие в ресторане. Пригласила она и меня, чего спокойно могла и не делать. Мы ведь ранее не были знакомы, да и в деньгах она всегда была ограничена, кормя сестру и племянника. Но Римма Валентиновна позвала всех сотрудников редакции и членов главной редакции. Для меня же это было особенно почетно и ценно. Рядом с нами был Центральный дом работников искусств, а в нем ресторан, куда мы и отправились. Римма Валентиновна очень была участлива к моей судьбе во многих смыслах: и в профессиональном, и в политическом, и в житейском. Может и не всегда и во всем стоило следовать ее советам, но знать ее позицию было не бесполезно.

Бывали и вопросы, на которые никто кроме самой жизни не мог дать ответа. Как-то, когда я уже долгое время возивший своего сына Петю — «надежду фигурного катания СССР» на тренировки к Елене Чайковской на стадион «Динамо» аж из Теплого Стана, стал с коллегами по комнате обсуждать — стоит ли на это все силы свои положить. Развернулась

оживленная дискуссия. И вот настал момент, когда кто-то с высоты своих лет и опыта должен был дать совет молодому родителю — жертвовать всем ради продолжения подготовки чемпиона или посмотреть, как оно само сложится. Костина приняла активное участие в обсуждении, и оказалась, в результате, совершенно права — она советовала обойтись без жертв. Я же на тот момент был совершенно с ней не согласен. Но все сложилось так, что фигуриста в нашей семье мы ни одного не вырастили. Так что теперь я могу с огромной благодарностью вспомнить свою старшую коллегу, с которой хоть и не был тесным образом дружен, но очень многим оказался ей обязан.

В редакции напротив Костиной и рядом со мной сидела Галина Исидоровна Щетинина, заведующая отделом истории СССР периода капитализма. Она была ученицей самого Петра Андреевича Зайнчковского, нашего выдающегося специалиста по истории пореформенной России второй половины XIX в. Многие в редакции считали, и не без оснований, что Щетинина не очень-то и старалась редактировать своих авторов, а чаще всего оставляла первоначальный вариант. Могу сказать, что и сам состав ее авторов был, как правило, одним из самых квалифицированных с точки зрения подачи материалов, поэтому она мало чем в этом плане рисковала. С другой стороны, в этом подходе был несомненный плюс: автор всегда оставался доволен. Была, правда, и одна опасность — научно-политическая составляющая ее продукции. Но здесь Галину Исидоровну спасала сама ее тематика.

Считалось, что для начальства история России XIX в. представляла гораздо меньшее зло и опасность. Возможно напрасно, но мнение такое бытовало. Сама Галина Исидоровна, бесспорно, хорошо знала свою тему. Она изучала российское студенчество и, конечно, как все ученики Зайнчковского, прекрасно ориентировалась в питерских архивах и дореволюционной российской периодике. По этим сюжетам, включая и историографические, и источниковедческие наработки, у нее можно было очень многое почерпнуть. Также у нее можно было поучиться почти полной невозмутимости при любой негативной ситуации — все отлетало от нее как ни в чем не бывало. Но судьбе было угодно, чтобы на нее обрушилось страшное личное горе — она похоронила своего обожаемого единственного сына и вскоре, не пережив этого, ушла в могилу сама.

После ухода Кутьева ему на смену из нашего издательства «Наука» пришел парень несколько старше меня и уже опытный редактор — Олег Иванович Рахманин. В противоположность Валентину Федоровичу он был словоохотлив, много общался со всеми, собирал отовсюду всякую

информацию, долго ее анализировал, «мусолил», но порой не очень хорошо фильтровал. Он много редактировал в «Науке» сотрудников академических институтов и знал их не понаслышке. Олег Рахманин много балагурил в редакции, шутил и рассказывал новости. Он был женат уже в третий раз, что вызывало оживление и некоторый интерес у женской части редакции. При этом он был верным товарищем, готовым всегда помочь и советом, и делом. Я никогда не забуду наши постоянные беседы и в редакции, и по домашнему телефону после очередной редколлегии, или после какого-то события в институте или в Отделении истории. Да мало ли было поводов для заинтересованного разговора людей, понимавших друг друга с полуслова! К сожалению, он рано ушел из жизни из-за трагической случайности. Я принимал самое деятельное участие в его похоронах. Да и покоится Олег Иванович в Барыбино, по дороге на мой дачный участок. Светлая ему память! Через десятилетия ко мне, уже ректору РГГУ, обратилась его вдова Римма по поводу своей племянницы (детей у них не было), и я постарался как-то помочь.

Олега сменил в редакции Михаил Федорович Гржебин. Миша происходит, по моим представлениям, из семейства знаменитых российских издателей Гржебиных, да и сам он в этой сфере работает до сих пор. Пришел он тогда в редакцию из знаменитого издательства социально-политической литературы «Мысль» вслед за нашей новой после Осипяна ответственной редакторшей Юлией Владимировной Мочаловой. Издательство в советские годы было знаменито своей продукцией, да я и сам опубликовал там свою первую книгу. Миша, как и Олег, был больше редактором — его статей в журнале я не помню. Но редактором он, разумеется, был прекрасным и остается таковым по сей день. Я же был еще и автором, и в эти годы написал и защитил первую свою диссертацию, а также практически полностью написал вторую. Свою докторскую я обсуждал на кафедре Дробижева в МГИАИ, еще работая в журнале. Миша оставался в редакции и после моего ухода в МГИАИ. Контачили мы позже и по хорошим, и по печальным поводам. Даст бог, еще пересечемся.

В нашей редакции трудилась еще одна замечательная личность — наш литсотрудник Лариса Николаевна Полторацкая, человек тонкого вкуса к печатному слову и большого такта. Делала она свою работу как бы незаметно, но результат был виден всем. Ритм этой деятельности ее, конечно, изматывал. Пик нагрузки всегда приходился на последние недели перед сдачей номера. Особенно ее ценили у нас люди, сами имевшие вкус к слову, как, например, Наталья Георгиевна Думова или всегда с ней споривший, но признававший ее вкус Марк Петрович Польский. И напротив,

Галина Исидоровна Щетинина, дай ей волю, мало что приняла бы, всегда утверждая, и не без основания, что «глупость каждого должна быть видна! Ведь автором значилась отнюдь не Лариса Николаевна Полторацкая». Я очень благодарен Ларисе Николаевне за профессиональную науку — за указания на то, как важны нюансы в изложении, как нужно стремиться избегать двусмысленностей, повторов, лишних слов и слов-паразитов, как правильно оформить текст курсивами, выделениями, шрифтами, абзацами и прочее, и прочее, и прочее. А также благодарен и за ее такт, которому эта маленькая, изящная, хрупкая женщина никогда не изменяла. Ну а грубого слова из этих уст вообще невозможно было услышать! Конечно, Лариса Николаевна не хотела ничего знать о принципах политической целесообразности и применявшихся при этом штампах, поэтому, когда ее припирали к стенке, она только пожимала плечами, мол, нет приема против лома, и вынуждена была немного отступить.

После ухода из редакции Натальи Георгиевны Думовой ее функции отдела критики и библиографии передали, пожалуй, самой колоритной фигуре нашего коллектива Марку Петровичу Польскому. Судьба его завораживала своими взлетами и падениями. Начав свою журналистскую деятельность в Международной редакции «Комсомольской правды» вместе с такими мэтрами, как Валентин Зорин, Польский был вынужден сначала уйти в «Советскую культуру», потом еще куда-то, вплоть до «Общественного питания». Он так и заявлял: «Когда я работал в ЖОПе — журнале “Общественное питание”...». Там, по словам Думовой, он бы и закончил, если бы его не знала Галина Яковлевна, жена Юрия Александровича Полякова и одновременно заведующая кафедрой истории КПСС Плехановского института. Она и попросила мужа взять Польского в редакцию ответственным секретарем. Ну а после ухода Полякова из журнала Польского «подвинули» сыном бакинского комиссара, до этого работавшего главным редактором всего издательства «Наука». Осипяна за что-то понизили до нашей редакции, а Польского оставили заведующим отделом научной жизни. Но Марк Петрович в свои пятьдесят лет имел силу воли начать карьеру заново. При Ковальченко (шеф не страдал антисемитизмом) он не только возглавил сразу два раздела журнала, но и написал в стенах редакции обе диссертации по исторической тематике и выпустил книгу, став доктором исторических наук примерно в одно со мной время! Конечно, он был кладом житейского опыта, включая и многие бытовые проблемы. С чувством юмора у него тоже все было в порядке. За словом в карман он никогда не лез, и многие его выражения разобрали на цитаты. Меня, поскольку

я один был в редакции автомобилистом, называл за глаза и в глаза «Водилой», а Рахматулина, выписывавшего журнал «Катера и яхты», не иначе как «Мотористом». Когда один из его авторов вздумал ему заявить, как, мол, он разговаривает с доктором наук, он, медленно сняв свои очки с большими диоптриями, негромко так, но четко произнес: «Докторов наук до хрена! Журнал “История СССР” — один (тут он поднимал указательный палец), а обо мне и говорить не приходится. Иди отсюда к такой-то матери!» Как-то некий автор заскочил к нам с вопросом: «А где здесь Винокур?», разыскивая, видимо, меня, Пивовара. Польский сразу ему ответил, что тот «сегодня на другой площадке».

Ковальченко только Польскому как специалисту по «общественному питанию» поручал организовывать праздничные мероприятия в ресторане, к примеру. Но случалось, его усилия были напрасны. Как-то, готовя скромный стол в редакции, он решил украсить тарелку с колбасой одним кусочком сыра... но кто-то из наших сотрудников вернул этот кусочек на тарелку с сыром! Его познания в самом историческом материале не всегда были основательны, но зато он считал себя докой в полиграфии и в политике текущего момента. Последнее не всеми признавалось, в том числе и автором этих строк. Еще он был неплохим оратором, но в условиях цейтнота это не всегда было к месту, и его могли и прервать, и отмахнуться. Но все равно мы ждали этих его тирад и небольших практически театральных выступлений. Марк Петрович относился ко мне не просто по-доброму, а практически как старший брат или родной дядя. Это не мешало нам и спорить порой до крика, и подтрунивать друг над другом, и правду друг другу молвить.

Над домом на площади около МИДа, где он жил в коммунальной квартире, горело по вечерам табло: «Печать — наше грозное оружие». Он был лет двадцать как в разводе. Бывшая жена и сын долгие годы с ним не контактировали, а затем и вовсе уехали в США, где я с младшим Польским пару раз разговаривал по телефону. Родни у него в Москве не осталось — родная сестра и племянник еще раньше покинули Советский Союз. Была у него в последние годы жизни в СССР женщина, которая к нему была очень привязана. Она в больницу приходила его выхаживать, когда он загремел с тяжелейшим инфарктом. Но впоследствии, когда он уже поправился, сама ушла в мир иной от онкологии. Воистину, чудны дела твои, Господи...

Мне удалось помочь ему с жильем. Как член Союза журналистов, он имел право вступить в ЖКХ издательства «Наука». Как-то на овощной базе, бывала такая разнарядка от нашего доблестного издательства,

перебирая свеклу, узнал от одной нашей барышни, что они формируют в издательстве «Наука» ЖКХ, а члены Союза журналистов имеют право вступить в него первоочередно. Так Марк Петрович получил квартиру в Ясенева прямо у метро и недалеко от нашей академической больницы. Все время вспоминаю этот случай, когда по возрасту все чаще проезжаю этот дом или по пути в больницу, или выезжая из больницы РАН.

Кстати об овощных базах. Этого довольно противного и унижительного мероприятия советской действительности никак нельзя было избежать, ведь я был еще и самым молодым сотрудником редакции, разве только Наташа Елисеева была моложе. Поэтому я попадал туда регулярно, а ехать было нужно всегда на другой конец Москвы. Сначала на метро, потом еще на чем-то, причем рано утром. Как-то раз спускаюсь я в метро на станции «Профсоюзная», одетый, как положено для овощной базы, почти как бомж. Тут меня под белые ручки загребает милиционер, просит паспорт показать, который, конечно, на овощную базу никто не брал. Узнав от меня, где я работаю и телефон редакции, он при мне звонит Мочаловой, спрашивает, есть ли такой Пивовар в составе работников журнала, и отпускает меня с богом... Так до сих пор и не ясно мне, что же он выяснил!

Возвращаясь к образу Марка Петровича, не знаю даже, была ли тема, которую я бы с ним не обсуждал. Вплоть до мелочей. Мы как-то решили с Галей воспользоваться возможностью, тогда не частой, и заказать ей шубу из каракульчи. Польский узнал, что мне нужно купить подкладку. Он походил по магазинам «Ткани», нашел нужный материал и долго мне объяснял, почему именно его нужно брать. При разговоре тет-а-тет он не скупился на нецензурные выражения, и можно представить, что произошло, когда он комментировал мои способности горе-покупателя!

Конечно, с молодым задором и как выпускник Истфака, я подтрунивал над темами его штудий, начав с того, что тема по истории общественного питания в Стране Советов сродни просто «бутербродной теме». Ну а когда он на полном серьезе стал мне доказывать разницу между общественным питанием при социализме и массовым — при капитализме, моей радости не было предела!

Как-то мы стали обсуждать возможных оппонентов его будущей докторской, и я стал ему предлагать самых известных и ярких коллег по цеху. Марк Петрович послушал «этого в его глазах неопытного юнца» и изрек: «Такие оппоненты мне на ... не нужны! Они будут красоваться, размазывая, как дерьмо по тарелочке, все, что я сотворил. В этом деле мне совсем не нужны гении и яйцеголовые наши писатели, пускай они

пишут нам в журнал, участвуют у вас дискуссиях в ваших рубриках, разделяют под орех труды своих противников и т.д. и т.п. А мне нужны спокойные товарищи, сами с большим трудом, своей задницей неутомимой долго шедшие, как и я, к заветной цели, уважающие большие усилия коллег, может быть и без больших открытий мирового уровня, но представившие на суд совета работу завершённую и основательную, вот каких нужно найти оппонентов...»

Это соображение я позже имел в виду, когда стал размышлять о своих оппонентах, хотя мне в этом деле помогал сам Дробижев, что сильно облегчало задачу. Но когда я сегодня ищу оппонентов для своих учеников, то всегда вспоминаю своего старшего друга. А он, кстати, всегда сулил мне высокую будущность. Он утверждал, что я достигну большего административного успеха, чем мой учитель! Из чего он исходил, право не знаю, но формально оказался прав. Владимир Зиновьевич Дробижев, обладая выдающимися административными способностями, достиг только поста заместителя заведующего кафедрой в МГУ и заведующего кафедрой в МГИАИ. Зато, когда судьба даровала ему первые роли, его энергии, напору, молниеносности и верности решений можно было только позавидовать! Конечно, и прожил он очень мало — меньше 58 лет. Но формально к его возрасту я уже достиг пика своей административной карьеры. Справедливости ради стоит отметить, что Марк Петрович, «воспитанный» в годы борьбы с космополитизмом, был уверен, что мое продвижение по карьерной лестнице будет все равно ограниченным.

Чувствуя, что я достаточно точен в названиях работ, Польский, который был ровесником моего отца, прислушивался и к моим поправкам в формулировках. Кстати, окончательные названия обеих наших докторских диссертаций — это плод четырех авторов: нас двоих, а также Владимира Зиновьевича Дробижева и Ивана Дмитриевича Ковальченко. Так что роль журнала «История СССР» в этом деле бесспорна! А вообще интерес к формулировке названия любой работы или какого-то семинара, чтений, проектов, учреждения и т.п. пришел ко мне из многочисленных обсуждений этой темы с Марком Петровичем Польским. И многие названия, мною созданные, давно уже живут своей жизнью.

В жизни нашей редакции случались обстоятельства, которые можно назвать чрезвычайными. Это, например, так называемые «выдерки». Это те случаи, когда приходилось уже из готового тиража журнала, а это десять тысяч экземпляров, что-то убирать или исправлять вручную. Первый раз это произошло, когда на одной полосе вместо ЦК КПСС было напечатано ТК КПСС. Нам пришлось в каждом номере это исправлять,

то есть один человек раскрывал журнал на нужной странице, другой лезвием одну букву стирал, другой вручную буквой печатал, а следующий складывал готовые экземпляры, когда все высыхало. Вот так! Другой раз в журнале напечатали рецензию на книгу «Таджики». Некоторые моменты в книге вызвали критику у узбеков, за которой стоял сам первый секретарь Компартии Узбекистана. При этом отдел науки имел одну позицию, отдел агитации и пропаганды, кажется, другую. Сначала была дана команда текст выдирать и вставлять другой текст, когда процентов 25 уже было сделано. Потом поступила команда выдерку прекратить, затем продолжить и так далее...

Правда, один раз мы все пострадали за других. В издательстве «Наука» издавался журнал «Химия и жизнь» (30 тысяч экземпляров). Было время накануне очередного съезда КПСС, и политорганы предлагали открыть номер чем-то, что связано было бы с этим историческим событием. Наши доблестные химики на первой своей странице напечатали лихой такой рисунок: летит грузовичок, в его кабине — свинюшка, козлик, еще какая-то улыбающаяся живность, а в кузове — большие коробки с бантиками, в которых добавки то ли к кормам, то ли еще к чему-то. А над всем этим животным миром надпись — «Навстречу XXVI съезду КПСС». Какой-то ретивый пропагандист это все забраковал, и мы в типографии города Чехова все это выдирали ради квартальной премии.

Был случай, который привел нашего дорогого Георгия Суреновича к подлинному триумфу и бесконечным благодарностям, раздававшимся во всех наших домах, и повторению песни Высоцкого на свой лад: потому что «премия в квартал» в тот раз «не накрылась». Страна готовилась отпраздновать очередной 75-летний юбилей дорогого Леонида Ильича. И по этому поводу все журналы должны были помещать портрет любимого вождя. Можно было, наверное, и не делать этого, но на всякий случай помещали все.

Осипян поступил не тривиально — он выбрал портрет Леонида Ильича, сидящего вполоборота и даже курившего, в общем, живого человека. Но ведь все журналы сдавались в типографию заблаговременно, а в канун всенародного торжества Брежнев получил еще одну награду Родины. И все должны были менять портреты, на которых не хватало награды, а это где-то до сотни периодических изданий нашего издательства «Наука». Меняли все, кроме нас. Мы одни вышли вовремя и получили свою премию (а это три оклада!).

Мы все с большим уважением относились к нашему главному редактору и гордились им, понимая, что он не только прекрасный руково-

дитель, но и настоящий ученый. С радостью отмечали его юбилеи, болели за него во время выборов в академики. К сожалению, пока я работал в редакции, Ивана Дмитриевича, избранного в члены-корреспонденты в 1973 г., до 1986 г. так и не выбрали в академики. Очень активно отмечали мы и круглые даты журнала: двадцатилетие и двадцатипятилетие. Был я и на тридцатилетии. Во время банкета в ресторане «Москва» стол вели два академика — Ким и Минц, а точнее каждый считал, что ведет именно он! Началось между ними соревнование, но Минц по части выпить был закаленным бойцом. Все знали, что перед ним нужно поставить бутылку коньяку, из которой он один и будет пить.

Когда Ким уже не претендовал на руководство столом по объективным причинам — просто не мог говорить, Минц, бесспорно, много сил отдавший своей победе, произнес: «По-моему, здесь пытались произвести госпереворот, но попытка провалилась!»

Ковальченко решил через некоторое время дать слово мне. Он назвал мою фамилию, я поднялся, и вдруг Минц произносит: «Надо фамилию поменять!» Возможно он выпил больше, чем было в его бутылке, но вышло форменное хамство. Я же и ответил соответственно, что фамилию менять не собираюсь. Тут начался переполох, многие маститые ученые, в том числе великий С.С. Дмитриев, пытаясь как-то исправить неудобное положение, вскричали: «Да хорошая же фамилия!» Минц сразу прикинулся, что плохо слышит, и все как-то само собой прошло.

Один раз на нашу команду была проведена попытка идеологического нападения руками нового директора института А.А. Нарочницкого. Он собрал комиссию из сотрудников института и поручил ей искать на нас компромат. Ковальченко вместе со всеми нами, опираясь на влиятельных своих авторов и членов редколлегии, в том числе из ЦК КПСС, удалось с большим трудом, но устоять!

Кстати, тогда я понял, что одна и та же фраза в устах разных людей может иметь разные последствия. Так, Иван Дмитриевич очень часто справедливо повторял, что журнал «История СССР» — всероссийский орган по отечественной истории, ведь авторами его были все историки нашей страны, занимающиеся историей СССР. Он был представлен в каждом отечественном вузе! И вот его заместитель, Илья Николаевич Зеленин, будучи сотрудником института, в присутствии директора института произнес дословно то же самое и получил разнос за, казалось бы, само собой разумеющееся, и даже услышал официальное опровержение. Ибо журнал ... был органом института! И только института! Хотя на самом деле лишь меньшая часть авторов была представлена нашим

институтом! И многие актуальные и крупные проблемы, которые освещал журнал, вообще сотрудниками института по разным причинам не разрабатывались.

Так, например, случилось, когда журналу было поручено компетентными органами после специального постановления ЦК КПСС освещать на своих страницах проблематику критики и даже борьбы против маоизма! Это, разумеется, произошло после событий на Даманском и китайско-советских столкновений на границе. Во Владивостоке была запланирована специальная научная сессия, посвященная критике маоистских концепций истории России. И мне предложили поехать и заказать какие-нибудь статьи для нас.

Мероприятие было неслыханным! Я к тому времени ни разу так далеко не летал, а тогда перелет составлял 13 часов с посадкой на несколько часов в Хабаровске. Марк Петрович Польский сразу предложил мне отправить руководителю Дальневосточного отделения АН СССР специальную телеграмму, подписанную самим главным редактором журнала, о приезде спецкора, заведующего отделом и пр. с просьбой оказать полное содействие.

Мне даже купили билет в первый класс рейса Москва-Хабаровск-Владивосток, аж за 134 рубля! До этого я первым классом никогда не летал, да и после этого бизнес-классом я стал летать только через много-много лет. В самолете мне наливали коньяку и водочки, и закусывал я черной и красной икрой. Соседом моим по рейсу был какой-то бухгалтер-ревизор, ехавший с проверкой финансовой, и понятно, почему ему купили билет в первый класс ожидавшие его граждане далекого Владивостока!

Выйдя в Хабаровске, я смог попасть в центр города и увидеть Амур. Но сам город не произвел на меня впечатления — много было домиков частного сектора, похожих на домики моего родного Перова, где фундамент уже гулял, а часть окон была заколочена...

Но в аэропорту Владивостока, после паспортного контроля, прямо в салоне проводимого пограничниками (забыл сказать, что тогда въезд во Владивосток был по разрешениям, которые нужно было заранее получить в Москве), меня ждал персональный рафик с заместителем директора института, который и доставил спецкора журнала во Владик — так ласково зовут свой город его жители. Наутро меня принял сам членкор АН СССР А.И. Крушанов, который тогда властвовал в своем институте, как в дальнем уделе российской научной империи. Он был человеком активным и энергичным. Встретил он меня явно после продолжительных вечерних боев с зеленым змеем и процесс общения со мной, ко-

нечно, хотел сократить. Но он стойчески выдержал процедуру передачи ему приветов и пожеланий от московских коллег, писем и записок, ему адресованных, грамот с моими полномочиями и редакционными заданиями. Я участвовал в его конференции, слушал его грозные речи в адрес восточного соседа. Помню и смешные детали, например, когда он стал объяснять место и роль якутского этноса и его соседей на Дальнем Востоке. Он вдруг поднял в зале одного скромного парня и сказал, что перед нами представитель народа юкагиров. После этого он заявил, что когда-то по сравнению с малочисленными якутами дым от юкагирских костров затмевал даже солнце!

Мы как-то поехали с ним на его машине за город и перепутали направление... Тогда Андрей Иванович рассказал мне случай, когда в Монголии его повезли на единственный или самый большой, но чисто монгольский водопад. Жара стояла страшная, машина тащилась по бескрайней степи бесконечно долго. Примерно часа через три вице-президент Монгольской академии, который и сопровождал советскую делегацию ученых, что-то спросил у водителя на своем языке, потом еще что-то... Потом полез в карман, стал глотать таблетки и только затем сказал: «Однако в другую сторону поехали...»

Меня во Владивостоке опекала еще одна команда. Это были два аспиранта заведующей кафедрой истории СССР Элеоноры Васильевны Ермаковой, близкой знакомой Владимира Зиновьевича Дробижева, бывавшего здесь до меня. Она печаталась в нашем журнале. Это была очень энергичная женщина 45–50 лет, знавшая в городе практически всех, кто что-либо решал. К тому же она была женой морского офицера. Благодаря ее протекции я попал на флагман китобойной флотилии и на огромный корабль-плавбазу рыбного флота, на которой в путины около 900 лиц женского пола разделявают сайру в течение месяцев шести и более. При этом вся команда мужского пола составляла около 40 человек. Увидел я и женские кубрики с двухъярусными кроватями на цепях, и кают-компанию, и номер боцмана — трехкомнатную квартиру со всеми удобствами. Выводы мог делать сам. Привезли меня и на берег Тихого океана, где я в первый и последний пока раз сам поймал на удочку камбалу. На берегу я нашел много морских звезд, из которых затем сделал своему сыну Пете маршальские погоны. Ромы тогда еще у нас не было, а то бы сделал и ему. На берегу я набрал воды из Тихого океана, желая привезти ее в Москву, в Восточную Европу, омываемую водами Атлантики. Но не тут-то было! В Хабаровске бдительные погранцы заставили меня эту воду вылить. Я, дурак, тогда не понимал всей ценности для западных разведок

проб воды из наших закрытых территорий на Тихом океане. Когда я стал собираться в обратный путь, то обнаружил огромное разнообразие соленой и копченой рыбы во Владике. В итоге я вынул все свои пожитки из чемодана, переложил их в картонную коробку и загрузил его только заломом, селедкой, красной рыбой разных сортов и видов — всем, кроме икры. Ее мне только маленькую баночку в Хабаровске удалось найти. Вернувшись в редакцию, я устроил рыбный пир! И всех убедил, что вкуснее тихоокеанского заломы ничего не может быть.

Уже с начала 80-х я стал искать себе применение вне редакции. Я преподавал в ряде вузов, в том числе в ВЮЗИ на кафедре истории КПСС. Другой там и не было для заочников. Зато когда меня останавливали гаишники и традиционно спрашивали, кем работаю, после ответа: «В ВЮЗИ!» — всегда с почетом отпускали. Потом я работал в Ленинском Педе, вел семинары у узбекских групп, затем у студентов факультета, готовящего преподавателей-дефектологов. Ну и, конечно, не мог не размышлять о поисках дальнейшей работы после ухода из редакции. Пути могли быть разными. Например, институт Академии наук — традиционный путь многих моих коллег. Или какой-либо вуз, куда я готов был пойти только на кафедру отечественной истории. При этом выбор был в Москве небольшим. Помню даже попытки свои попасть в ИМЛ при ЦК КПСС, куда я приглашен был на беседу и притащил с собой целый дипломат своих трудов... а они меня спросили о «концепции ускорения». Возвращаясь пешком к станции «ВДНХ», я про себя смеялся: концепция! Все просто с ускорением и его концепцией: бери больше и кидай дальше! Вот тебе и ускорение, которому меня еще папа учил.

Было у меня и предложение от Ю.Н. Афанасьева пойти работать к нему в отдел истории редакции журнала «Коммунист». Я ему сразу сказал — вы меня не сможете взять. На дворе был уже апрель-май 1985 г. Он стал возражать и просил звонить ему каждый день, ожидая вызова к его руководству. Надо сказать, что в эти самые майские дни я был все время в Москве и занимался ремонтом нашей квартиры на Профсоюзной. Я мотался по магазинам и хозяйственным базам и регулярно, между этими занятиями, звонил Афанасьеву. А он сообщал, что сегодня не позовут...

Наконец он меня вызвал и я приехал в редакцию. Меня встретил его зам Бушуев, сообщил, что Юрия Николаевича вызвали в ЦК и он меня сопроводит на беседу к заместителю главного редактора журнала Бугаеву. Сам Бушуев с трудом ходил, опираясь на палку... И вот мы входим к человеку с лысым черепом. Иван Иосифович, по-моему, так

звали его, или Иосиф Иванович. Он минут сорок рассказывал о своем здоровье — о том, как простудился еще в белорусских лесах в годы своей партизанской молодости, где был рядом с Зимяниным (секретарем ЦК КПСС в это время). И вот с тех пор, мол, чихаю и сморкаюсь нередко... В заключение поблагодарил меня за встречу... Встретив возвратившегося Афанасьева, я сообщил ему, что мог, и проводил к автобусу, который возил партийных слуг трудящихся в столовую ЦК на обед и обратно в редакцию. Афанасьев сказал, что теперь меня главный редактор вызовет. Но этого так и не случилось.

Ну а когда летом 1986 года меня позвал Дробижев и сказал, что с осени он возьмет меня в штат МГИАИ, вопрос был снят. Кстати, я уже год был связан с кафедрой Дробижева — что-то писал ему, вел семинары, участвовал в обсуждениях. Все это происходило в помещении, в котором впоследствии расположился ресторан «Борис Годунов». А тогда именно там находились кафедра шефа и некое подобие музея МГИАИ. Мебель там была довольно ветхая. Помню, как одна стажерка из США утверждала тему своей работы по истории советской космонавтики и прямо в этот момент провалилась на своем сломавшемся стуле. Я, присутствуя на заседании, сказал при всех Дробижеву, что Филлес, так звали милую и красивую девушку, прямо сейчас можно отправлять в открытый космос!

Важнейшая часть моей профессиональной жизни в журнале «История СССР» подходила к концу. Но с редакцией этого журнала я не расстался до сих пор. В 1989 г., будучи уже деканом ФАДа МГИАИ, вопреки воле Афанасьева, я стал заместителем главного редактора у Корнелия Федоровича Шацилло. Работал с ним, пока он оставался главным, выполняя функции куратора советского периода, как и мой уже ушедший в мир иной шеф. Тогда я на время унаследовал оба его поста: и заведующего кафедрой, и зама главного редактора.

С тех пор и поныне я вхожу в редколлегию журнала, хотя историческое время несколько раз менялось кардинально, так же как вес и значение журнала для развития исторического знания. Со всеми работавшими в редакции после моего ухода я старался поддерживать связь, приходил на юбилеи и выступал и с воспоминаниями, когда звали. С Натальей Георгиевной Думовой долгие годы контактировал, даже учил и выучил ее внука. А сейчас перезваниваюсь с ее очаровательной дочкой Олей и передаю маме приветы. С Марком Петровичем Польским был в постоянном контакте и до тех пор, пока он работал в редакции, и после, когда он уехал из страны. Храню до сих пор часть его изумительных пи-

сем из США, написанных почти каллиграфическим почерком с какими-то вырезками из газет. На конверте всегда была приписка: «В письме денег нет, просьба не вскрывать и переслать адресату». Затем, когда я приезжал в США как приглашенный профессор, всегда старался ему звонить и узнавал много интересного об эмигрантской жизни. А я был счастлив сообщить ему, что его многолетний младший товарищ, которого он пытался учить уму-разуму, стал на его родине ректором РГГУ. Он узнал об этом в 2006 г., когда меня избрали и утвердили на коллегии Рособразования. Как человек, много повидавший и ничему особенно не веривший на слово, он хотел убедиться в том, что это явь! Когда же я позвонил в следующий раз, трубку взял его племянник и сказал, что его уже нет в живых...

В заключение хочу еще раз сказать, что эта страница моей биографии по праву одна из самых значимых, и я действительно благодарен судьбе за то, что встретил таких ярких людей и многому научился у своих старших коллег. Насколько это удалось — не мне судить. А вот какую-то частицу памяти о них очень хотелось бы сохранить!

Ключевые слова:

В.И. Ленин, «русский фактор», Брестский мир, Антанта, Центральные державы, революция, Фабианское общество.

Efim I. Pivovar

FIRST JOB IN THE PROFESSION I TRAINED FOR

he editorial board of the Historical Reporter suggested that I should publish some memoirs for the special edition of the magazine. Believing that the magazine's readers might be interested in how the editorial boards of history magazines operated in our country in the past, I decided to publish my notes. The events described in this piece took place in the 1970s–1980s, i.e. 35–50 years ago. A lot of my mentors and older colleagues have unfortunately passed away... A lot has changed and continues to change in how the editorial staff of history magazines operates. Younger readers might find it nearly impossible to imagine some of the processes, phenomena, and actions that happened in those days... Nevertheless, I believe it is my duty as a historian to relay the past as it happened, without embellishing or holding back anything, as well as to talk about my mentors and colleagues that I got to work with. It is my earnest hope that my humble work will bring to life the people behind the hundreds of the History of the USSR issues sitting on library shelves all over the world.

Key Words: History of the USSR (research papers), Vladimir S. Drobizhev, Academy of Sciences of the USSR, Nauka (publisher), CPSU CC, Moscow State Historico-Archival Institute.

Efim I. Pivovar — Chairman of the Editorial Board of the Historical Reporter, Doctor of Historical Sciences, President of Russian State University for the Humanities, Professor, Corresponding Fellow of Russian Academy of Sciences.

 Пивовар Ефим Иосифович

доктор исторических наук, президент РГГУ, профессор,
член-корреспондент РАН, председатель редакционного совета
журнала «Исторический вестник»

DOI: 10.35549/HR.2022.2021.38.006

С.М. Исхаков

ВОСПОМИНАНИЯ КЕРИМ-БЕЯ РАТАЯ — НЕИЗВЕСТНЫЙ ИСТОЧНИК ПО ТУРКМЕНСКОЙ ИСТОРИИ КОНЦА XIX в. — ПЕРВОЙ ТРЕТИ XX в.

После распада СССР одним из ведущих направлений постсоветской исторической науки стало исследование межвоенной эмиграции, в том числе политической, происходившей главным образом в годы Гражданской войны и после нее из бывшей Российской империи. По этой тематике, которая представляет несомненный острый общественный интерес и в то же время фундаментальную научную проблему, имеются сотни публикаций. При этом ситуация на территории Кавказа, Крыма, Поволжья, Урала, Центральной Азии, особенно в отношении тюркско-мусульманских народов, все же изучена в историографии недостаточно, в результате чего сложилось немало искаженных интерпретаций исторических фактов и политэмигрантов, в том числе тех, кто так или иначе выражал за рубежом интересы мусульманских народов в СССР. Восприятие их в обществе вызывает порой самые противоречивые суждения, доходящие до такой дилеммы: одни считают, что это были выдающиеся личности, заслуживающие памятников, другие уверены в том, что их следует считать антигероями, скомпрометировавшими себя в эмиграции.

Как бы ни было, интеллектуальное наследие ряда эмигрантских политиков представляет большой интерес для анализа. В их рассу-

ждениях встречаются интересные свежие мысли, которые весьма актуальны и оригинальны, а сами их авторы в то же время предстают в определенном смысле образцом, который вполне можно сравнить с современными правителями и политиками, вставшими у руля власти в постсоветских государствах, в том числе в Центральной Азии.

Воплотили ли они то, о чем мечтали эти эмигранты? Насколько может быть полезно при разрешении тех или иных волнующих вопросов жизнедеятельности этих новых государств обращение к эмигрантскому наследию? Эти и другие сложные вопросы вольно и невольно встают при анализе эмигрантской истории и сопоставлении ее наследия с современной жизнью народов и действиями их элит в Северной Евразии.

В истории, к примеру, Туркменистана конца XIX в. — первой трети XX в., его коренного народа и его представителей, в особенности военных, отражается как переплетение, так и противостояние различных интересов и стремлений ряда стран и разных групп местного общества. Не случайно для современной туркменской исторической науки одним из направлений, которое нуждается в объективной оценке, являются вопросы, связанные с участием офицеров-туркмен в Первой мировой и Гражданской войнах¹.

Одним из них был Керим Беглер Ратай бей Чарджуйский, автор впервые вводимых в научный оборот воспоминаний и рассуждений о туркменской и русской/советской истории. О нем самом в историографии, по моим наблюдениям, нет сведений. В обнаруженной в архиве анкете, которую он заполнил 20 августа 1920 г., находясь в Белграде, указано, что родился он 6 октября 1888 г. в Чарджуе, что затем учился в Пажеском корпусе — престижном и привилегированном военно-учебном заведении в Петербурге. Будучи кавалеристом, отмечалось далее, он принимал участие в Русско-японской войне 1904–1905 гг., во время Первой мировой войны воевал на Кавказском фронте, где получил чин корнета в марте 1915 г., затем до 25 октября 1917 г. служил в 7-м Запасном кавалерийском полку, размещавшемся в Тамбове, являясь командиром эскадрона. За время службы он был 6 раз ранен и контужен, 23 ноября 1917 г. вышел в отставку по состоянию здоровья. В анкете указано, что он попал в Сербию из Польши в январе 1920 г.²

¹ Соегов М. Туркмены-командиры царской и «белой» армий: генерал Ораз-Сердар, сын Дыкма-Сердара // Научный Татарстан. 2015. № 3. С. 43.

² Государственный архив Российской Федерации (ГА РФ). Ф. Р-5042. Оп. 3. Д. 1615. Л. 1–1 об.

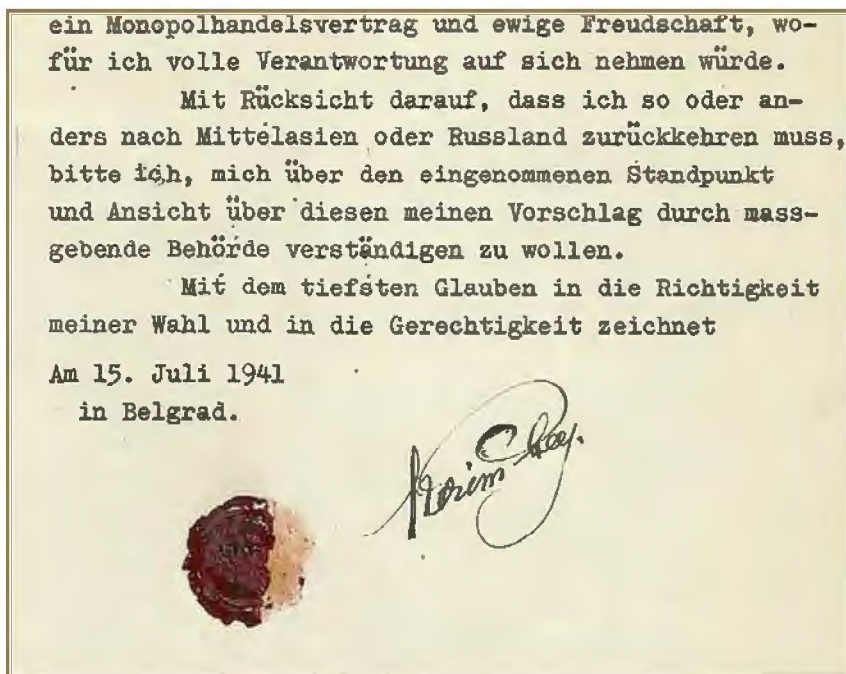

Илл. 1. Конный штабс-офицер лейб-гвардейского Конного полка.
Автор Керим-бей Ратай

Сербия, как часть созданного в 1918 г. Королевства сербов, хорватов и словенцев, во главе с королем Александром Карагеоргиевичем, выпускником Пажеского корпуса, приняла, как известно, тысячи беженцев из России и оказала им моральную и материальную помощь. Важнейшим центром этой эмиграции стал Белград. Среди осевших здесь эмигрантов много было профессоров, врачей, инженеров, педагогов, деятелей искусств, военных и др. Они постепенно более и более интегрировались в местное общество, но их жизнь, как правило, была весьма трудной.

Какой была ситуация в Белграде у Керим-бея, установить не удалось. На данный момент известно только, что он участвовал в культурной жизни русской эмиграции, о чем свидетельствует его рисунок гвардейского офицера (см. илл. 1)³, навеянный воспоминаниями об учебе в Петербурге.

³ «Кажется, мы успели...». К 40-летию выхода в свет парижского издания «Истории Лейб-гвардии Конного полка». (1938–1966). Каталог. М.; СПб., 2009. С. 43.

Илл. 2. Последняя страница записки Керим-бея Ратая о Туркменистане с его подписью

Возможно, в русскоязычных газетах, которые издавались в Белграде, имеются факты, свидетельствующие о его занятиях и круге общения, что требует изучения этих источников.

Весной 1941 г. Сербия была оккупирована Германией, и в Белграде было сформировано коллаборационистское правительство. 15 июля 1941 г. в Белграде Керим-бей подписал записку на немецком языке и передал ее дипломатам Германии, которые направили ее в Берлин. Сохранился подлинник этого документа с его подписью (см. илл. 2)⁴.

Этот доклад вместе с другими германскими документами попал в московский архив после поражения Германии в мае 1945 г., когда сотрудниками НКВД СССР в Берлине в одном из разрушенных помещений германского Министерства иностранных дел были обнаружены архивные документы, которые были доставлены осенью 1945 г. в Москву в НКВД СССР. Для перевода полученных документов была создана специальная группа переводчиков-сотрудников НКВД и НКГБ СССР. В конце 1945 г. фотокопии и переводы документов, касающиеся проведения интересов Германии среди тюркских народов, были направле-

⁴ Politisches Archiv des Auswärtigen Amts (PA AA). R Z211_261174_225. L. 231.

ны руководителям советского государства И.В. Сталину и В.М. Молотову. Документы из этого фонда, который хранится в Государственном архиве Российской Федерации, долгое время были недоступны исследователям, но во время перестройки были рассекречены.

Разразившаяся Вторая мировая война поставила перед мусульманскими политиками, оказавшимися в вынужденной эмиграции, ряд общих вопросов. Находившийся в эмиграции Керим-бей решил, что крайне необходимо и очень своевременно прояснить возможные перспективы послевоенного статуса своего народа в ходе встреч и переговоров с официальными лицами Германии.

В этой записке также содержится информация о нем самом, его жизни и деятельности. Здесь Керим-бей указал иной год своего рождения: «Я родился в январе 1881 г., за две недели до падения Геок-Тепе⁵, нашей главной крепости против России, т.е. с колыбели являюсь русским подданным». После окончания военной учебы в Петербурге, по его словам, он участвовал в войнах России в Китае 1900 г., в Японии в 1904 г., на Балканах в 1912 г., Первой мировой войне, польско-большевистской 1919–1920 гг.⁶ Естественно, что не мог воевать в Китае и в Японии, если бы он родился в 1888 г., как указал в своей анкете в 1920 г. Подобные случаи с изменениями года рождения были распространенными в эмигрантской жизни, при этом мотивы были самыми разными.

Воюя за интересы Российской империи, далее он отмечал, «всю жизнь, как интернированный проживал в Центральной России с запретом переезжать Волгу». Тем не менее «в 1907 г. я по поручению Англии и тайно от русского правительства провел 8 месяцев в Туркменистане, где хорошо ознакомился с потребностями и интересами страны и народа, признавшего и принявшего меня, как законного наследника правящей династии. Так как Англия предложила и обещала мне восстановление всех моих прежних прав, а также помощь в будущем, то я прямо со своей родины уехал в Индию. Там я познакомился с английской колониальной политикой, ее методами, вследствие чего отклонил всякое дальнейшее обсуждение своих дел»⁷. Очевидно, что опыт Великобритании в отношении восточных народов его не привлекал.

⁵ Взятие штурмом после 20-дневной осады крепости Геок-Тепе отрядом генерал-адъютанта М.Д. Скобелева произошло 12 января 1881 г.

⁶ ГА РФ. Ф. Р-9401. Оп. 2. Д. 102. Л. 243, 244.

⁷ Там же. Л. 244–245.

Как известно, в то время англо-русское соперничество на Востоке, за Среднюю Азию, ставшей важным экономическим, политическим и стратегическим фактором международных отношений, укрепление позиции России в Средней Азии означало усиление российского влияния в Европе, становилось фактором воздействия на британскую внешнюю политику. На этом фоне попытки британских представителей использовать Керим-бея в своих интересах не были успешными.

Вспоминая настроение туркменского народа, он далее писал: «Это было через 26 лет после утраты Туркменистаном независимости, т.е. в то время, когда в народе еще было свежо воспоминание о свободной жизни в собственном государстве. Поэтому он был недоволен господством России, против которой он был готов в любое время восстать, но только с помощью и в союзе с другой державой». В другом месте этой записки автор пишет, что хотя в войну 1881–1884 гг. туркмены были разбиты знаменитым русским генералом М.Д. Скобелевым, но на самом деле никогда не были поработаны, что сознавала и русская власть, ибо она не набирала в его стране солдат, не собирала налогов и никогда не проникала вглубь страны. Петербург, по свидетельству Керим-бея, был мало заинтересован в развитии здесь сельского хозяйства и очень мало заботился об этой своей территории, исключая стратегические пункты против британцев, в связи с чем держал здесь свои отборные пехотные части⁸. Очевидно, что автор критически относился и к действиям русского правительства в Туркменистане, которое использовало эту территорию для военной базы своей армии.

О политических взглядах Керим-бея можно судить по этим рассуждениям: «...Я никогда в жизни не принадлежал ни к какой политической партии и никогда не работал в организации политического характера...»; когда человечество, всегда стремясь к чему-то лучшему, разрешает свои социальные проблемы путем революции, то забывает при этом об эволюции, т.е. оно не заботится об улучшении человека как такового; во время русских революций 1905–1907 и 1917 гг. «я, как русский офицер, боролся против этого зла»⁹. Таким образом, он по убеждениям был консерватором и монархистом, что вполне естественно для воспитанника Пажеского корпуса, и критически относился к революции как к способу решения социальных проблем.

⁸ Там же. Л. 245, 246.

⁹ Там же. Л. 243, 247.

Во время распада Российской империи многие туркмены-военные сохранили ей верность. В своей записке он упоминает такой факт: единственный туркменский кавалерийский полк царской армии хотя и состоял из наемных солдат, но остался верен присяге и спас из быховской тюрьмы генералов Л.Г. Корнилова, А.И. Деникина и других русских офицеров, что дало возможность начать «добровольческую борьбу» против большевиков¹⁰, т.е. Белое движение. Многие из этих туркмен составили личную охрану не только Корнилова. Позднее им была доверена охрана кабинета генерала П.Н. Врангеля в Крыму в 1919–1920 гг.¹¹

Керим-бей также остался верен присяге. Он вспоминал, что в 1917 г. после падения царизма в России «ко мне пришла делегация, состоящая из представителей всех племен и всех слоев туркменского народа, т.е. она пришла с согласия всего народа и звала меня обратно на родину, чтобы я взял правление на себя. Делегация утверждала, что момент для отделения от русской республики очень благоприятен, я, однако, будучи другого мнения, отклонил это предложение моего народа и официально подарил при этом народу все богатства, землю и т.д., принадлежавшие правящему дому Туркмении. Последующие события показали, что я действовал правильно, ибо мой отец, всегда живший с разрешения русского правительства во Франции и отправившийся в 1918 г. в Среднюю Азию, чтобы встать там во главе борьбы против большевиков, был убит ими в 1920 г. Но этим движение и организация так называемых басмачей, созданных моим покойным отцом, не были уничтожены, а наоборот, существуют по сей день. Смерть моего отца еще более повысила и усилила престиж нашей династии, я стал туркменским ханом — Керим Беглер Искендер-хан Туркменистана. Мое имя, которое я сейчас ношу и которым я сейчас подписываюсь, является титулом наследника трона»¹². Кем был его отец, его имя не удалось установить, но то, что он вернулся в 1918 г. из Франции в Туркменистан, чтобы бороться против большевиков, организуя сопротивление туркмен против них, факт, который отсутствует в исторической литературе. Вполне возможно, что в архивах Франции можно обнаружить документы, которые прольют свет на отношения его отца с французскими представителями и причину

¹⁰ Там же. Л. 246.

¹¹ Российский государственный военный архив. Ф. 101. Оп. 1. Д. 174. Л. 206 об.

¹² ГА РФ. Ф. Р-9401. Оп. 2. Д. 102. Л. 245.

их внимания к Туркменистану, где происходили большие перемены и решался вопрос о его будущем.

В туркменской историографии считается, что документы, выявленные за последние десятилетия, и обнародованные воспоминания участников событий показывают, что туркмены — офицеры царской армии, воевавшие на фронтах Первой мировой войны, затем бывшие командирами Белой армии на Закаспийском фронте, стремились к созданию независимого туркменского государства¹³.

У Народного совета (парламента) автономного Туркестана, созданного в Коканде в конце 1917 г., были иные планы на Туркменистан. Казах С.-А. Лапин в сентябре 1918 г. прибыл в Берлин в качестве главы парламента Туркестана и руководителя самой влиятельной политической партии в Туркестане — «Шура-и улема» (Совет улемов). Цель визита заключалась в том, чтобы получить помощь германского правительства в борьбе против большевиков в Туркестане. Лапин привез меморандум о создании Туркестанского султаната/эмирата, состоящего на федеративных началах из 5 ханств: Бухарское, Кокандское, Ташкентское, Туркменское и Хивинское. Для его выполнения требовалось введение в Туркестан объединенных вооруженных сил Германии и Турции. И план этот был разработан до мельчайших подробностей и получил утверждение как германского, так и турецкого командования¹⁴. Но в ноябре 1918 г. в кайзеровской Германии произошла революция, после которой вскоре возникла демократическая Веймарская республика, которая была заинтересована в налаживании отношений с советской Россией. По возвращении в Туркестан во второй половине 1919 г. Лапин умер в Самарканде. Ситуация в Турции также изменилась с ее поражением в Первой мировой войне, подъемом национально-освободительного движения во главе с М. Кемаль-пашой, который был заинтересован в налаживании отношений с большевиками.

Керим-бей не отправился воевать в Туркменистан, не стал бороться вместе с отцом за власть, а уехал в Европу, где стал представителем, как

¹³ Соегов М. Вести с той стороны Закаспийского фронта в 1918 году: командующий Ораз-Сердар и его сподвижники // Революция 1917 года и Гражданская война: региональное измерение общероссийских процессов: материалы Всероссийского круглого стола, посвященного 100-летию Великой Российской революции и 95-летию окончания Гражданской войны (7 декабря 2017 г.). Курган, 2017. С. 76.

¹⁴ Чокаев М. Национальное движение в Средней Азии // Гражданская война в России: События, мнения, оценки. М., 2002. С. 679, 680.

он пишет, мусульман Польши, Литвы и Белоруссии¹⁵. Здесь он имеет в виду Союз татар Польши, Литвы, Белоруссии и Украины, который был создан весной 1917 г. в революционном Петрограде, но вскоре после прихода к власти большевиков прекратил свою работу там в первые месяцы 1918 г. Оказавшись в Европе, Керим-бей стал участником и свидетелем многих важных событий там. В конце 1919 г. — начале 1920 г. он «видел следы... революции в Австрии и Венгрии»¹⁶. Затем он, как уже отмечалось, прибыл в Сербию. Автор, выходец из аристократических кругов, стал свидетелем крушения Германской и Австро-Венгерской империй, освободительной борьбы европейских народов, приведшей к появлению новых стран в Европе, что оказало сильное влияние на его представления о будущем Туркменистана и Средней Азии в целом.

Главное внимание в своей записке он посвятил своей родине, ее прошлому, настоящему и будущему. «Если обратиться к истории Средней Азии, то видно, что Туркменистан, т.е. “гвардия бога”, в случае войны часто призывался на помощь китайскими богдыханами. Далее мы, — писал он, — видим, что со времени Тимура (Тамерлана) все племена Средней Азии, т.е. узбеки, хивинцы, киргизы, таджики и сарты, были объединены под управлением Солохомира, хана Туркменистана, праоснователя нашей династии, со столицей в Самарканде»¹⁷.

Переходя к событиям, последовавшим после распада Российской империи и появления в Средней Азии советских республик, Керим-бей писал: Сеид Асфандиар, хан Хивы, умер, а Сеид Мир Алим, хан и эмир Бухары, живет в Афганистане, т.е. в сфере интересов Англии, и вследствие этого именно он, Керим-бей, является «единственным законным наследником бывшей правящей династии туркменских ханов». При этом он подчеркивал, что «всегда думал о восстановлении самостоятельности моего народа»¹⁸.

Результаты борьбы большевиков с басмачеством и советской национальной политики в Средней Азии в целом он оценил так: «О сегодняшнем положении в Средней Азии нужно сказать, что большевизм не проник в широкие народные массы, ибо он противоречит духу нашей религии, нашей культуре. Поэтому большевизм мог привлечь на свою сторону лишь небольшую часть народа, а именно ту часть ин-

¹⁵ ГА РФ. Ф. Р-9401. Оп. 2. Д. 102. Л. 243.

¹⁶ Там же. Л. 243.

¹⁷ Там же. Л. 246.

¹⁸ Там же. Л. 244, 247.

Илл. 3. Карта Средней Азии, составленная Керим-беом Ратаем в эмиграции

теллигенции, которая получила образование в русских школах, эта интеллигенция взбаламутила наш пролетариат, ибо и у нас является такой класс, который мы называем «байгушлик»¹⁹».

Керим-бей, отмечая, что он также получил русское образование, но не стал «противником русского господства, ибо во времена царизма, и это надо признать, существовала некоторая гуманность и свобода, но мой народ всегда был против русского господства, т.к. русский элемент как немусульманский чужд моему народу, ничего не принес в культурном отношении, в собственных интересах снизил общее благосостояние и не заботился о стране...».

Касаясь причины падения монархии в России, психологии правящей тогда элиты и поведения русского народа, Керим-бей, который имел достаточный круг общения, находясь в России, пишет так: «Русские в своих интеллектуальных кругах являются фантазерами, претендующими на ведущую роль в осчастливаивании человечества, а сами не могут защитить собственную страну и привести в порядок свои дела. Широкие массы недалеко ушли от готтентотов, что показала последняя русская революция своим большевизмом, который она принесла также и моему народу»²⁰.

¹⁹ Байгушество. Байгуши — категория зависимого населения в социальной структуре восточных народов, обнищавший класс населения, образует как бы особую презираемую касту, бродяги, нищие.

²⁰ Там же. А. 247, 248, 249.

Далее он писал, что у большевиков было четверть века, в течение которого туркменский народ находился под их влиянием. На его взгляд, результатом этой политики была «ненависть, которую большевизм посеял в моем народе против себя самого»²¹. Это чувство есть для Ратая явление объективное, ибо в нем наиболее ярко преломлялись социальные, в том числе межнациональные и межрелигиозные, конфликты, что неизбежно, как он полагал, приведет к кардинальному изменению ситуации в Туркменистане и сопредельных территориях Средней Азии, где правили большевики.

Каким он тогда видел будущее Средней Азии в целом? Прямо об этом он не написал, но об этом можно судить по цветной карте, которая имеется только в немецком оригинале и приложена к записке (см. илл. 3)²².

На ней указаны Бухара, Туркменистан, Кыргызстан, Хива, причем последние две территории окрашены в один цвет. Логично предположить, что таким образом Керим-бей представлял себе три будущих независимых государства на территории Средней Азии — Туркменистан с Хивой, Бухару, Кыргызстан (Казахстан). Тем самым наглядно видно, что автор выступал за право народов этих земель на независимость.

Дальнейшую его судьбу после весны 1941 г. не удалось установить.

Таким образом, в записке Керим-бея Ратая содержится достаточно важная информация о туркменской истории конца XIX в. — первой трети XX в., которая требует тщательного анализа, а сам ее автор, весьма неординарная личность, несомненно, заслуживает углубленного исследовательского внимания, а его интеллектуальное наследие представляет значительный интерес не только для современного Туркменистана.

Независимые от коммунистической идеологии взгляды и оценки таких далеких от публичности политэмигрантов, как Керим-бей Ратая, доходили до европейской общественности. Автор этой записки оказался фактически глубоким аналитиком и точно спрогнозировал, что в результате такой «национальной» политики Кремля в полиэтничном советском обществе рано или поздно произойдут глубинные изменения, что и случилось во время распада Советского Союза.

Его записка — ценный исторический источник, который позволяет понять глубже психологию туркменского народа и таких предста-

²¹ Там же. Л. 248.

²² РА АА. R Z211_261174_225. L. 232.

вителей его элиты, как Керим-бей Ратай, который, оставаясь верным воинской присяге, был противником русской революции и воевал на стороне белых во время Гражданской войны, а также по-новому взглянуть на многие аспекты истории Туркменистана, на особенности его исторического пути и отношения с сопредельными и другими странами.

REFERENCES

1. *Chokaev M.* Nacional'noe dvizhenie v Srednej Azii [National movement in Central Asia] // *Grazhdanskaya vojna v Rossii: Sobytiya, mneniya, ocenki* [Civil war in Russia: Events, opinions, assessments]. M.: Raritet, 2002. S. 656–693.
2. *Soegov M.* Turkmeny-komandiry carskoj i «beloj» armij: general Oraz-Serdar, syn Dykma-Serdara [Turkmen commanders of the tsarist and «white» armies: General Oraz-Serdar, son of Dykma-Serdar] // *Nauchnyj Tatarstan* [Scientific Tatarstan]. 2015. № 3. S. 43–49.
3. *Soegov M.* Vesti s toj storony Zakaspijskogo fronta v 1918 godu: komanduyushchij Oraz-Serdar i ego spodvizhniki [News from the other side of the Trans-Caspian front in 1918: commander Oraz-Serdar and his associates] // *Revoljuciya 1917 goda i Grazhdanskaya vojna: regional'noe izmerenie obshcherossijskich processov: materialy Vserossijskogo kruglogo stola, posvyashchennogo 100-letiyu Velikoj Rossijskoj revolyucii i 95-letiyu okonchaniya Grazhdanskoj vojny (7 dekabrya 2017 g.)* [Revolution of 1917 and the Civil War: regional dimension of all-Russian processes: materials of the All-Russian round table dedicated to the 100th anniversary of the Great Russian Revolution and the 95th anniversary the end of the Civil War (December 7, 2017)]. Kurgan: Izdatel'stvo Kurganskogo gosuniversiteta? 2017. S. 70–78.

Ключевые слова:

Керим-бей Ратай, Туркменистан, туркмены, большевики, басмачи,
национальная политика.

Salavat M. Iskhakov

MEMOIRS OF KERIM BEY RATAY: UNKNOWN TURKMEN HISTORY SOURCE FROM THE LATE 19th CENTURY TO THE FIRST THIRD OF THE 20th CENTURY

This article presents a biography of Kerim Bey Ratay, a Turkmen, and his interpretation of the Turkmen struggle for self-determination in the first third of the 20th century. The source published here reflects various problems of Turkmen history, contains Kerim's thoughts on the situation in Central Asia, and gives insight on the historical processes in Northern Eurasia, providing information that requires further research. His take on the situation indicates that the Turkmen people did not like the social development choices being forced on them by the Bolsheviks and were fighting for independence. In his opinion, the Turkmen struggle never ceased after the establishment of Soviet rule and that it would only end when the Turkmen gained independence and reestablished their own state — that is exactly what happened with the dissolution of the USSR.

Key Words: Kerim Bey Ratay, Turkmenistan, Turkmen, Bolsheviks, Basmachi, National Policy.

Salavat M. Iskhakov — Doctor of Historical Sciences (Dr. habil.), Vice-Chairman of the Scientific Council of Russian Academy of Sciences on the History of Social Reforms, Movements and Revolutions, specializing in fundamental issues of Russian and foreign history.

 Исхаков Салават Мидхатович

доктор исторических наук,
заместитель председателя Секции «История социальных реформ,
движений и революций» Научного совета РАН по фундаментальным
вопросам российской и зарубежной истории

DOI: 10.35549/HR.2022.2021.38.007

В.В. Хутарев-Гарнишевский

ОКТАБРЬСКИЕ БОИ 1917 Г. В МОСКВЕ ГЛАЗАМИ ОЧЕВИДЦА

Из дневника Н.П. Вишнякова

Как известно, Октябрьская революция 1917 г. сопровождалась тремя крупными вооруженными конфликтами в городах. Верные Временному правительству силы, в основном состоявшие из юнкеров и молодых офицеров, пытались подавить вспыхнувшие мятежи большевиков и поддержавших их солдатских масс. Серьезные бои шли в Петрограде, Москве и Киеве. Все три попытки подавить революцию были раздавлены численно превосходящими революционными силами. Эти события часто называют началом полноценной Гражданской войны в России. Публикатор приводимых ниже дневниковых записей вполне разделяет подобную оценку. Несмотря на то, что военный и политический аспект этих конфликтов в целом достаточно изучен, сохраняется немало пробелов, особенно в части конкретной фактической составляющей хода боев. Журналов, расписаний воинских подразделений, ведших боевые действия, не сохранилось. Большая же часть источников личного характера представляет собой воспоминания — нарратив, созданный значительно позже самих событий, а потому подверженный влиянию сформировавшихся в советском обществе и в белой эмиграции оценок тех событий, а также рефлексии самих авторов. Не говоря уже о том, что

мемуары как тип источника часто страдают неточностью: память сохраняет лишь наиболее яркие события и моменты. В этом ключе особый интерес представляют крайне немногочисленные дневники, отражающие оценки и свидетельства, зафиксированные в тот же день. Самый известный из опубликованных подобных источников — «Дневник москвича» Н.П. Окунева¹. Малоизученным остается социокультурный аспект городских боев октября — ноября 1917 г., их влияние на повседневную жизнь городских обывателей.

Публикуемый ниже источник представляет отрывок из дневника потомственного почетного гражданина, гласного (депутата) Московской городской думы Н.П. Вишнякова за 28 октября — 5 ноября 1917 г. В дни октябрьского переворота Вишняков проживал вместе с женой, дочерью, прислугой и гостями в собственном доме по адресу: Гагаринский переулок, дом 18, на пересечении с Малым Власьевским переулком. Автор лично не участвовал в революционных событиях, но находился в самом эпицентре боевых действий, а потому стал невольным очевидцем и заложником столкновения между «красной и белой гвардией». Его дневник полон сильных эмоциональных высказываний, впечатлений, отражает психологическое состояние мирного горожанина в дни боев, содержит практически почасовую оценку ситуации — свои записи автор делал не в конце дня, а как минимум два-три раза в день, описывая все увиденное и услышанное. Особый интерес представляют особенности быта москвичей, захваченных Гражданской войной, циркулировавшие среди них самые невероятные слухи, домыслы, надежды, реализовавшиеся и не сбывшиеся, поведенческие стратегии представителей различных социальных страт.

Николай Петрович Вишняков (1844–1927) был вовлечен почти во все политические и экономические процессы Москвы времен правления Николая II. Он был гласным Московской городской думы с 1873 г. по 1917 г. с пятилетним перерывом в 1892–1897 гг., мировым судьей, известным ученым-геологом и краеведом. Вишняков происходил из известной купеческой семьи², однако жизнь посвятил науке, политике и организации городского самоуправления, оставив управление семейным бизнесом братьям. На момент октябрьских боев 1917 г. автору было почти 73 года.

¹ Окунев Н.П. Дневник москвича, 1917–1924 гг. В 2 кн. Кн. 1. М.: Воениздат, 1997. С. 99–107.

² Вишняков Н.П. Сведения о купеческом роде Вишняковых, собранные Н. Вишняковым. В 3 частях. М.: Тип. Г. Лиснера и А. Гешеля, 1903–1911.

Эпистолярное наследие Вишнякова значительно: он оставил после себя дневник, охватывающий 1872–1918 гг. и названный «Автобиографические заметки», записные книжки, исследование «Материалы по истории русского политического режима» и шеститомную работу «Думские воспоминания и впечатления», описывающую историю и работу Московской городской думы за 1897–1918 гг. Кроме того, в личном архивном фонде Вишнякова сохранилась обширная деловая и личная переписка с выдающимися людьми своего времени: московскими городскими головами Н.И. Астровым, Н.И. Гучковым, Н.А. Алексеевым, депутатами, политиками, промышленниками, градоначальниками, сенаторами, меценатом и создателем театрального музея А.А. Бахрушиным, основателем Пушкинского музея Иваном Цветаевым. Круг культурных контактов и знакомств Вишнякова был весьма широк: он дружил с П.М. Третьяковым, художником А.М. Васнецовым, естествоиспытателем К.А. Тимирязевым, музыкальным критиком В.В. Стасовым, композиторами А.Н. Скрябиным, Н.А. Римским-Корсаковым, С.А. Танеевым, который 11 лет прожил в вишняковском доме в Гагаринском переулке.

Работы Вишнякова давно уже признаны исследователями истории Москвы как уникальный источник по истории общественно-политической, культурной и экономической жизни Первопрестольной конца XIX — начала XX в., однако из-за сложности авторского почерка они пока не были опубликованы полностью. Лишь дважды публиковались небольшие отрывки, касающиеся событий революции 1905 г. и характеристик гласных Московской городской думы³. Данная публикация является частью работы по подготовке полного издания эпистолярного наследия Н.П. Вишнякова.

Материалы личного архива Вишнякова и его коллекции хранятся в Центральном государственном архиве г. Москвы (фонд 1334), Российском государственном архиве литературы и искусства (фонд 115), Научно-исследовательском отделе рукописей Российской государственной библиотеки (фонд 54), Отделе рукописей ГМИИ им. А.С. Пушкина, Государственном геологическом музее им. В.И. Вернадского РАН. Публикуемая выдержка из дневников хранится в ЦГА Москвы: фонд 1334, опись 1, дело 13, листы 113 об. — 125 об.

³ Революция 1905 года в Москве (Из дневника Н.П. Вишнякова). Публикация и комментарии Ю.А. Князева (Опубликованы заметки о событиях ноября-декабря 1905 г.) // Московский журнал. 1996. № 4. С. 37–43; Писарькова Л.Ф. Московская городская дума: 1863–1917 гг. М.: Издательство объединения «Мосгорархив», 1998. С. 132–136.

Н.П. Вишняков с детьми

При публикации были раскрыты многочисленные сокращения топонимов, а также расшифрованы индивидуальные, характерные для автора сокращения: ч. б. — чтобы, п. ч. — потому что, крый — который, д. б. — должен был, б. ч. — большей частью, с. п. — сих пор, тко — только, NN — номера (в значении — гостиничные номера) и иные. В местах, где публикатору не удалось прочесть почерк мемуариста, вместо опущенных слов стоит сокращение [нрзб] — неразборчиво. К сожалению, почерк Н.П. Вишнякова действительно бывает сложен для понимания, ухудшаясь, вероятно от волнения, по мере приближения к трагической развязке тех событий — падению Кремля.

Автобиографические заметки (дневник Н.П. Вишнякова).

Отрывок

28 октября.

Было $\frac{3}{4}$ второго часа дня, когда я мирно кончал предыдущие строки. В это время раздался вдали треск выстрелов по направлению Прецистенских ворот. Это напомнило мне, что и в пятом часу утра Юля⁴ и наша прислуга слышали выстрелы из винтовок: мы с Анной Васильевой, слава Богу, ничего не слышали.

⁴ Дочь Н.П. Вишнякова.

*Il n'y a pas à dire*⁵: Москва охвачена мятежом, как в 1905 году. Три дня уже как газеты не выходят, кроме социал-демократических. Типографии «Русских Ведомостей» и «Русского Слова» захвачены большевиками, которые не позволяют этим газетам, а также и другим умеренного направления выходить. Вот до чего довела нас преступная бездеятельность Керенского!⁶ Недавно я читал в «Русском Слове», что на фабрику Прохоровых привезено три воза оружия и ещё, что принят устав Красной Гвардии. Это публикуется во всеобщее сведение, как будто это самые простые обыденные происшествия, не вызывающие никаких репрессивных мер со стороны Правительства. До чего мы дожили с разгулявшейся чернью?!..

Отсутствие газет оставляло нас долго в полном неведении того, что творится. В Петербурге большевистское восстание вспыхнуло 25-го: и эта дата давно известна! Говорят, захвачен матросами Государственный банк, разгромлен и расхищен Зимний дворец; при чём погибло 500 его защитников. Про Москву говорят, что захвачен Почтамт и Кремль с его Арсеналом... Вспоминаются слова покойного Шмакова⁷: *gouverner c'est prévoir*⁸. Очевидно, наши *gouvernants*⁹ этим талантом не обладают — или закрывают глаза. Пошехония в полном блеске!!!¹⁰ Я не выходил два дня из-за насморка и до меня доходят только те сведения, которые приносит Юля.

Говорят, Керенский, успевший удрать из Петербурга, повёл с фронта на Петербург генерала Краснова с достаточным числом войск и казаками и что большевики уже разбежались. Зато, говорят, в Питере идут страшные грабежи озверевших подонков. У нас, говорят, сегодня освобождён Кремль — юнкерами. Их всего тысячи 3 на Москву. Они потеряли 17 человек убитыми и 50 ранеными. Зато половина большевиков перебита в Кремле, остальные сдались. Митя

⁵ Нет слов, пер. с фр.

⁶ Александр Федорович Керенский (1881–1970), помощник присяжного поверенного, депутат Государственной думы от партии трудовиков, член партии социалистов-революционеров, второй министр-председатель Временного правительства.

⁷ Алексей Семенович Шмаков (1852–1916), присяжный поверенный, гласный Московской городской думы, член Объединенного дворянства, один из лидеров русских националистов и монархистов.

⁸ Управлять — это предвидеть, пер. с фр.

⁹ Правители, пер. с фр.

¹⁰ Слово «пошехония» используется в иносказательном значении, обозначающем глупость, провинциальную наивность.

На Тверском бульваре после обстрела

Коншин¹¹ призван был в Городской лазарет в доме Михайлова в Староконюшенном¹² для перевязки 47 раненых солдат, уверяющих, что они не большевики. Наш генерал¹³ говорил, что усмирение производится юнкерами и казаками при участии французской артиллерии, находящейся в Москве. Московский же гарнизон вынес резолюцию, что не пойдёт усмирять большевиков. Полицейский комиссар нашего участка, еврей, с дрожью в голосе докладывал вчера (домовому комитету Коровинского дома¹⁴), чтобы на милицию в случае грабежа не надеялись и что половина её примыкает к грабителям.

В 11-м часу ночи я вышел вздохнуть свежим воздухом в сад — опять по образу и подобию 1905 года, с той только разницей, что тогда дело было в декабре. По направлению Пречистенских ворот раздавались часто отдельные выстрелы из винтовки, реже по другим направлениям. Изредка гудела пушка. В 1-м часу ночи, когда я принялся писать эти строки, пу-

¹¹ *Дмитрий Владимирович Коншин* (1855–1941), сын промышленника В.Д. Коншина и Е.М. Третьяковой, врач-ординатор Лепехинского родильного дома, городской врач больницы им. Тимистер (ныне Московский областной научно-исследовательский институт акушерства и гинекологии, улица Покровка, дом 22а), проживал в районе Арбата в Серебряном переулке, дом 8. Жертва политических репрессий, погиб в лагере в 1941 г.

¹² Староконюшенный переулок, 32. Дом доктора Николая Федоровича Михайлова, издателя и редактора журнала «Вестник воспитания».

¹³ *Михаил Степанович Тюлин* (1862–1935), генерал от кавалерии, Оренбургский губернатор и наказной атаман Оренбургского казачьего войска в 1915–1917 гг., с марта 1917 г. в резерве Московского военного округа, со 2 октября в отставке. В РККА с 1919 г., на преподавательской работе.

¹⁴ Дом московского купца Ивана Михайловича Коровина, переулок Малый Власьевский, 12–14.

Дом князя Гагарина после обстрела

печная канонада стала чаще слышаться, а теперь треск пулемётов. Наш Василий говорит, что большевики захватили дом генерал-губернатора и стреляют оттуда, что Тверская изрыта окопами, что их пулемёты водружены на Страстном монастыре. По совету генерала я просил наших двух Васильев спать одетыми и, в случае какой-нибудь попытки грабежа, немедленно дать знать в дом Гартман¹⁵, где будет дежурить дружинник. На всякий случай, перед тем как идти спать, я зарядил на все 6 зарядов мой револьвер. Этого даже в 1905 году я не делал. Впрочем, кажется, я его заряжал в то беспокойное время, когда ездил в Витенёво¹⁶.

Должно быть 25 или 26 октября я встретил Э.И. Альбрехта¹⁷, одного из умнейших и деятельнейших гласных последних лет нашей Думы. Ко-

¹⁵ Гагаринский переулоч, 23, стр. 1. Дом Ольги Александровны Гартман. Архитектор Д.М. Челищев. Построен в 1910–1911 гг.

¹⁶ Усадьба Витенёво расположена в 19 км от Москвы в Мытищинском районе. В конце XVII — начале XVIII в. вотчина стольника В.А. Третьякова, потом принадлежала Головиным и Салтыковым, а в 1861–1877 гг. писателю М.Е. Салтыкову-Щедрину. В начале XX в. Витенёвом владели бывший управляющий и его сын А.Ф. и Н.А. Каблуковы, здесь жил член-корр. АН СССР физик И.А. Каблуков. Усадебный дом и Успенский храм снесены советской властью.

¹⁷ Эммануил Иванович Альбрехт (1853–1921), действительный статский советник, инженер путей сообщения, изобретатель, гласный Московской городской думы, гласный Московского губернского земства, член Московского отделения Императорского русского технического общества, домовладелец, проживал в Большом Власевском переулке, дом 7. При советской власти — сотрудник НПС, инспектор Казанской железной дороги.

нечно — не кадет. Мы с ним одинаково смотрим на вещи. «Вот! — сказал он. — Кадеты сделали революцию, а справиться с ней не сумели. Можно ли было, свергая царя, посадить главой правительства этого дурака, князя Львова!»¹⁸

Говорят, выстрелы, которые я слышал в 2-м часу, были произведены с крыши дома Коровина с угла Старой Конюшенной большевиками, одним мужчиной и двумя женщинами, забравшимися наверх с разрешения старшего дворника, тоже большевика. Стреляли они зря, в кого попало на улице. У ворот дома Гартмана (теперь Цейтлина) давно толпится народ, глядя по направлению Коровинского дома. Мерзавцев забрали и увели в комиссариат.

Выстрелы затихли во 2-м часу ночи, я пошёл спать около 3-х часов. Фонари городские у нашего дома со стороны обоих переулков Гагаринского и Малого Власьевского всё ещё ярко горели, очевидно, по особому приказанию из Думы, так как обычно их тушат в 11 ½ ч.

29 октября.

Я спал хорошо до 10 часов и ничего не слышал, когда наша горничная уверяет, что и ночью были выстрелы. Выстрелы стали также раздаваться после того, как я встал. Кажется, было несколько трескучих выстрелов из пулемёта вдалеке. Около 11 часов раздалось очень близко от дома выстрелов 5–6 из винтовки, а вскоре после этого очень близко (на Пречистенке?) загрохотала с промежутками пушка. Ждём с нетерпением войска, посланного с фронта в Москву генералом Духоным.

Жуткий день. Сильная стрельба всё утро и в течение дня. Затихло совсем только к ночи. Бесчисленные револьверные выстрелы (короткие: чок), иногда в непосредственной близости к дому; грубые винтовочные с раскатами эхо, трескотня пулемётов и тяжёлый грохот пушек. Всё это было и в 1905 году, но не так близко от нас, а на Пресне. Теперь баталия ведётся около штаба¹⁹ на Пречистенке и у Арбатских ворот. Особенно сильная стрельба была на Пречистенке. Говорят, на Зубовском бульваре появился штаб большевиков, и они перестреливаются с штабом.

¹⁸ *Георгий Евгеньевич Львов* (1861–1925), князь, конституционный демократ, прогрессист, московский общественно-политический деятель, председатель Всероссийского земского союза, первый министр-президент Временного правительства.

¹⁹ Улица Пречистенка, дом 7. Здание бывшей усадьбы Всеволожских 1810-х гг., перестроено в 1867 г. купцом М.В. Степановым. С 1877 г. здесь располагался Штаб Московского военного округа.

А как раз выдался чудный, тёплый и такой солнечный денёк! По распоряжению военных властей (полковник Рябцев²⁰) предлагается жителям не рисковать выходом на улицу, а потому, как и в 1905 г., мы должны довольствоваться двором и садом. И вот во 2-м часу сошлись мы там все: генерал Тюлин с женой и сыном, и мы трое. Солнце приветливо согревало главную дорожку перед тем как скрыться за противной громадой Гартмановского дома. Мы стояли и прислушивались. Генерал объяснял. Из револьвера стреляли где-то очень близко около нас, так что генерал полагал, что стреляют где-нибудь у соседей с чердака или крыши. Стрельба на Пречистенке то усиливалась, то ослабевала. Юля рискнула выйти и принесла листок «Труд» — социалистический, но из приличных²¹. Оказывается, Керенский и войска ещё в 15 верстах от Петрограда, а к нам войска должны подойти в ночь. Однако Тверское кавалерийское училище уже приехало: генерал слышал это из трёх источников. В общем, мы ничего не знаем, что делается, почему стреляют. Газета пишет, что генерал-губернаторский дом очищен, но большевики перекочевали к Сухаревой. Генерал рассказывает эпизод из воспоминаний о мятеже 1905 г. Он тогда служил при Дубасове²². Квартировал он тогда в ещё том месте, в доме Армянского²³ на стрелке меж Спиридоновкой и Гранатным переулком. В самом доме Армянского была конспиративная квартира, а кроме того, стреляли из окон в восставших²⁴. В том же доме квартировал пристав Сахаров, которого бунтари арестовали и на глазах у жены, умолявшей на коленях пощадить мужа, пристрелили²⁵. Мне объявили, что был также приговор, что меня убить. Ну что делать, дело военное. Однако покуда меня очень беспокоила стрельба из окон и с чердаков, я насчитал два дома. На заседании у Дубасова я просил разрешить в этих домах произвести обыск. Тогда был полицмейстером

²⁰ Константин Иванович Рябцев (1879–1919), полковник, член партии социалистов-революционеров, начальник штаба Московского военного округа, командующий силами юнкеров в дни вооруженного восстания.

²¹ Газета «Труд» — орган московского комитета партии социалистов-революционеров с марта 1917 г. по март 1918 г.

²² Федор Васильевич Дубасов (1845–1912), адмирал, генерал-адъютант, московский генерал-губернатор в 1905–1906 гг., член Государственного совета.

²³ Доходные дома по адресу: улица Спиридоновка, 9, 11 и 13, домовладение № 410/399 принадлежали потомственным почетным гражданам Павлу Ивановичу и Михаилу и Николаю Павловичам Армянским.

²⁴ В оригинале текста написано «в вос-ших».

²⁵ Имеется в виду убить генерала, а не Вишнякова.

Перспектива Малого Власьевского пер. Фото Э.В. Готье-Дюфайе

барон Медем²⁶, совершенно по сути негодай, дурак и трус, да и плохой служака вообще. Он амуровал с певицей Славиной²⁷, кутил ночь, спал до 1 часа дня, а являясь на заседания, отговаривался головной болью, передавал председательство кому-нибудь другому и свернуть поскорее: он мучительно боялся, что его из окна убьёт шальная пуля. Так этот Медем на мою просьбу произвести обыск ответил скептически: «Вероятно, графу это так показалось, что в него стреляют из дома Марконет!»²⁸ Я ответил ему с негодованием, что неся службу честно столько лет и зная её, я не имею права сочинять выдумки. Это я предоставляю тем, кто спит до 1 часа и отлынивает всячески от работы. Видя, что вопрос обостряется, Дубасов прекратил спор, сказавши: «Барон, я приказываю вам произвести обыск». У Марконета мы нашли на чердаке спрятавшегося жида с оружием, которого солдаты, арестуя [нрзб] и прикончили. У них в таких случаях одно бывает. «Мы ему, Ваше Превосходительство, говорили: иди смирно, не моги бежать, а он наутёк. Мы его и пристрелили». Ничего воз-

²⁶ *Георгий Петрович фон Медем* (1850–1911), барон, генерал-майор, помощник начальника штаба Отдельного корпуса жандармов, московский градоначальник с июля 1905 г. по январь 1906 г.

²⁷ *Мария Александровна Славина* (1858–1951), актриса Мариинского и Александринского театров, оперная певица, жена Г.П. фон Медема.

²⁸ Любви Александровне Марконет, вдове надворного советника доктора медицины Московского университета Гавриила Федоровича Марконета (04.11.1836–20.12.1887), принадлежало домовладение № 460/375 и 459/373 на улице Спиридоновке, дома 8, 10, 12, 14. В одном из них в 1873 г. был составлен Устав Московского хирургического общества. Любовь Марконет погибла вместе с дочерью Лидией во время крушения поезда во Франции. Сын Александр, присяжный поверенный, участник Первой мировой войны, репрессирован в 1931 г.

разить нельзя! Они были вправу. А такова сила жидовства: впоследствии жида подавали жалобу на нас, утверждая, что это убийство осталось безнаказанным. Другого стрелка из-за угла также нашли и арестовали.

К вечеру всё затихло как будто, но когда мы сели за чай в 11-м часу, вдруг в стороне Арбата раздался пушечный выстрел, через две минуты другой, потом третий, всего выстрелов пять. И теперь в час ночи, когда я заканчиваю писать, со стороны Пречистенки доносится треск револьверных выстрелов.

Когда мы были в саду, командир юнкеров, охраняющих наше почтовое отделение, подходил к дому Гартмана и говорил, что откуда-то из окон стреляли. Подозрения были на церковный дом за нами. Объявлено было, что станут стрелять. Стреляли действительно около самого нашего дома, но куда не знаю.

Кроме того, я слышал команду: «Прошу отпереть ворота!» Как будто в доме Милова²⁹. И ещё: «Где ваш домовый комитет?» Генерал утверждал, что какая-то револьверная пуля пролетела у нас над головами. У Геры в прошлую ночь дежурил до 7 часов дворник вместе с Сергеем Николаевичем Матвеевым. Мальгин³⁰ показал мужество и продежурил всю ночь до 7 часов утра.

Стрельба на Пречистенке всё не прекращается, выстрелы из револьвера. Фонарь у наших ворот ярко горит, но по Малому Власьевскому не зажигался. Маша говорит, что в 7-м часу утра, когда она ходила за молоком, фонари всё ещё горели.

30 октября.

Ночь прошла спокойно. Спали все хорошо. Утром перестрелка револьверная подле нас. В 12 часов 15 минут канонада возобновилась на Пречистенке: 3 выстрела, в 12 часов 47 минут ещё шесть выстрелов. По телефону Юля Невядомская³¹ сообщает, что большевики окопались на Пречистенке как раз около Мансуровского переулка и что переулок в их власти. Отсюда они палят в штаб. От них приказано: к окнам не

²⁹ Гагаринский переулок, 21. Дом Николая Дмитриевича Милова, торговля посудой, лампами.

³⁰ Или «мальчик» — не ясно из-за особенностей почерка автора.

³¹ Юлия Ивановна Невядомская, потомственная почетная гражданка, была племянницей жены Н.П. Вишнякова — Анны Васильевны Каретниковой, дочерью ее брата Ивана Васильевича Каретникова и Татьяны Александровны Крестовниковой. Замужем за Алексеем Михайловичем Невядомским (1876–1971), директором правления «Товарищества мануфактур Александры Каретниковой с сыном».

Городская усадьба Н.П. Вишнякова. Фото Э.В. Готье-Дюфайе

подходить, света перемежающегося не зажигать. Они переместились во внутренние комнаты. А. М. получил из Штаба успокоительные сведения, смотрят бодро и говорят, что войска скоро будут в Москве. Серёжа Бернзон³² (студент, доброволец по охране порядка) ранен и помещён в какой-то госпиталь, кажется не опасно. В 2 $\frac{3}{4}$ канонада на Арбате: 3–4 выстрела. Говорят о перемирии между враждующими и что у большевиков нет хлеба. Сейчас день тихий и тёплый, 4 °R³³, не пасмурный.

День не менее бесполезный, чем вчера. Револьверные пули, неизвестно откуда вылетающие, но несомненно, где-то поблизости, летают как пчёлы. Генеральша уверяет, что видела в окнах церковного дома двух человек, которые стреляли через наш двор. Генерал пригласил с поста прапорщика и указал ему на это окно, которое, вопреки распоряжению Рябцева, не было заколочено. С нашего двора был дан залп по этому окну, в дом послали требование и на моих глазах окно было заколочено. Делали ли обыск в церковном доме, я не знаю. Во всяком случае несомненно, что есть немало подлецов, стреляющих из-за угла и потом прячущихся. От времени до времени пушечный грохот раздаётся то с Арбата, то с Пречистенки, то по одному выстрелу, то серией в 2–3–4 выстрела. Когда я вышел на двор около 5 часов, вдруг, приблизительно у Сивцева Вржжа поднялась беспорядочная стрельба, и немедленно вслед за тем забасила пушка с Арбата и затряслась земля. Василий мой, бывший на

³² Сергей Нилович Бернзон, гимназист, сын известного хирурга Н.А. Бернзона. Убит в 1917 г. на запасных путях Киевской железной дороги. Семье принадлежал дом 25 в Гагаринском переулке, соседи Вишняковых. Вел дневник: А.С. Васильев-Макаренко. Дни Сергея Бернзона. Дневник гимназиста // Народное образование. 2014. № 8. С. 215–232.

³³ 5 °С.

войне, говорит, что стреляют из пушки небольшого калибра не более 3 дюймов шрапнелью, и относится презрительно к мятежу: «Разве это война? Это одно безобразия». Газет совсем никаких не было, и мы решительно ничего не знаем, что вокруг нас делается. Если это будет продолжаться, нам грозит голодная смерть. Ведь лавки все закрыты и делать более ничего нельзя. Сейчас фонари на улице совсем не зажжены и царит непроглядная тьма. Что это к лучшему или к худшему? Около 2 часу ночи опять со стороны Пречистенки отдельные пушечные выстрелы. Полил дождь к ночи.

27 октября скончался Аркадий Иванович Геннерт³⁴, мой враг по страсти к Остроухову³⁵, а по остальному хороший приятель. Смерть не неожиданная: он давно страдал грудной жабой и чувствовал себя лучше только после тёплых морских ванн в Биаррице. «Возвращаюсь из Биаррица вычиненный на зиму», — говаривал он. Затянувшаяся война, не позволившая ему возобновлять лечение, наверно сократила ему жизнь: было ему 60 лет! Подробнее о нём после.

31 октября.

Я лёг спать в 3-м часу ночи и крепко проспал до 10 ¼ — доказательство, что особого шума около нас ночью не происходило, но прислуга говорит, что стрельба была всю ночь. Василий говорит, что пришли казаки и ходят по улицам. С одним из них он разговаривал и узнал, что казаков придёт ещё больше. Генерал ещё третьего дня говорил, что идёт целая казачья дивизия. В 11-м часу утра мы слышали изредка отдалённую канонаду. Вчера говорили, будто большевики напрягают все усилия, чтобы захватить телеграф на Мясницкой. Около нас покуда треска нет. День тихий, пасмурный, 4° R. Наши горничные, ходившие за молоком в Неопалимовский переулочек, а потом в Денежный, говорят, что везде было тихо, только на бульваре какой-то сторожевой в платке защитного цвета сказал, чтобы они проходили скорее, потому что скоро начнут стрелять. Опять же они сказали, что большевики стягиваются к Александровскому³⁶ вокзалу, что-

³⁴ *Аркадий Иванович Геннерт* (1849–1917), потомственный дворянин, присяжный поверенный, гласный Московской городской думы, управляющий Московским отделением Санкт-Петербургского коммерческого банка, председатель правления Московского международного торгового банка. Один из авторов дореволюционного проекта московского метро.

³⁵ *Илья Семенович Остроухов* (1858–1929), московский художник-пейзажист, академик Императорской академии художеств. Его работы собирали и Геннерт, и Вишняков.

³⁶ Ныне Белорусский вокзал, до 1912 г. — Брестский, в 1912–1917 гг. — Александровский.

бы препятствовать высадке войск. В 12 ½ часов опять загремела пушка на Пречистенке. Вчера наш дворник подобрал у ворот круглую пулю из охотничьего ружья, а сегодня Василий старший подобрал на дворе же коническую большую пулю винтовки — доказательство, что пули летят через наш двор. Перестрелка продолжалась целый день, то усиливаясь, то затихая, сильнее на Пречистенке, слабее на Арбате. Я вышел в сад в шестом часу. На Пречистенке скоро началась усиленная ружейная стрельба залпами: выстрелят, потом через минуту снова. И ещё, и ещё. «Что это может значить? — думал я. — Не значит ли это наступление мятежников на главный штаб? А в таком случае, почему молчит пушка?» И вдруг сад осветился красивым светом, а вслед за этим грянул очень сильный выстрел из пушки как будто большего калибра, чем вчера. И сразу перестрелка затихла, стали раздаваться только отдельные выстрелы. И мне представилось, что защитники штаба дали атакующей сволочи подойти поближе и хватили по ней шрапнелью, которая потом и охладила страсти. Как узнать, правильна ли моя догадка? Телефоны сегодня бездействуют, и мы не имеем сведений ни от Липы, ни от Каретниковых³⁷. Из газет кое-как достали «Вперёд» и «Труд», а наших по-прежнему нет. Из них узнаём, что будто бы в Москву пришли 700 казаков и 1 ударный батальон, остановились они подле товарной станции Николаевской железной дороги, что Керенский уже в Санкт-Петербурге и захватил Балтийский вокзал; что там идут громы, что у большевиков 40 орудий против правительственных 4-х, но они не умеют ими пользоваться, что с обеих сторон чувствуется недостаток в снарядах; что большевики просили перемирия, но не согласились на условия, главным образом на обезоружение красной гвардии; что их усилия теперь направлены на Александровский вокзал, чтобы препятствовать высадке войск с фронта. Подтверждается, что Корнилов бежал удачно к казакам, к Каледину. Я думаю, это совершилось не без ведома Керенского, который устыдился своей провокации, да и попал в неловкое положение, исполняя то, что именно хотел исполнить Корнилов.

Горничная Маша рассказывала, что сегодня утром, когда они ходили за молоком и стояли в очереди, какой-то пожилой мужчина разглагольствовал, что всему служащему люду надо поддерживать большевиков, которые желают немедленного заключения мира. На это Маша: вот юнкеров жалко. Да это очень прилично одета дама с боа на шее (она думает: курсистка!): если вам их жалко, то шли бы к ним! Кончено: ¾ второго. Недавно был пушечный выстрел на Пречистенке. На Арбате сравнитель-

³⁷ Родственников жены Вишнякова.

но тише, чем вчера. Сегодня не было хлеба никому по карточкам. У нас есть мука, но дрожжей нет. Как я думаю, немцы издеваются над нами!

В общем, всё-таки кажется, сегодня потише вчерашнего, кроме Пречистенки. Прислуга говорит, что была слышна где-то вдали усиленная пушечная пальба. Фонари на улице опять не зажжены, и всё погружено в глубокий мрак. Высоко на небе почти над головой светит Юпитер. Звёздное небо. Немного ниже 0°.

1 ноября.

В 3-м часу ночи, когда я уже лежал в постели, с Арбата донеслось два громких пушечных выстрела, также были пушечные выстрелы часу в 6-м утра, которые меня ненадолго разбудили. В общем, я спал хорошо до 10 часов. Люди, ходившие за молоком, говорят, что всё было тихо по дороге по Глазовскому переулку через бульвар в Неопалимовский переулок, а потом назад тем же в Денежный переулок (это 2³⁸ раздающий молочник). Из Денежного переуллка они прошли Арбатом до Никольского переуллка, и всё было спокойно; по Арбату не стреляли. Стреляли где-то на Смоленском рынке. До 12-го часа раздавались издали пушечные выстрелы со стороны Пречистенки. Старик-сторож у молочницы № 1, о которой говорил, о котором говорили вчера с Машей, говорил ей ещё, что большевики — «мы» — непременно победят и что буржуев надо убивать. Газет нет. День пасмурный и тихий при сильном подъёме барометра со вчерашнего вечера. Конечно, переулок наш представляет пустыню. Изредка пройдёт поспешно кто-нибудь с пакетом «хлеба насущного» и то только по утрам. Случается, встретятся две женщины, остановятся, поговорят и потом обе уходят от бульвара в противоположную сторону. Поэтому как событие особой важности возбудил наше внимание приезд ломовика³⁹ одного утром и к вечеру приезд одного извозчика, настоящего извозчика с пассажиром. Мальчишки бежали около 3 часов с отвратительно отпечатанным листком «Труд», за который требовали по полтиннику, что и было исполнено. Листок этот несёт все признаки растерянности. Сообщение из штаба успокоительно в общем; надеются, что подойдут войска, которые задержали в пути железнодорожным союзом. Вот, значит, причина продолжающегося 5 суток безобразия: какой-то паршивый союз преступников осмеливается задерживать в пути войска, посылаемые Правительством! Алексеевское училище юнкеров обстреливается из 6 орудий, Алексан-

³⁸ Второй.

³⁹ Извозчик, занимающийся перевозкой тяжелых грузов, ломовой извозчик.

Гагаринский переулок, 25. Дом доктора Н.А. Бернзона

дровское — тоже. Комитет общественного спасения (какая отвратительная пародия!) выработал условия примирения, крайне унижительные для городского самоуправления, и тем не менее большевиками эти условия не были приняты. Если в ближайшие часы не придут войска, мы погибли.

Я забыл отметить, что третьего дня у Геры нашли неразорвавшийся снаряд шрапнели. Откуда он? Серёжа Бернзон ранен опасно в пах: в рану попали обрывки платя. Его положили в лазарет где-то у Александровского вокзала. Евдокия Ивановна полетела к нему пешком, и 2-го дня не возвращается. Сердце матери! Когда я вышел погулять в 5 часов, перестрелка была адская: вокруг всего дома трещало, стучало, гремело, вдали грохотали орудия. Наши слышали, как жужжали пули. Генеральша не рискует даже пройти через двор в сад. Василий говорит, что никогда ещё не было такой сильной трескотни. Но вскоре стало потише и перешло на отдельные выстрелы и залпы. Когда смерклось, явственно стало видно зарево пожара на север от нас. Василий говорит, что пожар начался ещё вчера и думает, что это около Никитского бульвара. По направлению это возможно, но зарево как будто указывает на более дальнее расстояние. Теперь, когда я пишу эти строки, скоро час ночи издали гудит перестрелка, около дома щёлкают неизвестно откуда летящие пули. Временами грохочет пушка. Зарево всё продолжается за сараями и резко выделяется над крышей под тёмными облаками. Ещё в Труде стояло, что юнкера крайне утомлены и воззвание городского головы⁴⁰ (он же пред-

⁴⁰ *Вадим Викторович Руднев* (1879–1940), врач, член партии социалистов-революционеров, гласный Московской городской думы, московский городской голова в июле — ноябре 1917 г., депутат Учредительного собрания.

седатель Комитета общественного спасения), чтобы домовые комитеты сами подумали о собственной охране и вооружились. Да, всё же это почище 1905 года!! Фонарь около дома в Гагаринском переулке горит, но слабо; Малый Власьевский не зажжён. На улице, конечно, мёртвая тишина. Перестрелка где-то вдали не прекращается.

NB. Ничто не характеризует резче весь ужас нашего положения, как следующие две заметки «Русского слова» — первая от 22 октября, вторая от 25 октября:

[далее вклейка — вырезка из газет]

Подвоз оружия к московским фабрикам.

В Москве в районе Девичьего поля на некоторые фабрики рабочими доставлено в значительном количестве оружие в виде револьверов и винтовок. В частности на Прохоровскую фабрику доставлено оружия четыре воза, на фабрику Гюбнера⁴¹ — два воза.

«Красная гвардия».

Вчера соединённое заседание московских советов р. и с. депутатов, несмотря на протест солдатских депутатов, приняло большинством голосов устав «красной гвардии».

[конец вклейки]

Как? Всенародно объявляется о провозе оружия для неизвестных подпольных организаций, а Правительство не арестует этого оружия, продолжает сидеть, сложа руки? — Как? Объявляется всенародно о создании вооруженной организации, не разрешённой Правительством, и Правительство не хватает за шиворот заговорщиков?! Дальше этого идти нельзя, нельзя пасть ниже!..

2 ноября.

Я заснул вчера в третьем часу, и мне казалось, что стало тише. Юля уверяет, что именно в 3-м часу была где-то сильная перестрелка; ей казалось, что вообще бешеная атака на какой-то пункт и что это продолжалось до 4-го часа. Утро прошло довольно тихо. Я проснулся в 10 часов и вскоре услышал вдали канонаду. Около 11 часов опять загрохотала пушка на Пречистенке. Газет нет по-прежнему. Хлеба получил опять по

⁴¹ Товарищество ситцевой мануфактуры Альберта Гюбнера в Москве, с 1925 г. — Хамовническая ситценабивная и красильная фабрика им. Свердлова.

$\frac{1}{4}$ фунта на человека⁴²: так было 30 октября и вчера, а 31 октября совсем не было хлеба в нашей булочной. Молока не достали. Наши девушки ходили опять тем же путём, сперва намереваясь попасть в Неопалимовский переулок, но при выходе из Глазовского переулка на Смоленский бульвар их остановил солдат, стоявший на посту (правительственный!), сказавший, что дальше пропускать запрещено. В Денежном переулке они также не нашли молока. Наша повариха ходила вместе с Василием на Смоленский, но ничего не нашла и вернулась с пустыми руками. Лавки стоят закрытые с выбитыми стёклами. На Арбате целые лужи крови. Говорят, вчера выезжал броневик и косил из пулемётов направо и налево, кто попадётся. В доме Коровина в Сивцевом Вражке выбиты стёкла в квартирах⁴³.

День сегодня тёмный, пасмурный. Почти был дождь. +3 °R⁴⁴. Василий утверждает, что большевики поставили пушки на Воробьёвых горах. Пришла записка от Липы (квартира её по-прежнему в Большом Афанасьевском переулке, дом № 4), что мимо них пролетел тяжёлый снаряд, наполнивший заднюю квартиру дымом. В Гагаринском 29 шальная пуля пробилла стекло и ранила стоявшую у окна барышню. Липа помещается на ночь в коридоре с Шуриком⁴⁵, а кушает в передней из-за боязни пуль в парадных комнатах. Пишет, что очень сильно слышала канонаду.

Юля днём ходила к Липе и читала там «Труд». Кое-что из её сообщений (сами мы не могли достать другого листка⁴⁶): действия войск успешны, от Никитских ворот оттеснили мятежников, дом, горевший два дня, действительно помещается у Никитских ворот. Это большой дом с [нрзб] номерами при начале Тверского бульвара, № 1⁴⁷, где помещаются известные номера: масса мелких постояльцев, значит, лишены крова. В ожидании прибытия войск на Каланчёвской площади роют окопы. Вчера большевики бомбардировали Думу и Театральную площадь. Заседавший там Совет общественного спасения с городским головой во главе (а может быть, это было назначено собрание Думы) должны были спастись в Кремле. Тогда негодяи бомбардировали Кремль и изрядно

⁴² По 113 граммов.

⁴³ Дом московского купца Ивана Михайловича Коровина, переулок Сивцев Вражек, 23.

⁴⁴ +4 °C.

⁴⁵ Александр Николаевич Вишняков (род. 1888), потомственный почетный гражданин, присяжный поверенный, член Попечительского совета Коммерческого училища имени царевича Алексея. Проживал в Большом Афанасьевском переулке, дом 4.

⁴⁶ Газеты.

⁴⁷ Вишняков ошибся, речь идет о доме 1 по Тверскому бульвару князя Гагарина с магазинами и номерами под сдачу, который был разрушен и сгорел в ходе боев. На его месте сейчас стоит памятник К.А. Тимирязеву.

повредили Архангельский собор и Дворец. Впрочем с Театральной площади большевиков скоро прогнали. Какой-то снаряд попал и в Большой театр. Мерзавцы бомбардировали телефонную станцию, поранили телефонных барышень и испортили там аппараты, что вероятно, в течение следующего месяца мы будем лишены телефона. Большевиков выгнали из дома градоначальства. Всего пострадавших 1500, из них 1300 большевиков, остальные большей частью из публики. Серёжа Бернзон, слава Богу, не так опасно ранен, а вчера гулял: температура понизилась. Маша при нём. У Бернзонов теперь готовят пищу. В доме Гартман несколько стёкол пробито пулями (в квартире Зубковых⁴⁸ и других прочих). Дежурные в Царицынском⁴⁹ переулке юнкера спрашивали у Юли пропуск.

В 5 часов, когда я вышел гулять, опять грозно гремела большая пушка у Штаба среди усиленной перестрелки. Пули опять чокают со всех сторон. Василий уверяет, что это винтовка. Потом наступило затишье, но вечером от времени до времени опять раздавались 1–2 выстрела из большой этой пушки, которая потом замолкала на час или 1 ½. Последние выстрелы мы слышали около 10 часов. Теперь 2 часа ночи. Изредка чокают около дома пули; в общем тихо. А Арбат вообще весь день тише, чем другой день. 1 фонарь тускло горит со стороны Гагаринского переуллка.

3 ноября.

Спал крепко, ничего не слышал, хотя прислуга уверяет, что и ночью стреляли где-то вдалеке. Около 8 часов утра меня разбудили опять три выстрела — раз за разом — из большой пушки у Штаба. «Ну опять начинается!» — подумал я. Но когда я встал, мне сказали, что вышел приказ прекратить стрельбу обеим сторонам. Действительно наступило новое затишье. На улицу высыпал народ, идут к Пречистенскому бульвару⁵⁰ и к Никитскому переулку; вот крестьяне (?), глядь по Пречистенскому бульвару может быть несут покойника. Молока достали, но Паше какой-то юнкер сказал, что временное затишье — только перемирие до 12 часов, а там опять стрелять будут. Хлеба опять выдали по ¼ фунта на человека. Говорят, нет. День тихий, пасмурный +4 °R⁵¹. Вокруг всё падает.

2 часа. Разгром окончился. Законные власти капитулировали. Мы во власти мятежников. Раздаются кое-где отдалённые выстрелы.

⁴⁸ В справочнике «Вся Москва» на 1917 г. из всех Зубковых в доме была указана лишь Александра Михайловна З.

⁴⁹ Ныне Чертольский переулок.

⁵⁰ Ныне Гоголевский бульвар.

⁵¹ +5 °C.

Аллея городской усадьбы Вишняковых. Фото А.Н. Вишнякова, 1913 г.

Вечером. Когда я вышел в 5 часов гулять, как раз в это время во двор ввалилась удалая ватага — человек 6–7 людей в самых разношёрстных костюмах. Это была — [нрзб]. Впереди шёл невысокий человек, похожий по форме на пожарного, лет 40, худой brunet ничтожного вида с бесноватым взглядом. Он держал в руках блестящий новенький револьвер, очевидно не очень уверенный в ласковом приёме. «Прошу подождать! — сказал он, обращаясь ко мне (во дворе в это время кроме меня никого ещё не было). — Из Вашего дома стреляли». «Боже сохрани! — воскликнул я. — Мы мирные люди и в стрельбу не вмешиваемся». «Ну уже не знаю, только приказано у вас произвести обыск. Есть ли у Вас оружие, ружья или револьверы?» — «Нет». — «Обратите внимание, — продолжал он, не глядя мне в глаза, — мы теперь не будем Вас обыскивать, но если потом при обыске у Вас найдётся огнестрельное оружие, Вам грозят неприятности. Кто живёт во флигеле?» — «Отставной генерал Тюлин». — «Надо его обыскать». И вся банда направилась к заднему крыльцу флигеля; человека два вошли внутрь, остальные остались стоять на дворе. Через минуту вышел и генерал с маленьким маузером в руках и с какой-то бумагой, на которую указывал пальцем. «Это всё равно, — сказал один из комиссии. — Мы запишем номер Вашего револьвера, возьмём его. А потом Вы можете его получить обратно». Когда кто-то протянул руку, генерал быстро отнял револьвер. «Погодите, так с заряженным маузером обходиться нельзя. Он заряжен, и надо сперва его разрядить». Направляя дуло в землю, генерал вынул обойму и отдал револьвер и обойму. Стали

записывать № в квитанцию. Тем временем я разглядывал честную компанию. Это была настоящая шайка разбойников. Сколько мне известно, этот род деятелей никогда не нуждался в особом, ему одному присвоенном одеянии, а развивал свои подвиги в самых разнообразных одеждах. Тут был маленький черномазый человек с усами, в папахе, настоящий солдат с погонами с № полка (мне не удалось хорошо рассмотреть, что-то вроде 281) — как оказывается предводитель, остальные в куртках защитного цвета и кожаных. «Поскорее, товарищи! — сказал опять первый индивидуум, который меня остановил. — У нас ещё 9 домов!» «Куда же вы направитесь? — спросил я. — К соседу по Власьевскому переулку?» «Нет, мы там были, нашли 5 винтовок. Теперь мы пойдём в номер 33 по Гагаринскому переулку». «Зачем именно в № 33?» — «Да говорят, оттуда стреляли. Вы не думайте, что мы обманщики. У нас есть приказ. Вот мы как раз у Вашего соседа наткнулись на фальшивый обыск. К Вашему соседу пришли трое неизвестных в солдатской форме, вошли на двор и хотели производить обыск, когда мы явились. Ну, конечно, мы их арестовали». — «А любопытно взглянуть на Вашу бумагу». — «Извольте». И черномазый человек в папахе вытащил из-за пазухи сложенный вчетверо полдесть⁵² писчей бумаги. На нем неясно, крайне неразборчиво было напечатано что-то на гектографе за подписью какого-то Васильева. Было излишне подробно анализировать этот документ: важно, что против нас стояло семь пар рук, способных пустить их в дело при малейшем сопротивлении. Генеральша попробовала заикнуться что-то о законности обыска. На это один из пришедших заявил, что они имеют полное право арестовать генерала, если захотят. *Vae victis!*⁵³

«Я бы просил Вас, — говорил генерал, — мне возратить моё оружие». — «Да, сабли мы вам отдаём». — «Нет, я говорил о револьвере: мне бы жалко расстаться с ним. Он сопровождал меня во всех походах». Они обещали. Но кто же может верить? Ведь говорят, теперь такой маузер стоит 600–700 рублей. Было очень приятно, когда непрошенные посетители удалились.

5 ноября (воскресенье).

Очень неясны причины капитуляции власти перед мятежниками. Говорят об измене Рябцева, то есть о подкупе. Как будто неосновательно. Баталия продолжалась 7 дней. Вероятно то, что войска будто бы подошед-

⁵² Полдесть — русский размер бумаги, около 22 на 35 сантиметров.

⁵³ Горе побежденным — *лат.*

Южный фасад дома Вишняковых по М. Власьевскому пер. Фото А.Н. Вишнякова, 1913 г.

шие к Москве отказались идти против большевиков, или просто никого не пришло, и законное правительство защищали только юнкера и горсть белой гвардии из студентов. Кроме того, у большевиков оказалась артиллерия, которой командовал, по слухам, не то германский, не то австрийский офицер. Один знакомый, живший в меблированных комнатах, рассказывал, что к нему явились два юнкера с обыском, вели себя очень корректно и извинились за причинённое беспокойство. Он спросил их о положении дел. «Ничего хорошего нет, — ответили они. — У большевиков 34 орудия на Ходынке, а у нас мало артиллерии». — «Так как же можно сопротивляться?» — «Что делать! Это дело чести!» Так и я думаю. Эта артиллерия всё зло наделала. А почему её раньше не убрали? Да потому, что либо не догадались, либо не посмели — известная русская растерянность...

В тот же злополучный день, предавший нас в руки мятежников, 3-го ноября около 5 часов вечера во двор дома Торнтонна (мой сосед слева) въехало 2 автомобиля. Мы видели, как на них нагружали чемоданы: кто-то уезжал с квартиры. Это покидали Москву два английских офицера, квартировавшие у Торнтонна. Дурной знак!.. На глазах у моей дочери офицеры эти выехали из ворот на автомобилях и направились почему-то направо, в Малый Власьевский переулок, а не на Спиридоновку по Гагаринскому. Отозвало их собственное правительство, или наша власть предупредила их, что сим путём удалиться?!

Посетил ближайшее соседство того же 3 ноября. К удивлению на Пречистенке от Мёртвого⁵⁴ переулка вниз всё в порядке и штаб цел.

⁵⁴ Ныне Пречистенский переулок.

Главный разгром приходится на Остоженку. У самого штаба окоп, валяются мешки, повален столб для объявлений. Далее по направлению к Пречистенским воротам — в 50 шагах дальше к Пречистенским воротам из массы дров сделаны баррикады с проездом наискось. Во всех соседних домах все стёкла выбиты. По Пречистенскому бульвару я мог дойти до половины: у Сивцева Вражка стоят солдаты и не пропускают. «Почему?» Полагают, происходит обыск в Александровском училище, юнкера сдают оружие. Обхожу Филипповский переулок, Годеинским⁵⁵, по Молчановке. Человек в статском и котелке не пропускает с Арбата толпу. Несколько лиц его осаждают. Он спрашивает разрешения от домовых комитетов. У кого оно есть, у кого нет. Галдёж. Он машет рукой и пропускает. Перед проездом на Никитский бульвар справа у самого угла дома бывшего Савостьянова⁵⁶ окоп с висячими над ним рельсами трамвая. Слева у дома Савостьянова все окна выбиты, а также и в доме моего племянника Валентина⁵⁷. Смеркалось и мне показалось странным, что у дома Савостьянова всё было как от [нрзб]: это были разбитые стёкла. Валентин говорил мне, что все окна в этом месте во всех владениях треснули зараз от одного очень сильного снаряда, выпущенного около домов в Александровское военное училище. Сам он не пострадал, потому что живёт в корпусе на Мерзляковском переулке.

Газет нет до сих пор, кроме социалистических «Вперёд» и «Труд», которые сведений дают мало, а только ругательски ругают большевиков. Мы ничего не знаем, что делается на фронте. Говорят, будто немцы прорвали фронт в 2 местах около Минска. Большевицкие газеты это отрицают. Говорят о высадке немцев в Або. Матросы это отрицают. Говорят, что Финляндия потребовала в виде ультиматума немедленного признания своей независимости, грозя объявлением войны. До какого унижения мы дожили, Господи Боже мой!!!

Кажется, для того чтоб наверстать, что вначале фонари слишком долго горели, их теперь 2-ую ночь совсем не зажигают и улицы наши погружаются в полный мрак с наступлением темноты — был приказ не выходить после 8 часов вечера, но сегодня отменён. Да кому охота бродить по тёмным улицам, кроме заговорщиков!

⁵⁵ Ныне Арбатский переулок.

⁵⁶ Никитский бульвар, 2. Дом с магазинами известных московских пекарей, наследников купца В.Н. Савостьянова. Снесен.

⁵⁷ Никитский бульвар, 3. Дом действительного статского советника Валентина Семеновича Вишнякова.

Внутренний двор городской усадьбы Вишняковых. Фото А.Н. Вишнякова, 1913 г.

6 ноября.

По-прежнему нет газет. Мы как будто отрезаны от всего мира. Вот какой свободой подарила нас великая российская революция! Впрочем, это повторение того же мотива и великой французской революции, и в коммуне 1871 года. Всегда господство охлократии выражается в отчаяннейшей тирании.

Когда нет точных известий, всё вырождается в слухи, одни других чудней, одни других невероятнее. Вчера в почтенном культурном семействе утверждали, что генерал Каледин захватил Киев, Одессу и Харьков и провозгласил себя диктатором. Сегодня я слышал, что под Гжатском был уже бой между большевистскими войсками и 30 000 казаками; большевики были разбиты и потеряли 12 000 пленными. Вокруг Москвы будто бы роют окопы. С разных сторон слышу, что Ленин (председатель хамского министерства) обратился к Вильгельму с мирными предложениями на основании очищения русской территории, «без аннексий и без контрибуций» — известная формула пораженцев. Вильгельм будто бы ответил, что заключит мир только с той властью, с которой начал войну; с другой стороны, говорили, что Вильгельм решил ни за что не допускать образования республики в России. Сегодня и вчера мы получили по полуфунту хлеба. Три дня тому назад давали по ½ фунту только в Хамовническом районе, одном из центров правоверных большевиков; у нас давали по ¼ фунта, а Валентину Семёновичу в Мерзляковском переулке — ничего не дали. Сегодня вечером ярко горят фонари и у нас по Гагаринскому, и по Малому Власьевскому.

Вчера я любовался на разгром Поварской. Мерзавцы падали с Кудринской площади в Александровское училище. На доме графа Олсуфь-

ева сильно повреждена часть фасада⁵⁸: отбиты углы, пробита и приподнята крыша, а в стене заднего корпуса зияющая сквозная дыра от снаряда. Сильно пострадала церковь Бориса и Глеба. Выбиты все окна и сверху, разворочен купол, в котором зияет огромная чёрная дыра под совершенно развороченной крышей, а у колокольни из 4 столбов один совсем выбит. Праздная толпа толкается у окон, чтобы заглянуть во внутренность. И дальше по Поварской пострадали фасады, у которых со стороны Кудринской площади отбиты углы и штукатурка и обнажены красные пятна кирпичей. У Арбатских ворот весь сквер был окружён забором и колючей проволокой: до сих пор валяются развороченные доски с кое-где протянутой проволокой. Миллионные убытки! Кто их возместит? Валентин мне говорил, что он послал перечень поврежденных в комиссариат, прося удостоверить точно заявления, а ему ответили: «Никаких удостоверений не выдаём!»

Виделся с Ярцевым⁵⁹. Он живёт на Варгунихиной горе⁶⁰ и пережил адскую канонаду. Пушки большевиков стояли за Дорогомиловским мостом и обстреливали школу прапорщиков, помещающуюся сзади Ярцевых в Смоленском переулке. Туда стреляли не только из Дорогомилова, но и с Воробьёвых гор. Снаряды летели через дом, где живут Ярцевы. Позднее пулемёт был поставлен у самого выхода переулка и трещал, не умолкая. Сами они не пострадали, находясь на нижнем этаже, но в верхнем этаже окна выбиты. Говорят, негодяи хотели на Пречистенке штурмовать штаб, но струсили огня из окон и предпочли стрелять издали.

Рассказов очевидцев — масса. В Марьиной роще квартирует какой-то служащий или рабочий из центра города. Он говорит, что ему большевики предлагали 5 рублей в день, чтобы из-за засады где-нибудь убивать юнкеров и буржуев. С другой стороны работала кучка спортсменов стрелков-охотников. Они поместились где-то под прикрытием и били неистовствующих большевиков на выбор. Учительница училища, где Юля

⁵⁸ Поварская улица, 50. Дом графини Александры Андреевны Олсуфьевой, рожд. Миклашевской (1845–1929), вдовы генерала от кавалерии А.В. Олсуфьева, статс-дамы императриц Марии Федоровны и Александры Федоровны (с 1911 г.), гофмейстерины двора великой княгини Елизаветы Федоровны, действительного члена Московского благотворительного общества.

⁵⁹ Григорий Федорович Ярцев (1858–1918), художник-пейзажист, архитектор, член Московского отделения Императорского русского технического общества. Женат на Анне Владимировне Вишняковой. Проживал по адресу: улица Варгунихина гора, 20, дом Бородинского братолюбивого общества.

⁶⁰ Возвышенная территория между современной Смоленской набережной и Невольным переулком недалеко от Бородинского моста.

была попечительницей, рассказывала, что в её помещение пришли четверо вооружённых, чтобы из окон стрелять, но почему-то нашли место неудобным и удалились со словами: счастливо оставаться! Перепуганные учительницы бросились через двор в квартиру к какому-то переплётчику, который радушно дал им приют на всё время. Но и к переплётчику пришли вооружённые негодяи и требовали, чтобы он шёл помогать им во всех квартирах сломать телефоны. Спасла мужа жена. Она решительно заявила, что мужа не пустит, потому что его могут убить, а что будет она делать с детьми одна без единственного кормильца. Через некоторое время учительницы увидели в окно, что двое вооружённых подошли ко входу в их квартиру и стали стучать. Напуганная прислуга и швейцар (ставший перед этим нахал-большевик!) заперлись и не отпирали. Постучавши немного времени, пришедшие стали ломать дверь штыками, но потом переменили намерение и направились к тому флигелю, где прятались учительницы, к их большому ужасу. Но в это время в воротах показалось 2 юнкера: увидав, что происходит, они выстрелили, одного наповал убили, другого ранили. Всё это происходило в Брюсовском переулке. Вчера в доме Шереметева⁶¹ в Шереметевском переулке⁶² произошло следующее. На автомобиле приехало 4 военных и высадились к швейцару: «Мы приехали делать обыск!» — «Пожалте приказ». — «Какой-такой приказ?» — «Без бумаги не пушу». Разозлились, выстрелили из револьвера в окно и уехали. Чрез полчаса явился местный комиссар с помощниками для обыска. Швейцар ему рассказал. «Это были грабители», — сказал комиссар. В Кремле стреляли и на Красной площади, от Рядов⁶³. Солдаты грабили ювелирные лавки и обвешивали себя брошками, которые однако прятали в карман, когда проходили их командиры. В здании Суда в Кремле ограблена касса, размётаны и разорваны дела.

Невероятное положение переживал Екатерининский институт⁶⁴. Там уже около месяца весь служебный персонал бастует. Воспитанницы рисковали бы умереть с голода и холода, если бы не великодушные классных дам. Эти пожилые женщины, конечно, непривычные к ручному труду, занялись нелёгким делом колоть дрова, ходить за пищей, работать в кухне. Пришла к ним какая-то скотина из забастовочного комитета, посмотрел на их деятельность и притом заметил: «Говорили, что тут

⁶¹ Доходные дома графа Александра Дмитриевича Шереметева по нечетной стороне переулка.

⁶² Ныне Романов переулок.

⁶³ Имеются в виду Верхние или Средние торговые ряды.

⁶⁴ Московский Екатерининский институт благородных девиц.

умирают от голода, а я вижу бесподобно управляются!» Когда пришла помощь из учителей, вышло запрещение от забастовочного комитета, но тогда вместо своей работы они стали являться [нрзб] к классным дамам. Забастовочный комитет ходил и им запрещать. Но родители объяснили, что они силой дадут отпор мерзавцам и своих детей не позволят голодом морить. Самое любопытное со стороны смотря то, что эта прислуга, бастуя, всё-таки исправно получает жалование и взыскивает те доплаты, которые полагались раньше со стороны классных дам. Что вы сделаете с народом, который дошёл до такого падения самого элементарного нравственного чувства.

Я вижу массу солдат с котомками за плечами, очевидно опять в отпуску. Сегодня мимо меня прошло их много на Арбатской площади. Спрашиваю: «Куда?» — На Ярославский вокзал.

От Шуры была депеша из Пскова от 27 октября, полученная только сегодня утром. Из Двинска приехал кто-то из отряда с сообщением, что весь отряд двигается на особом поезде в Москву и что Шура, окончив дела в Пскове, должен теперь в ближайшие дни приехать сюда. Не знаю, право, радоваться ли мне. Мне кажется, он целее был бы там.

Я ещё не видал ни Думы, ни бульваров, ни Кремля: в Кремль еще и не пускают. В Кремле повреждены все величавые русские святыни и памятники старины: Успенский собор, Иван Великий, Архангельский собор, Николаевский дворец, Чудов монастырь, Спасская башня. Чего не решились делать враги в 1812 году, то сделали русские собственными руками! Только позже!

Я отдал сегодня за 1 фунт шоколада в плитках 15 ½ рублей.

Ещё один эпизод. Генерал-губернаторский дом был занят советом собачьих депутатов. Очевидец рассказывал мне, что трудно представить себе, как он ограблен. На парадной лестнице скоты удовлетворяют свою малую нужду...

Ключевые слова:

П.Н. Вишняков, Москва, дневник, октябрьские бои, Московская Дума, большевики, революция.

Vladimir Hutarev-Garnishevsky

THE BATTLES OF OCTOBER IN MOSCOW: THROUGH WITNESS' EYES

ublished is an excerpt from a diary of N.P. Vishnyakov (1844–1927), a Moscow Duma deputy. Nikolay Petrovich has never personally participated in the events, but was in the epicenter of the October battles between the Red and the White movements, as he and his family lived in the centre of Moscow. Those events in particular are often referred to as the beginning of the real Civil War. His diary shows us the mental state of a peaceful citizen caught as a hostage during the civil confrontation on Moscow streets. Depicted are certain peculiarities of everyday life, rumors and doubts, hopes and fears of Moscovites, as well as behavioral strategies of different social groups.

Most valuable is that the author made 2–3 diary entries a day, registering the events in details. Such sources are very few in number.

N.P. Vishnyakov's memoirs and epistolary heritage have never before were fully published and were marked as a unique source on the history of political, cultural and economic life in Moscow between 1873–1918.

This is a part of an upcoming publication of the complete texts of N.P. Vishnyakov's epistolary heritage. Nikolay Petrovich was fully engaged into almost every political and economical process in Moscow during the times of Nicholas II. He was a deputy of the Moscow Duma from 1873 to 1917, with a short break in 1892–1897, a magistrate judge, a well-known geology scientist and ethnographer.

For this publication shorten forms of toponymies and some personalized abbreviations have been deciphered. It is sometimes very difficult to follow and understand N.P. Vishnyakov's handwriting.

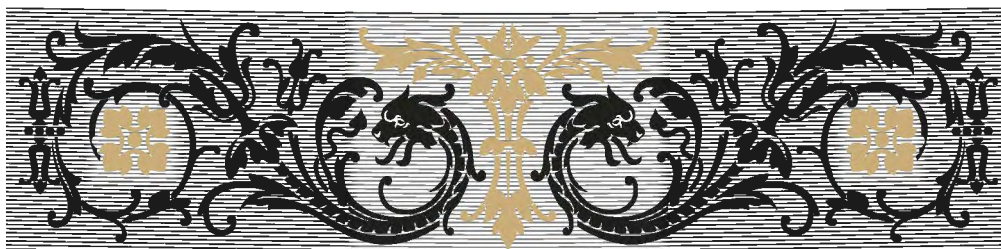
Key words: P.N. Vishnyakov, Moscow, diary, battles of October, Moscow Duma, bolsheviks, revolution.

Introduction article, preparation of the text and comments by:
Vladimir Hutarev-Garnishevsky — Ph.D. in History, Associate Professor at the Moscow State Institute of Culture.

Вступительная статья, подготовка текста и комментарии:

 Хутарев-Гарнишевский Владимир Владимирович

кандидат исторических наук, доцент кафедры культурологии
Московского государственного института культуры

DOI: 10.35549/HR.2022.2021.38.008

С.В. Девятов

ПОСЛЕДНИЙ ДЕНЬ ЖИЗНИ СОВЕТСКОГО СОЮЗА. ПЕРВЫЙ ДЕНЬ СУЩЕСТВОВАНИЯ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ 25 ДЕКАБРЯ 1991 г.

Хорошо известна дата кончины Советского Союза. Это 25 декабря 1991 г. Казалось, что время в тот день буквально спрессовалось. Одно за другим практически одновременно происходили самые различные события.

Причем многие из них имели громадную политическую важность, каждое из которых буквально затмевало предыдущее. Начался день с того, что на утреннем заседании Верховного Совета РСФСР, в окончательной редакции был принят закон об изменении названия государства. Вместо «Российской Советской Федеративной Социалистической Республики» появляется новое название — «Российская Федерация» или просто «Россия». Буквально сразу же этот закон был подписан Президентом теперь уже Российской Федерации Б.Н. Ельциным.

Но в этот исторический день происходили и другие важнейшие события.

Выступая 25 декабря 1991 г. на заседании Верховного Совета РСФСР Президент России Б.Н. Ельцин сообщил, что «ядерная кнопка», которую точнее необходимо называть «ядерным чемоданчиком», перейдет сегодня от Президента СССР М.С. Горбачева к Президенту Российской Федерации.

Следом же было запланировано выступление Президента Российской Федерации Б.Н. Ельцина на телеканале CNN. Оно началось после

возвращения Президента России с заседания Верховного Совета РСФСР несколько позже, в 15.56. Именно тогда Б.Н. Ельцин по американскому телеканалу CNN сообщил, что сегодня СССР как государство прекращает свое существование.

Часом позже, около 17.00, в присутствии нескольких телевизионных камер во время телефонного разговора М.С. Горбачев поставил в известность президента США Джорджа Буша, что через два часа он официально уйдет в отставку, передав права на использование ядерного оружия Президенту Российской Федерации с 25 декабря 1991 г. Чуть позже состоялся телефонный разговор Президента СССР М.С. Горбачева с министром иностранных дел Германии Гансом-Дитрихом Геншером, который получил аналогичную информацию¹.

В 18.50 под прицелом тех же телекамер М.С. Горбачев подписал указы о сложении с себя полномочий Президента Союза Советских Социалистических Республик и Верховного Главнокомандующего Вооруженными силами Советского Союза. Стоит привести полный текст этого указа:

«УКАЗ ПРЕЗИДЕНТА СССР

О сложении Президентом СССР полномочий Верховного Главнокомандующего Вооруженными Силами СССР и упразднении Совета обороны при Президенте СССР

1. В связи с уходом в отставку с поста Президента СССР слагаю с себя полномочия Верховного Главнокомандующего Вооруженными Силами СССР. Право на применение ядерного оружия передается Президенту Российской Федерации.

2. Признать утратившим силу Указ Президента СССР от 1 октября 1991 года “О Совете обороны при Президенте СССР” (Ведомости Верховного Совета СССР, 1991 г., № 41, ст. 1151).

Президент Союза Советских
Социалистических Республик

М. ГОРБАЧЕВ

Москва, Кремль. 25 декабря 1991 г.
№ УП–3162»².

¹ ТАСС. Информационная лента. 25.12.2016. 08.30.

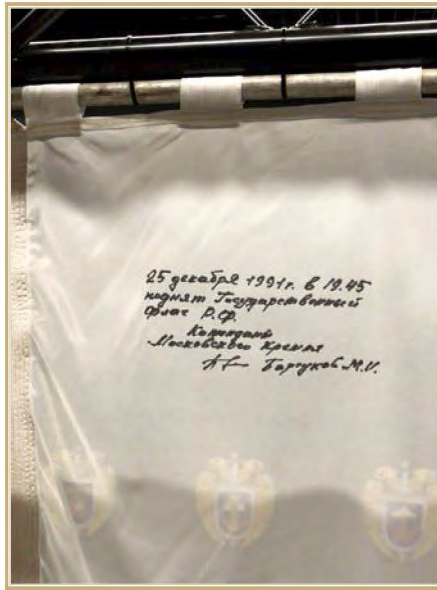
² Указ Президента СССР от 25.12.1991 № 3162.

Сразу же после этого Президенту Российской Федерации было передано право на использование ядерного оружия. На сей раз прямую трансляцию этого исторического события вели как Гостелерадио СССР, так и CNN. Далее в прямом эфире уже бывшим Президентом Советского Союза был сдан один из неофициальных символов высшей государственной власти СССР — «ядерный чемоданчик». Какой-либо практики или протокольного церемониала передачи управления ядерным оружием от одного главы государства руководителю другого государства не существовало. В итоге Президент Советского Союза М.С. Горбачев вручил его министру обороны СНГ маршалу Б.М. Шапошникову, так как Президент Российской Федерации Б.Н. Ельцин идти на эту церемонию отказался, хотя в этот момент он находился буквально в ста метрах от кабинета Президента СССР. Дело в том, что в конце 1991 г. здание Сената Московского Кремля было резиденцией как Президента СССР, так и Президента РСФСР. Более того, в те месяцы в системе государственной охраны юридически существовала единая «комендатура по охране резиденции Президента СССР и Президента РСФСР».

В тот же день Верховный Совет РСФСР ратифицировал соглашение между Беларуссией, Казахстаном, РСФСР и Украиной о совместных мерах в отношении ядерного оружия. Тогда же Советский Союз перестал быть членом ООН, уступив свое место Российской Федерации. Посол в ООН Юлий Воронцов передал представителю Генерального секретаря организации послание от Президента Российской Федерации Бориса Ельцина, в котором говорилось, что членство Союза Советских Социалистических Республик продолжается теперь в лице Российской Федерации и вместо названия «СССР» теперь следует использовать словосочетание «Российская Федерация».

После подписания 8 декабря 1991 г. в Беловежской Пуще главами России, Украины и Белоруссии известных соглашений о создании Содружества Независимых Государств и присоединения к ним 21 декабря 1991 г. группы из восьми среднеазиатских и закавказских республик стало очевидно, что сложившаяся после августовского путча система политического двоевластия завершается и победителем в этом противостоянии оказывается Б.Н. Ельцин.

Ровно в 19.00 того же дня уже бывший Президент СССР М.С. Горбачев в прямом эфире обратился к народу Советского Союза: «Дорогие соотечественники! Сограждане! В силу сложившейся ситуации с образованием Содружества Независимых Государств я прекращаю свою деятельность на посту Президента СССР. Принимаю это решение

Автограф Коменданта Московского Кремля на Российском флаге, поднятом над Зданием Кремлевского Сената 25.12.1991 г.

по принципиальным соображениям...» «Я твердо выступал за самостоятельность, независимость народов, за суверенитет республик. Но одновременно и за сохранение союзного государства, целостности страны. События пошли по другому пути. Возобладала линия на расчленение страны и разъединение государства, с чем я не могу согласиться»³.

Около 20.00 М.С. Горбачев дал первое интервью телеканалу CNN уже в статусе бывшего Президента Советского Союза. В самом начале беседы с журналистами он заявил: «Это общество было настолько перегружено проблемами, и оно уже оказалось, в результате того, что реализовывалась определенная модель, в тяжелом положении. Перестройка и все то, что было связано с ней, было подготовлено всем предшествующим периодом. Так что с точки зрения стратегии менять нечего. Я тем более сейчас в этом убежден, ибо уже теперь есть аргументы семи лет».

На вопрос о том, каким бы он хотел запомниться историкам, Горбачев ответил: «Я хотел бы, чтобы то, что делалось в эти годы, люди оценили. И я думаю, они оценят. Сейчас трудности жизни, их неустроенность жизни не позволяют им даже присесть, по-настоящему обдумать, поговорить вместе о том, что произошло и происходит с нами, какими мы стали. А мы стали другими людьми, другой страной... Вот они когда-то освободятся от этих перегрузок повседневной жизни, и я думаю, тогда

³ ТАСС. Информационная лента. 25.12.2016. 08.30.

они оценят по-настоящему, что да — трудно было, но надо было начинать и хорошо, что мы начали»⁴.

Впрочем, в этот исторический день в Кремле проходила своим чередом и рутинная аппаратная работа. Так, Президент Российской Федерации Б.Н. Ельцин подписывает распоряжение об образовании Комитета по Государственным премиям РСФСР в области науки и техники при Президенте РСФСР. Стоит привести официальный и полный текст этого распоряжения.

«РАСПОРЯЖЕНИЕ ПРЕЗИДЕНТА РОССИЙСКОЙ СОВЕТСКОЙ ФЕДЕРАТИВНОЙ СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЙ РЕСПУБЛИКИ

1. Образовать Комитет по Государственным премиям РСФСР в области науки и техники при Президенте РСФСР на базе упраздняемого Комитета по Государственным премиям РСФСР в области науки и техники при Совете Министров РСФСР.

2. Заместителю Председателя Правительства РСФСР А.Н. Шохину в месячный срок представить предложения по составу Комитета по Государственным премиям РСФСР в области науки и техники при Президенте РСФСР и проекты положений о Комитете и о Государственных премиях РСФСР в области науки и техники.

Президент РСФСР

Б. Ельцин

25 декабря 1991 года
№ 131-рп»⁵.

Как уже отмечалось выше, именно 25 декабря 1991 г. на заседании Верховного Совета РСФСР был принят закон об изменении названия государства. Вместо «Российской Советской Федеративной Социалистической Республики» появляется новое название — «Российская Федерация». Так как в тот же день этот закон был подписан Президентом теперь уже Российской Федерации Б.Н. Ельциным, он немедленно вступил в действие. Но явно вышеприведенное распоряжение го-

⁴ Мослента. Последний день СССР. 25.12.2016. 00.00.

⁵ pravo.gov.ru. 25 декабря 1991 года. № 131-рп.

товилось днями ранее, так как в тексте фигурируют старый заголовок «РАСПОЯЖЕНИИ ПРЕЗИДЕНТА РОССИЙСКОЙ СОВЕТСКОЙ ФЕДЕРАТИВНОЙ СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЙ РЕСПУБЛИКИ» и старое наименование должности Б.Н. Ельцина «Президент РСФСР».

25 декабря 1991 г. закончилась история государства под названием «Советский Союз». Заканчивалось и время существования самой большой республики СССР — Российской Советской Федеративной Социалистической Республики. Эпоха социализма на 1/6 части мира завершилась. Началось время новой страны — Российской Федерации, которая стала правопреемником Советского Союза.

Юридически СССР перестал существовать после подписания указов М.С. Горбачевым о сложении с себя полномочий Президента СССР и Верховного Главнокомандующего Вооруженными силами Советского Союза. Советский народ услышал и увидел по радио и телевидению сообщение об окончании существования Советского Союза. Однако после всей этой информации над Московским Кремлем продолжало развеваться полотнище советского Государственного флага.

Сразу же после телевизионного обращения М.С. Горбачева в комендатуру Московского Кремля поступил звонок из Белого дома — именно там находился кабинет руководителя администрации Президента Российской Федерации Ю.В. Петрова. Руководитель администрации Президента Российской Федерации подписал распоряжение № 190 от 25 декабря 1991 г. о спуске Государственного флага СССР и поднятии Государственного флага Российской Федерации над Московским Кремлем. Но неожиданно возникла техническая проблема. Она состояла в том, что в Кремле не было российского Государственного флага — триколора соответствующего размера. Из Кремля в Белый дом была отправлена машина и через полчаса Государственный флаг Российской Федерации был доставлен в Первый корпус Кремля в комендатуру по охране резиденции Президента СССР и Президента РСФСР, которая фактически уже стала только комендатурой резиденции Президента Российской Федерации. Специалисты проверили совместимость крепления нового российского флага, привезенного из Белого дома, с флагштоком на куполе здания Кремлевского Сената. В 19.35 Государственный флаг Советского Союза был в последний раз спущен в Кремле. Через 10 минут, в 19.45 25 декабря 1991 г. над куполом Сената поднимается новый Государственный флаг Российской Федерации. На это мероприятие никого из посторонних, включая журналистов, специально не приглашали, хотя несколько корреспондентов о нем все же узнали. Непосредственно на месте события — на куполе президентской

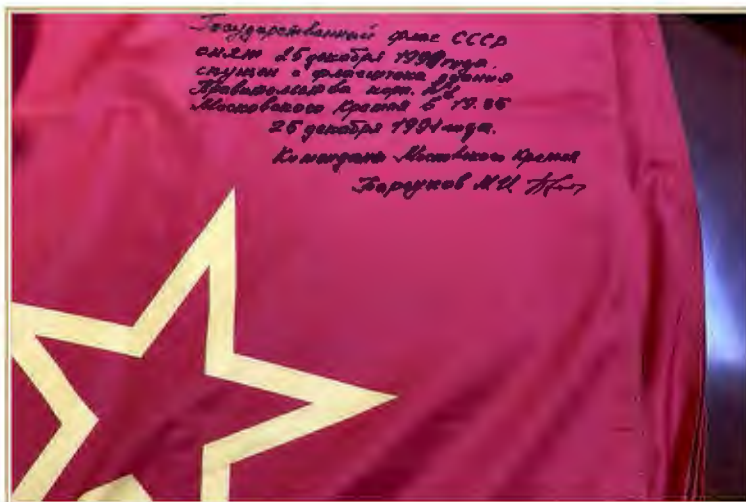
резиденции — присутствовали только офицеры Главного управления охраны Российской Федерации и сотрудники хозяйственных служб Кремля. Какой-то специальный регламент для смены флага не выработывали. Все проходило вполне обыденно. Лишь политиков живо интересовал вопрос о немедленной замене флага. Был необходим зримый символ смены эпох, смены государственного устройства страны, смены политической элиты.

Обычно во время спуска и подъема Государственного флага над Кремлем, а это происходит в темное время суток, подсветка купола и флагштока выключается и визуально с Красной площади сам процесс не виден. Но в данном конкретном случае это сделано не было. На сей раз технологию смены флага все же нарушили. В итоге фотокорреспонденты и телевизионные съемочные группы, которые буквально за полчаса до этого присутствовали в кабинете М.С. Горбачева во время его отставки, смогли запечатлеть моменты снятия флага СССР и подъема Государственного флага Российской Федерации. Именно потому на редких кадрах видеосъемки или фотоснимках события отчетливо видны фигуры рабочих технико-хозяйственной службы Кремля, или как это называлось в то время «комплекса “Ансамбль”», менявших флаг. Их имена известны — Валерий Кузьмин и Владимир Архипкин. Неожиданно для себя они вошли в историю Российского государства.

Необходимо иметь в виду, что флаги над Кремлем менялись постоянно, их периодически отправляют в химчистку, а в случае серьезных повреждений ткани их утилизируют. По свидетельству коменданта Московского Кремля в 1991–1995 гг. генерала М.И. Барсукова, в кремлевской резиденции постоянно имелось до десятка полотнищ флагов. Их над кремлевской резиденцией главы государства меняли регулярно по самой прозаической причине. Флаги развеваются над Кремлем около месяца. Затем их меняют на новые или прошедшие химчистку. Но за несколько месяцев ветер с Москвы-реки, пыль и выхлопные газы легко приводили полотнище в негодность.

Так как мы исследуем последний день существования СССР и символическую замену флага над Московским Кремлем после распада Советского Союза, то стоит привести полный текст еще одного уникального рукописного исторического документа. Данный документ никогда не вводился в научный оборот и был не доступен для историков. Это акт о спуске Государственного флага СССР и поднятии Государственного флага Российской Федерации над Московским Кремлем, датированный 25 декабря 1991 г. Сегодня уже настало время привести полный текст этого интереснейшего документа.

Автограф Коменданта Московского Кремля на флаге СССР, спущенном 25.12.1991 г.

**«Акт
г. Москва, 25 декабря 1991 г.**

Согласно распоряжения⁶ руководителя администрации Президента Российской Федерации тов. Петрова Ю.В. за № 190 от 25 декабря 1991 г. в 19 час. 35 минут Государственный флаг СССР был спущен с флагштока здания Правительства корп. № 1 Московского Кремля.

В 19 час. 45 минут 25 декабря 1991 г. был поднят Государственный флаг Российской Федерации. Работу по замене Государственных флагов под руководством коменданта Московского Кремля полковника Барсукова М.И. и коменданта комендатуры по охране резиденции Президента СССР и Президента РСФСР подполковника Крапивина Ю.В. выполнили начальник административно-хозяйственного отдела ХОЗУ комплекса «Ансамбль» т. Кузьмин В.Н. и специалист 1 категории т. Архипкин В.Т.

Настоящий акт составлен в присутствии начальника ХОЗУ комплекса «Ансамбль» т. Кудрявцева Р.И., заместителя начальника ХОЗУ комплекса «Ансамбль» т. Наслузова В.И. и заместителя начальника ХОЗУ администрации Президента Российской Федерации т. Савченко В.Е.

Подписи	Барсуков М.И.	Кузьмин В.Н.
	Крапивин Ю.В.	Архипкин В.Т.
	Савченко В.Е.	Кудрявцев Р.И.
	Наслузов В.И.».	

⁶ Текст документа приводится в точном соответствии с подлинником. Подписи участников стоят справа от соответствующей фамилии. (Прим. авт.)

Именно М.И. Барсуков доложил руководителю Администрации Президента России Ю.В. Петрову о подъеме над Кремлем российского триколора. Дальнейший доклад Президенту России об этом историческом событии делал уже Юрий Петров.

По сути именно спуск красного флага, развевавшегося над Кремлем много десятилетий, стал главным визуальным символом кончины великой советской державы.

Российский Государственный флаг, поднятый над Московским Кремлем 25 декабря 1991 г., стал новым символом нового государства, ставшего правопреемником Советского Союза. Первые флаги Российской Федерации, поднимавшиеся над Московским Кремлем, сохранились в качестве исторических реликвий.

Так в экспозиции музея первого Президента России в Ельцин-центре в Екатеринбурге имеется один из подлинных флагов Российской Федерации с купола здания Кремлевского Сената. На этом флаге Российской Федерации имеется надпись, сделанная прямо на полотнище бывшим в тот исторический момент комендантом Кремля М.И. Барсуковым, которая подтверждает его подлинность: «25 декабря 1991 г. в 19.45 поднят Государственный флаг РФ». Далее идет подпись М.И. Барсукова.

Еще один подлинный Государственный флаг Российской Федерации, поднимавшийся над Кремлем, с сентября 2021 г. находится в экспозиции музея Гаража Особого назначения в павильоне № 53 на ВДНХ. На флаге имеются подпись М.И. Барсукова и следы ржавчины от троса крепления на флагштоке. После спуска флага он не был отправлен в химчистку и сохранился в первозданном виде таким, каким он находился над куполом здания Кремлевского Сената.

Ключевые слова:

Кремль. Распад СССР. Замена флага СССР. Подъем флага России.

Sergey V. Devyatov

**THE LAST DAY OF THE LIFE
OF THE SOVIET UNION.
THE FIRST DAY OF THE EXISTENCE
OF THE RUSSIAN FEDERATION
DECEMBER 25, 1991**

The article is devoted to the history of one day in the Moscow Kremlin. It was the last day of the USSR's existence — December 25, 1991. Against the background of the display of historical events of that time, it is told about the change of the State Flag of the USSR to the State Flag of the Russian Federation. For the first time, a unique document is published — an act on the replacement of the flag, written immediately after this event and signed by all participants.

Keywords: The Kremlin. The collapse of the USSR. Replacement of the USSR flag. Raising the flag of Russia.

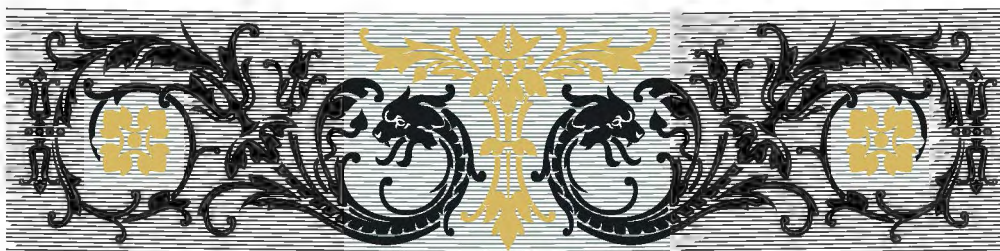
Introduction article, preparation of the text and comments by:

Sergey V. Devyatov — Dr. Sci. (History), Professor, Head of the Department of Russian History of the 20th–21st Centuries, Faculty of History, Lomonosov Moscow State University.

Вступительная статья, подготовка текста и комментарии:

 Девятков Сергей Викторович

доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой истории
России XX–XXI вв. исторического факультета
МГУ имени М.В. Ломоносова

ПАМЯТКА АВТОРАМ

Уважаемые авторы!

Журнал является научным, по тематике — историческим.

В редакцию журнала предоставляются три документа в отдельных файлах:

1. Статья (публикация источника, рецензия).
2. Аннотация к статье (публикации источника, рецензии).
3. Сведения об авторе.

ТЕХНИЧЕСКИЕ ТРЕБОВАНИЯ

Редакция журнала принимает все материалы (текст статьи, аннотацию, сведения об авторе) только в электронном виде в редакторе Microsoft Word (с расширением «.doc» или «.rtf»), набранные шрифтом Times New Roman без автоматических переносов. В имени файлов обязательно указывается фамилия автора.

СТАТЬЯ

Объем статьи — от 1 до 2 авторских листов (40–80 тысяч знаков с учетом пробелов); кегль — 14, первая строка с отступом, межстрочный интервал полуторный. По согласованию с редакцией принимаются статьи и большего объема. Обязательными компонентами статьи являются:

ФИО автора и заголовок статьи

О.А. Сухова

ГУБЕРНАТОРЫ ПОВОЛЖЬЯ И УРАЛА В НАЧАЛЕ XX В.

Ключевые слова (после статьи указываются 4–6 понятий, терминов, имен собственных, несущих в тексте основную смысловую нагрузку)

Ключевые слова: П.А. Столыпин, И.Л. Блок, контроль за губернаторами, крестьянский террор

Сноски

Оформление сносок:

Сноски в статье следует проставлять постранично («внизу страницы»), их нумерация должна быть сквозной (например, с 1-й по 32-ю); шрифт (кегель) — 12.

Иванов И.И. История европейских стран. М., 2002. С. 14.

Иванов И.И. К вопросу о развитии европейских стран // Вопросы истории. 1999. № 2. С. 1–11.

Для иностранных изданий: *Johnson J. The History of USA. London, 2002. P. 14.*

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Список использованной в статье литературы следует представить в конце статьи в романском алфавите.
2. Список литературы (References) в романском алфавите для международных баз данных, повторяет все источники литературы, независимо от того, имеются ли среди них иностранные. Если в сносках на русском есть ссылки на иностранные публикации, они полностью повторяются в списке, готовящемся в романском алфавите.

3. Транслитерируются фамилии авторов и русскоязычные названия источников. Переводятся названия статей, монографий, сборников статей, конференций.

Пример:

Кочукова Е.В., Павлова О.В., Рафтопуло Ю.Б. Система экспертных оценок в информационном обеспечении ученых // Информационное обеспечение науки. Новые технологии: Сб. науч. тр. М.: Научный Мир, 2009. С. 190–199.

Kochukova E.V., Pavlova O.V., Raftopulo Yu.B. The system of peer review in scientific information provision // Information Support of Science. New Technologies: Collected papers [Sistema ekspertnykh otsenok v informatsionnom obespechenii uchenykh. Informatsionnoe obespechenie nauki // Novye tekhnologii: Sb. nauch. tr.] Nauchnyi Mir, Moscow. P. 190–199.

4. Список литературы в латинице может готовиться с помощью систем транслитерации свободного доступа (<http://www.translit.ru>) и переводчика Google. Вручную делать транслитерацию не допускается в целях избежания ошибок.

АННОТАЦИЯ

Аннотация с указанием названия статьи и фамилии автора представляется в отдельном файле (.doc или .rtf).

1. Название файла: «Фамилия автора — Аннотация».
2. Объем: 1500–2000 знаков с пробелами.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

В отдельном файле (.doc или .rtf) должны содержаться:

1. Фамилия, имя, отчество автора (полностью).
2. Ученая степень, звание, должность и место работы (полное название учреждения, города, страны).
3. Контактная информация: адрес с почтовым индексом, телефоны/факсы (служебный, мобильный), e-mail.

ИЛЛЮСТРАЦИИ

Публикация в журнале может сопровождаться иллюстрациями.

1. Иллюстрации и фотоснимки в электронном виде высылаются отдельными файлами: формат TIFF или JPG; размер не менее 2 Мб.
2. К иллюстрации необходима подпись с описанием события, объекта и датировкой. Также следует указать привязку иллюстраций к тексту статьи в отдельном документе (.doc или .tft).
3. Редакция оставляет за собой право подбора или замены иллюстраций к статье.

Члены редколлегии в трехмесячный срок принимают решение о публикации присланного материала.

**Материалы высылаются на электронный адрес:
historical.reporter@gmail.com**

ПОДПИСКА

Оформить подписку на журнал «Исторический вестник» можно он-лайн на сайте Почты России.

www.podpiska.pochta.ru

Наш индекс – ПА772.

**Материалы журнала включены в систему
Российского индекса научного цитирования.**

Для заметок

Для заметок

Для заметок

Следующий номер «Исторического вестника» посвящен дискуссионным проблемам российской / советской истории XIX–XX вв., связанных с реформаторскими и революционными процессами, социальными движениями.

ПРОЕКТ РУНИВЕРС

Свободный доступ к материалам по отечественной истории и культуре

Тысячи дореволюционных книг и журналов

Старинные атласы с уникальными картами
российских земель и городов

Все дореволюционные военные энциклопедии

Полное собрание законов Российской империи

Собрание архивных документов

Это и многое другое вы можете найти на сайте www.runivers.ru

Книжная серия «Наглядная хронология»

Планируется выпуск следующих изданий:

От Руси к России (X–XVI века)

Рождение Российского царства

Россия в эпоху Смуты

Россия при первых Романовых

Россия при Петре Великом

Россия в эпоху дворцовых переворотов

Россия при Екатерине Великой

Россия в первой половине XIX века

Россия во второй половине XIX века

Россия в XX веке